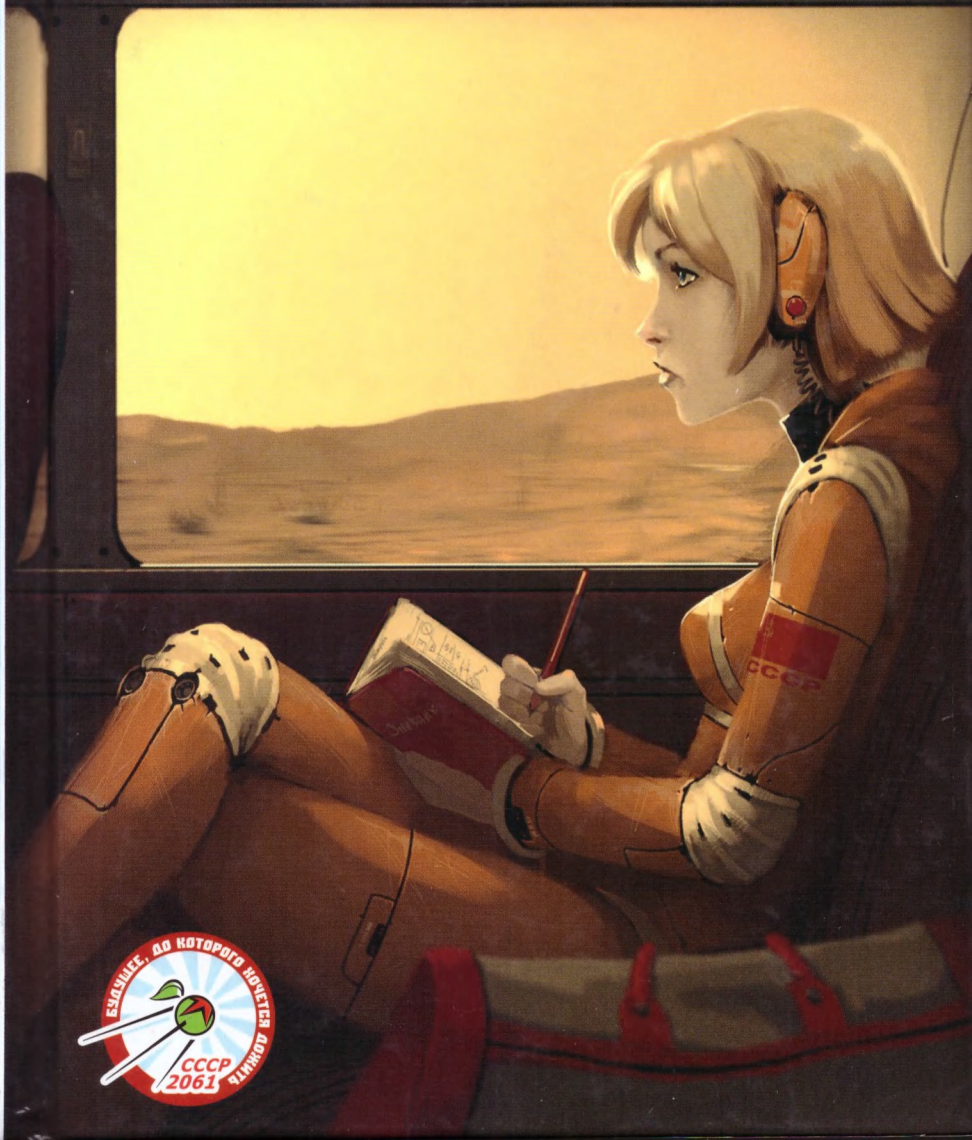

СССР — 2061

РАДИО

СССР - 2016

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА 2016

МАЙК ГЕЛПРИН
ИГОРЬ МИНАКОВ
ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ
ЮЛИЯ ОСТАПЕНКО
и другие

CCCP-2061

MOCKBA
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С75

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *Е. Лизина*

Составители Арт-сообщество «СССР-2061»

С75   СССР-2061. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
352 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-93208-5

Будущее, до которого хочется дожить...

Кто бросил клич «Марс — дело общее»? Этот вопрос долго интересовал часть работников Звездного городка. Вторая Марсианская экспедиция с самого начала подготовки ажиотажа не вызвала. Один раз были? Ну и хорошо! Да вот только отмахнуться от желания энтузиастов вплотную заняться освоением Красной планеты официальной советской космонавтике не удалось...

Сборник фантастических произведений о светлом будущем, составленный совместно с проектом «СССР-2061»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Горбов А., Жигмытов Ц., Климова А.,
Погодаев А., Празднова Е., Рагимов М.,
Рламова А., Роу И., Ружда А., Савеличев М.,
Соколов Л., Спящий С., Тверских Ш.,
Цыбиков Ч., Шпаков В., 2016

© Состав и оформление.

ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-93208-5

ЦОКТО ЖИГМЫТОВ
ЧИНГИЗ ЦЫБИКОВ

В ШТАТНОМ РЕЖИМЕ

 вам так скажу, парни: уж на что у нас Томми веселый парень в части что-нибудь разбить или поломать, но с Тимом Нэддоном не сравнится даже он! (Смех, крики «Давай про Нэддона!») А я про что? Вот его портрет на стене; наш Тим — он, конечно, герой, ученый и все такое, но мы тут вроде как все герои, если так посмотреть, или кто хочет сумму контракта показать друг другу, чтоб выяснить, кто круче? Я думаю, когда Тим родился, то мистер и миссис Нэддон называли его примерно так (изображает мужской бас, хмурит брови): Дорогая, может, назовем его Катастрофа? (Фальцетом): Дорогой, что ты, он же наш мальчик, ему же жить с этим именем. Давай назовем его просто Капец! (Смех, аплодисменты.) Имя Тим ему дала чиновница из муниципалитета; уверен, у доброй женщины просто не оказалось под рукой дробовика. Хорошо, что есть космос, Ганимед и пояс Койпера. Космос, храни Америку! Не дай ему вернуться в Штаты!

Но история не об этом, парни! Это настоящая американская история, а значит, в ней не обойдется без русских. (Смех, свист, улюлюканье.) Да-да, а что делать. Эти ребята опять натя-

★ нули нашу команду в их дурацкий ганимедобол, а знаете почему? Потому что их космическая таможня в Бай-ко-ну-ре не пропускает сюда ящик с бейсбольными битами, они, видите ли, слишком тяжелые. Точнее, половина из них... Нет-нет-нет, я не в этом смысле (изображает удар и падение, смех в зале). Но если мы каждую неделю терпим это унижение, которое они называют соккером, почему бы им пару раз не сыграть в нашу игру?

Но довольно болтовни, в конце концов, русские сейчас не спеша трудятся, чтобы мы в поте лица праздновали Рождество. И вообще, мы с ними одно дело делаем; узнать бы только, какое и нахрена (смех). Значит, все началось прямо за сутки до первого сеанса квантовой связи с «Вояджером». О, чувствуете себя частью истории? Это было три смены назад, когда наше квантовое Зеркало (указывает пальцем вверх) стояло всего на четырех «ножках», как новорожденный теленок, и когда Нэддон был зеленый офицер-техник, ну вот как ты, например (тычет микрофоном в майора Стэнли, смех в зале). Ой, сэр, простите, не узнал, сэр, ганимедская атмосфера, знаете, такая непрозрачная, что... Что? Здесь нет атмосферы? Я подам рапорт в НАСА о краже атмосферы! Как, и воды здесь тоже нет? Тогда какого хрена мы, морпехи, тут забыли? (Смех, свист, крики «Старо!») Знаю, знаю, но не забывайте, что это единственная шутка господина майора, которую он придумал за всю свою жизнь. Имейте уважение. К тому же он меня лично попросил за кулисами (снова изображает удар и падение). Видите, он смеется!

— Ты чего смеешься? — спросил Андрей.

— Что? — переспросил Нэддон. Его голос в динамиках скафандра звучал искаженно и оттого еще более издевательски. Андрей повторил вопрос по-английски.

— Смешно, если сдохнем тут, — ответил американец. — Не подать сигнал — и все.

— Смешно тебе, — согласился Андрей. — Ну подай сигнал, чего ждешь-то?

Нэддон ничего не ответил, и Андрей знал, что сигнала не будет. Ни один морпех ВМС США, пусть даже и техник, не вызовет помощь раньше русского десантника. Кроме того, сигнал означает, что «таблетка», которая их высадила и направилась дальше, ко второй подстанции, развернется на их поиски, потому что оба «ска-та» в ремонте; а это значит, что вторую подстанцию тоже не починят вовремя, потому что они еще не успели до нее допрыгать; а это значит, что Зеркало, висящее далеко-далеко над их головами, будет работать на двух оставшихся «Ногах», то есть нестабильно. Что последует далее, Андрею даже думать не хотелось. Да и образования не хватало. Правильно Глазков говорит: наберут здоровых, а спрашивают как с умных...

И завтра, как назло, первый в мире сеанс квантовой связи с «Новым Вояджером». А без Зеркала связи не будет. То есть об их позоре узнает вся планета. Вся планета и ее окрестности.

— Дойдем до трассы, — сказал Андрей. — Подождем «таблетку» там, они как раз будут

возвращаться обратно со второй «Ноги». Потом на ней вернемся на базу, а оттуда возьмем еще людей и вытащим подстанцию обратно.

— Это что есть? Аутотренинг? — спросил Нэддон. — Я понял твой план. Обычный русский план.

— В смысле, «обычный русский план»? — переспросил Андрей.

— Ваша страна не ценит личность, — сказал Нэддон. — Не цените сам каждый себя. И каждый готов умереть, чтобы не... чтобы не fuck up другие.

— А у вас не так?

— У нас рационально, — ответил техник. — Привезти морпеха сюда — сто миллионов нью долларс. Привезти техника, такой, как я, — пятьсот миллионов нью долларс. А мы погиб, потому что ты упрямый. Твоя страна работала, чтоб тебя сюда привезти. На Ганимед. Огромный труд, много работы. Как вы измеряете работа?

— В рублях, как, — мрачно ответил Андрей. — На вес.

— Миллиард рублей! — веско сказал американец. Он не понял.

— Так вызывай подмогу, — предложил Андрей. — Сэкономишь.

Нэддон снова не ответил. То-то же, злобно подумал десантник, разговоры разговорами, а кнопку первым нажать не хочет. Сам Андрей Тогутов, рядовой ВДВ СССР, разумеется, никакого бедствия не видел и сигналить о нем соответственно не собирался. Штатная ситуация; это не «как в Штатах», а так, как должно быть.

— Завтра квантовая связь с «Вояджером», — сказал он примирительно, старательно выговаривая английские слова. — Надо, чтоб все было ОК.

И аж скривился — стандартные обороты из ускоренного курса не выражали всего, что он хотел сказать. Андрей стал разглядывать пейзаж, расстилавшийся перед ними. Самой заметной и одновременно самой незамечаемой его деталью был, конечно же, Юпитер, занимавший на данный момент почти четверть неба и который советская часть базы, не сговариваясь, называла просто Дурой. По легенде имя сие пошло от майора Глазкова, который в первую пробную вылазку так и сказал во всеуслышание: «Ну и дууура!». Называли его так, впрочем, со всем уважением и опаской — характер у Дуры был вспыльчивый, и минимум раз в месяц вся база отсиживалась в свинцовых кабинках и горстями жрала арадин: газовый гигант, объединившись с Солнцем, сдирал со своего спутника магнитную защиту, подставляя его всем излучениям большого космоса.

В остальном картина была до тошноты монохромной — природа обошлась здесь палитрой рентгеновского снимка. Черное — грунт, белое — лед. Темно-серое — молодой (относительно) грунт, светло-серое — старый (относительно) лед. Грунт, лед и переливающаяся Дура в четверть неба. «Атмосфера хорошая, кислородная, но отсутствует» — тоже из перлов товарища майора...

— «Вояджер», — сварливо протянул Нэддон. — Вот где смысл, понимаю. Вот почему мы

тут сгинуть. «Вояджер», by the way, есть просто железка. А здесь — две человеческой жизни. Что, Эндрю?

— Это же ваш аппарат, американский, — заметил Андрей. — Неужели не жалко будет, если связь не состоится? Зря долетел, что ли? Зря мы тут полгода корячимся? Зеркало это на «Ноги» ставим?

— Screw it, — отвечал Нэддон после короткого раздумья. — Что он сказать интересного? Вэкьюм, пусто!

— Ну интересно же, — ответил Андрей не слишком уверенно. — Посмотреть на этот, пояс Оорта. Откуда к нам каменишки эти прилетают? Ну как в двадцать девятом было? Или в тридцать шестом.

— Well, — произнес американец. — Пояс Оорта, это, надо полагать, что-то среднее между облаком Оорта и поясом Койпера?

Андрей слегка стиснул зубы: поддел, поддел проклятый янкес, что уж тут. Читал же, учил! А что толку? Шагай, обтекай.

— И вообще эта космическая гонка есть зло, — действительно очень зло проговорил техник. — Вы, русские, навязать ее нам, а наше idiotic правительство купилось. Престиж страны...

— Я никому ничего не навязывал, — холодно отвечал Андрей. Он решил, что этот тон будет наиболее правильным. — И правительство тоже. Не хотите — не осваивайте космос, в чем проблема? Других найдем.

— Ну конечно! — воскликнул Нэддон и неожиданно закашлялся. Андрей остановился, огля-

нул — и облился холодным потом: напарника за спиной не было. Где он?

И сам не заметил, как сдернул с плеча автомат. Ганимед, конечно, необитаем, это мы вроде как усвоили, но куда-то ведь этот чертов янки подевался — или же кто-то его подевал?

— Да, of course, — снова услышал Андрей. — Отличный ход, застрелить меня. Я слева. Careful.

Андрей повернулся налево, одновременно торопливо вешая автомат обратно на плечо. Он увидел Нэддона, который стоял в расщелине, скрытый почти по шею.

— Упал, что ли? — спросил Андрей, приближаясь плавными скачками.

— Нет, — неожиданно коротко и каким-то другим голосом ответил техник. — Эндрю, послушай. Ты помнишь, вокруг «Ноги» такая же штука была?

Он указывал на коричневую полосу на черном грунте, похожую на окалину. Андрей присматрелся.

— Похоже.

— Ну и ну, — сказал Нэддон отдельно и старательно. Десантнику очень хотелось спросить, что это значит, но он удержался. Ясно же, что опять показывает ему образованность свою. Интересно, лейтенант Мальцев так же гнобит своего американца? — Было бы хорошо, если бы ты выкинул твою пушку, — сказал техник, выбираясь из расщелины. — А то похоже, буд-то ты есть мой конвой.

— Не надо было свой забывать, — заметил Андрей.

— Я не забывать, — огрызнулся Нэддон. — Я его намеренно оставить на вашей «таблетка».

— Да, да, — сказал десантник. — Конечно.

— А! — Нэддон развеселился неожиданно. — Я понял. Это русская месть! Ты меня хочешь расстрелять перед строем.

— Чего? — опешил Андрей.

— Вы же проиграли в футбол.

Да, братья мои по Ганимеду! Были и такие времена! Времена, когда наша команда могла по своей воле брать реванш в ганимедский соккер у русских. За полторы недели до этого русские выиграли у нас 7:0, и тогдашняя наша сборная решила — мы их укутаем. И они сделали это! (Аплодисменты.) Их подвиг просто не поддается описанию. Ведь что такое ганимедский соккер? Это гигантский гроб из пластиковых решеток размером с три нормальных стадиона, где носятся и сталкиваются двадцать два кабана и один мячик. Господи, они могут отдавать пас от стенки и, господи, они регулярно делают это! (Смех.) Более того, они забивают от стенки, и правила это допускают — и ладно правила, но куда смотрит наш всемогущий американский господь? Это, черт побери, соккер, в конце концов, или снукер для гиперактивных переростков, у которых папа отобрал кий? Представьте, ваша жена скажет вечером: дорогой, у меня голова болит, забей сегодня от стенки!

Наши тогда выиграли всего 1:0, но ведь выиграли! И единственный мяч! от, прости господи и моя будущая жена, стенки или даже потолка! забил наш Тим Катастрофа-Капец Нэддон. А кто

стоял на воротах у русских, да ни за что не догадаетесь! (Крики «Эндрю! Эндрю!») Клянусь, если бы это было не так, я бы это придумал, так что нет разницы, верите мне вы или нет.

Но речь не о нем. Полковник Глазкофф, он тогда был майор, человек бо-ольшой деликатности, пришел после матча в ангар и сказал: ну вы же выиграли, дайте нам «скат»! (Пауза, затем нарастающий смех.) Вот, до кого-то начинается доходить. Я всегда говорил, что русские, это азиаты, а никакие не европейцы. Они уверены, что наши супернадежные, суперсовременные «скаты» ломаются исключительно потому, что техники слишком уж рьяно болеют за свою команду. У русских другой причины быть не может, а? (Изображает русский акцент.) «Ну мы же поставили Эндрю в ворота, чего вам еще надо?»

Но так совпало, что оба ската и правда не работали. Парни, я молюсь, чтобы виной тому действительно были техники, мне скоро ехать на одном из них на дежурство, отрабатывать сегодняшний праздник. *Post hoc non est propter hoc*. Это латынь, что, никто не знает латынь? Господин майор, сэр? О, простите, это была шутка из другого моего выступления, у меня после службы намечены концерты в Гарварде, среди моих коллег, нобелевских лауреатов. У меня там латынь вперемешку со словом «задница», думаю, успех гарантирован.

— «После» — не значить «вследствие», — назидательно произнес Нэддон. — «Скаты» сложные vehicles, а чем сложнее vehicle...

★ — Зачем тащить на Ганимед сложную машину? — перебил его Андрей. — Вот у нас две «таблетки». Из них одна всегда на ходу. Что, плохо?

Две несуразно квадратные фигуры огромными тяжелыми прыжками передвигались по черному грунту, старательно перескакивая через расщелины и обходя каменные торосы. Они уже вышли из ледяных щупалец кратера Ташметум и, судя по карте, приближались к основной трассе, которая, как и многое на Ганимеде, не была представлена материально, а существовала исключительно в памяти компьютеров в виде оптимального маршрута для «таблетки». Боевая машина пехоты (модернизированная) уже высадила Мальцева с напарником на «Ногe-2» и возвращается на базу — как здесь принято, огромными скачками по пять — семь километров каждый, потому что экономия; то еще удовольствие, даже с компенсаторным механизмом. Американские «скаты» идут ровнее, быстрее и горючего почти не жрут: постоянно в ремонте.

— ...Отслужу, учиться пойду, — нарочито беззаботно говорил Андрей. Тим Нэддон двигался все медленнее, и это начинало тревожить. — Если сержанта дадут, то на режиссерский. А так на актерский. Там льготы есть для отслуживших.

— А для неслуживших? — тяжело дыша, спросил Нэддон.

— А неслуживших у нас нет, — ответил Андрей, а сам думал в это время: морпех-то мой не выдохся ли. Кабан, конечно, он здоровый, хоть и техник, но вроде как постарше будет...

— Эндрю, я ОК, — сказал Нэддон. Андрей вздрогнул, хорошо, под скафандром не видно. А американец продолжил: — Посмотри здесь. Не могу видеть.

Десантник плавно затормозил, развернулся и наклонился к плечу своего напарника. Постоял так несколько секунд, затем выпрямился и без лишних слов нажал «экстренный вызов». Легкий толчок: его ранец отстрелил вверх ракету, которая сначала просела, затем по крутой вогнутой траектории пошла вверх; Андрей смотрел ей вслед, по привычке приложив руку козырьком, хотя необходимости в этом не было. «Эвэшка» ушла в точку, незаметную на черном звездчатом небе, затем там вспыхнуло беззвучно красным, затем еще раз и еще, ниже и ниже. Вспышек этих будет ровно десять, и с каждой в эфир идет мощный радиопакет с его позывными и координатами, пробивающий любые помехи — говорят, что его можно поймать даже на Луне.

— Надо же, — спокойно произнес Нэддон. — Спасибо.

— Было бы за что, — пробурчал Андрей. — Почему сразу не сказал?

— Только что заметить, — ответил американец так, что Андрей решил сразу: врет. — Well, теперь ждать «таблетку»? Да?

Андрей коротко рассмеялся.

— Размечтался.

Нэддон не понял.

Андрей объяснил: «таблетка» от того, что получила сигнал бедствия, не станет летать быстрее или рулиться маневреннее. Она остает-

ся все той же здоровенной планетарной железной лягушкой, с точностью прыжка плюс-минус двести метров — и то если пилот очень постарается; на точный режим у нее, скорее всего, уже не хватит топлива... А даже двести метров на Ганимеде — это торосы, утесы, расщелины, глыбы льда, лужи льда, и высматривать два скафандра в условиях привередливой радиосвязи — задача не из легких. А время...

— Да, время идет, — согласился Нэддон. Поднял левую руку снова, оглядел. Темно-коричневая окалина распространилась уже до локтя вниз и приближалась к сгибу плеча вверх, а там и самое уязвимое место недалеко: крепление шлема. Андрей почувствовал, как жуткий холодок зародился где-то пониже солнечного сплетения и пополз по ребрам и хребту, обнимая все его существо, и он понял, что это страх.

Ведь Нэддон может погибнуть. По его вине.

Что, ребята, заскучали? Я вам так скажу: вы просто знаете, чем все кончилось, и это всегда прекрасно. Примерно как смотреть на своего оболтуса и думать: хрен с этим тупицей, зато тогда мне точно было хорошо! Этот Эндрю, он неплохой парень, он ведь сразу (выразительно подмигивает) запустил экстренную ракету. Кстати, вы знаете, это ведь исконно русский обычай: если жизнь становится кисловатой, надо запустить что-нибудь повыше, и желательно в космос. А если от этого кому-нибудь станет хреново, то можно с ним поговорить и выпить vodka. (Смех, свист, улюлюканье.) Русский летающий танк-мутант, который они нам с вот такими честными глазами выдают

за, вы не поверите, машину пехоты, маленькая такая машинка маленькой русской пехоты! — это штука со всех сторон просто отменная. Она как конструктор «Лего», открутил там, прикрутил тут — а она все работает; ну-ка, ну-ка, еще открутил, еще прикрутил — работает! нет, это уже интересно, а если вообще вот тут все открутить, а тут прикрутить — оу! да это же *balalaika*! (Смех, аплодисменты.)

Но речь не о технике. База, конечно, услышала экстренный вызов Эндрю. Теперь ей надо было достучаться до русской «таблетки». (Изображает стук по броне.) Эй! Есть кто дома? Знаете, тут у нас два чудилы, наш и ваш, терпят небольшое бедствие, вы не заглянете к ним, спасибо, до свиданья. Как назло, в это же время порочный старик Юп в очередной раз воспыал страстью к своему милому дружку виночерпию... Ну вы же понимаете, чем занимались древний римлянин и древний грек, напившись вина. В общем, над Ганимедом и окрестностями начиналась магнитная буря, и связи не получилось. То есть у кого-то, может, и получилось, но у наших парней — нет.

— Связи нет, — сказал Андрей.

— Нет, — подтвердил Нэддон через несколько секунд.

— Ждем, — сказал десантник. — Трасса здесь, они нас увидят.

— С высоты три километра? — скептически поинтересовался Нэддон.

— Тут место ровное, — проговорил Андрей. — Я думаю, пилоты его заметили для прыжка.

— Я думал, что вашей «таблетке» без разницы, ровное место или нет, — сказал Нэддон. — Она же не опускается ниже скольких там метров?

— Не опускается, — подтвердил десантник. — Но все равно прыгать лучше на ровное место. На всякий случай.

— На всякий случай, — повторил американец. — Это да, it's very... по-русски.

Андрей не стал отвечать. Взаимные выпады, или, как называл эти препирательства лейтенант Мальцев, «межкультурные апперкоты», были основной формой беседы между русскими и американцами на Ганимеде, да и на других международных станциях. При том что люди туда шли подготовленные, подкованные и с широкими взглядами: Нэддон, например, был по убеждениям левый демократ, хорошо говорил по-русски и неоднократно бывал в СССР не только по службе.

— Эндрю, — заговорил Нэддон. — Мне нужна твоя услуга.

— Конечно, — осторожно сказал Андрей. Очень уж просто звучал голос американца.

— Запомни и передай нашим командир: похоже, на Ганимеде есть жизнь. Слушай меня! Вот она, — он указал на плечо своего скафандра. — Я полагаю, она питается энергией и собирается у тех мест, где много энергии. Пробирается туда, прогрызает путь. Много мыслей, Эндрю: возможно, эти льды тоже последствия этой жизни. Я неправильно говорю, да? Ты все равно запомни. Станции, «Нога-Один», «-Два» и другие, они притягивают эту жизнь, там очень

много энергии, на них стоит Зеркало, квантовые преобразования. Эта большая энергия, на Ганимеде такой энергии не было: кванты, субъядерный синтез. Это для нее как чизкейк. Не думай, просто запомни. Повтори!

— На Ганимеде жизнь. Питается энергией, — хмуро повторил Андрей. — Субъядерный чизкейк.

Он не отводил взгляда от плеча американца. Поверхность скафандра уже была с мелкими рытвинами, и ему даже показалось, что он заметил, как граница темно-рыжей нечисти продвинулась еще выше. Скоро будет разгерметизация.

Эх, судьба...

— Субъядерный син-тез. Он дает ей push, она начинает жрать. — Нэддон поднял кулак в энергичном жесте. — Наша «Нога» провалилась под грунт, потому что под станцией снизу эта дрянь все сожрала. И в той расщелине. Другие тоже могут, и на базе тоже может быть. Поэтому надо быть осторожно! Ты запомни, Эндрю? На всякий случай.

— Запомнил, — ответил десантник и отвернулся. — Запомнил.

Больше сказать ему было нечего. Да и что тут скажешь.

И тут Нэддон закричал:

— Вижу! Вижу!

Андрей повернулся сначала к нему, затем в ту сторону, куда указывал американец, подкрутил визор — и сердце его, наполнившееся надеждой, снова упало: «таблетка» снижалась, но почему-то в трех километрах от них. Он, еще не

веря, смотрел, как боевая машина плавно снизилась и снова пошла вверх, в очередной прыжок; она достигнет наибольшей высоты как раз над их головами.

— Они не получал сигнал, — сказал Нэддон. — Хэй! Хэй, мать вашу!

И замахал руками, тяжело подпрыгивая. Какое там! БМП — она ведь для того, чтобы доставить груз и людей из точки А в точку Б, а вовсе не для обозрения надоевших окрестностей, которые, к слову, не подают никаких признаков жизни в радиозфире, а даже если бы и подавали, никто бы эти признаки не уловил, ибо буря магнитная жестокая весьма есть.

И они махали руками, и подпрыгивали, и кричали на всех частотах — но «таблетка» ушла ввысь, зависла там и, перескочив через них по огромной дуге, стала снижаться дальше по трассе.

— Fuck, — сказал американец раздосадованно. Он сидел на грунте, что инструкцией строго-настрого запрещалось. — Эндрю, я ногу повернул.

И тут Андрей увидел, как из-под шлема Нэддона выходит тоненькая-тоненькая струйка газа. Одна. И сразу же рядом — вторая. Андрей неслышно выдохнул, секунду оценивающе смотрел вслед «таблетке», затем сказал:

— Эй, Тим. Ну-ка не шевелись.

И снял с плеча автомат.

Первый сеанс прямой связи на субсветовые расстояния с использованием эффекта квантовой телепортации состоялся вовремя. Энергию Зеркалу «Ноги» выдали сколько нужно и ког-

да нужно; эта огромная, размером с Хоккайдо, висящая в вакууме линза из субэлементарных частиц, половина из которых носили самые экзотические названия типа бю-мезона Серебрянникова, а другая еще даже не была толком открыта — служила гигантской промежуточной антенной между орбитальной станцией «Мир-59» и «Новым Вояджером», добравшимся-таки до пояса Койпера, откуда, собственно, и велась трансляция. На взгляд Андрея, ничего путного «Вояджер» не показал — черная пустота, крохотные звезды и одинокий каменный обломок на расстоянии в пару сотен тысяч километров от аппарата. Обломок тем не менее произвел сенсацию, сути которой он не уловил, да и не стремился — ни тогда, сидя на губе, ни позже, когда уже работал в Новосибирске, в драмтеатре имени Афанасьева. Тима Нэддона наградили отпуском за открытие протожизни на Ганимеде и устранение опасного фактора. Конечно, никуда он со спутника до конца своей службы не улетал, но получил такую солидную компенсацию, что решил уволиться из морской пехоты и поступил в МФТИ; после аспирантуры он принимал участие в освоении Марса и Каменного пояса, а в этом году отправился в первую экспедицию к границам Солнечной системы. Комплекс квантовой телесвязи «Зеркало-Ганимед» по сей день работает в штатном режиме.

Парни, ну теперь вы понимаете, почему хорошо, что наш «скат» стоял в ремонте. Понимаете, нет? Нет? Совсем? А, да. Я забыл, мы

★ — же морпехи. (Смех.) В общем, если бы Эндрю стрелял в нашу десантную машину, это был бы международный скандал. Мелкий, конечно, но от того еще более противный! Думаю, полковник Глазков не был бы сейчас полковником, а контр-адмирал Даггич до сих пор бы протирал штаны вместе с нами. А как бы мы жили без вас, сэр? (обращаясь к майору Стэнли; беззвучно, прикрывшись ладонью, выговаривает слово «Прекрасно»; смех в зале). А русская «таблетка» приняла в себя пару пуль, бортовой комп сообщил — «ай-яй-яй, какой-то ганимедский стрелок в нас садит из «калашникова», что делать, командир? Варианты: уничтожить; уничтожить вместе с Ганимедом; простить и сделать вид, что ничего не было... а потом все равно уничтожить!» (Смех.) Это же русская машина, она не виновата, ее такой создали.

Но пилот оказался умнее, и уже через три прыжка... Ладно, не через три, но задумался: почему это ганимедцы стреляют пулями от «калашникова», задумался он. (Медленно крутя пальцем у головы.) Дальше мысль не пошла, но не буду вас мучить — пилот посадил «таблетку» где надо, принял на борт Нэддона и этого русского парня, и все закончилось очень, очень печально: Эндрю послали на русскую гауптвахту за то, что не подал сигнал сразу, а Тима Нэддона за его открытие наградили отпуском. А? Что? Ну как «почему печально»? Отпуск, премия, награда — это всегда печально и отвратительно, ведь награждают-то не тебя! Я так понимаю, ты хороший солдат и еще не испытал

всей любви сослуживцев к твоим достижениям. (Смех.)

Проклятую ганимедскую ржу недолго думая тупо соскоблили. Примерно вот так (показывает жестами), подкаблучники с детьми меня поймут. «Новый Вояджер» вышел в прямой эфир вовремя, квантовое Зеркало не подвело. Ну это вы все знаете. В конце смены Тим Нэддон оглянулся и, видимо, решил: что-то уж очень тут стало скучно! Не развернуться душе, не порушить ничего толком! Одни морпехи, а какая с них радость: они и так уже ударенные, причем трижды — ну скажите, кто в трезвом уме и твердой памяти пойдет служить (загибает пальцы) в морскую пехоту; на Ганимед; да еще и вместе с русскими?

Поэтому в этот рождественский вечер (одобрительные выкрики, аплодисменты) я предлагаю выпить за нас. В первую очередь — за любезно подменивших нас русских, я совершенно искренне им благодарен за это, за русских, которые так сильно хотят быть похожими на американцев, что постоянно делают себе новый фронтир... И за нас, за американцев, что хотят быть похожими на русских, ибо мы понимаем, что жизнь без высокой (указывает пальцем вверх), по-настоящему высокой цели, которую можно достичь только вместе, как-то уж очень скучна и бессмысленна.

Merry Christmas! Cheers! Na zdoroviye!

ВАМПИР

од бледным мерцанием звезд
неслышно движется он в бес-
престанном поиске добычи. Чу-
тье, превосходящее чутье лю-
бого зверя или человека, неумолимо ведет к
выбранной цели. Невообразимая выверенность
движений и точнейший расчет с самого нача-
ла ведут к единственно возможному результа-
ту охоты, которая может длиться неделями. О,
он умеет ждать! Невидимый и неслышный, при-
стально следит он за своим очередным трофе-
ем, в ожидании момента, предопределенного
естественным развитием событий — когда до-
быча окажется от охотника буквально на рас-
стоянии вытянутой руки. И лишь тогда, в точ-
но отмеренный срок, совершит он свой бросок.
Охватят его руки жертву, заключат в крепкие
стальные объятия; клыки, что прочнее алмаза и
острее легендарных клинков древности, вопьют-
ся в нее в поисках ихора, ценнейшей жидкости,
которая только и может продлить существова-
ние охотника; и с последними каплями того, что
для охотника является синонимом жизни, лишь
взметнется в лунном свете его плащ, предзна-
менуя похороны его последней жертвы. Не по-

следние, отнюдь, ибо зверь насытился и стал полон сил; но не заснул, поскольку вложенные его создателем инстинкты не дают ни единого шанса прекратить вечную охоту...

Я остановился, оглядывая свою аудиторию. Не так-то просто держать голос на нужном уровне торжественности, не скатываясь в завышения злодея из дешевого драматического сериала. Обычно получалось.

— Скажите, как его зовут? — негромко пропел Лешка из своего закутка, разрушая всю атмосферу.

Стажерки захихикали. Жизнерадостный толстяк, по злому капризу судьбы назначенный к нам инженером-программистом, обладал сверхъестественной способностью привлекать девчонок. Причем наш мачо-колобок, по меткому и оттого намертво прицепившемуся Витькиному определению, делал это абсолютно машинально, не прилагая никаких усилий, что и утнетало сильнее всего. Как неоднократно демонстрировала жизнь, с момента первого знакомства до, скажем, прилюдного завязывания бантиков на блузке воркующей практикантки проходило самое большее дней пять. В прошлом году кто-то даже пожаловался наверх, после чего Дженни собрала всех парней (естественно, кроме Лешки) и сообщила, что позиция Большого Руководства весьма проста и незатейлива — до тех пор, пока означенные практикантки и впредь будут выдавать одни из наилучших показателей по сектору, оному руководству с высокой колокольни плевать на моральный облик некоторых отдельно взятых сотрудников.

Потому что на грамоты, благодарности и квартальные премии мы почему-то никогда не жалуемся. Грамоты и премии были весомым аргументом — справедливости ради следовало упомянуть и о том, что молодое поколение, причем вне зависимости от пола и симпатичности, Лешка натаскивал за весь отдел.

— Пафос-пафос-пафос, — захихикала Леночка, комментируя мой рассказ.

— А мне понравилось, — возразила Оля, поддержав меня улыбкой. — Немного напыщенно, зато соответствует моменту. И эмблеме.

Насчет эмблемы — это было верно. Никто и не помнил, кому первому в голову пришла эта идея, но Дженни ее одобрила и пробила наверх. Стилизованный черный силуэт летучей мыши на фоне глобуса с девизом «Выше нас только звезды» у главного входа был предметом особой гордости отдела, хотя и вызывал обычно в корне неверные ассоциации с военной разведкой. Впрочем, мы и не думали никого разубеждать, с мужественно-суровыми лицами прогуливаясь по городу в условно-форменных куртках с характерными шевронами, привлекая внимание юных дев и восторженных мальчишек.

— Я, конечно, мог бы рассказать вам про работу отдела словами комсорга, но...

— ...девочкам нравятся летучие мыши и байки про вампиров, — пробормотал Лешка себе под нос, не отрываясь от расчетов. — Вступайте в ряды юных упырят! Выше нас только звезды, круче нас только...

— Алексей Игоревич, — я постарался придать голосу официальный тон. — Скажите мне, вот какого фига?..

— Я ниче, — моментально отозвался Лешка, поднимая голову. — Так, к слову пришлось. Кстати, мне на завтра нужны два стажера, погонщики выдали новое расписание.

— А сам никак?

— Михаил Евгеньевич, во-первых, не вмешивайтесь в процесс подготовки молодых кадров, а во-вторых, меня Дженни забирает на пару дней в Переславль.

— Двух не получишь, Юлия, Татьяна и Ольга уже сданы в аренду.

Девчонки захихикали, подозревая в нашей шуточной перепалке очередную подколку. Абсолютно зря, кстати. Стажеры и практиканты в качестве неквалифицированной рабочей силы были весьма востребованы. Чем, собственно, все и пользовались: отдел, в котором на данный момент подрастающее поколение проходило практику, частенько отправлял стажеров к другим, обменивая «стажерочасы» на определенные блага — машинное время, подготовку внутренней документации или, если ничего такого не требовалось, — на пару пачек бумаги или переходящую бутылку коньяка. Отдавать «неквалифицированную рабочую силу» за просто так было бы вопиющим нарушением традиций.

— Тогда возьму Елену, — ни на мгновение не задумался Лешка и продолжил, обращаясь уже к ней. — Леночка, солнышко, вам когда-нибудь говорили, как чудесно блещут ваши об-

Я не понимал, как подобное вообще могло срабатывать. Полная мистика. Но готов был поспорить, что сразу после возвращения из Переславля эта парочка будет завтракать вдвоем.

— Михаил Евгеньевич, — обратилась ко мне Юля. — А почему вы зовете начальника отдела Дженни?

Алик демонстративно посмотрел на часы. Перед каждым прибытием стажеров или практикантов сотрудники делали ставки. В частности, на то, кем и как скоро будет задан этот очевидный вопрос.

— Потому, что по паспорту ее зовут Дженнифер Петровна, в начале века английские имена были в моде. Но это звучит чересчур по-дурацки, и все ограничиваются одним лишь именем. Вышестоящие начальники — Дженнифер, а мы — просто Дженни. И да, предупреждая следующий вопрос, фамилия у Дженни...

Петр Гадин вовсе не был глупым или жестоким человеком. Мать Дженни, Ирина Чибисова, фамилию в браке не меняла и дочь тоже записала как Чибисову. Фамилию Дженни поменяла на отцовскую уже в сознательном возрасте, находясь на должности замначальника группы. В ЗАГСе, по слухам, ее долго пытались отговорить, но сдались перед непробиваемой аргументацией — при такой фамилии руководителю в принципе не надо будет гадать, дали ли ей подчиненные какое-нибудь прозвище. Да и большое начальство перманентно терялось после

недвусмысленного и короткого представления «Здравствуйте, я — Гадина!»

По этажу прокатился негромкий, но сразу привлекающий всеобщее внимание перезвон колокольчиков. Практически сразу же из туалета выскочил чертыхающийся Витька, на бегу вытирая наполовину выбритое лицо полотенцем.

— Никогда не успевает, — прокомментировал стажеркам Лешка.

— Почему?

— Спит до последнего, а потом бреется уже здесь, перед самой сменой. Результат, как вы сами видите, непосредственно на лице. Кстати, девочки, у вас же появилась отличная возможность.

— Посмотреть на небритого Виктора Андреевича?

— Посмотреть на работу небритого Виктора Андреевича! Звонок слышали? Это сигнал часовой готовности.

— Ух ты! Прямо сразу же! — восхищенная галдящая стайка упорхнула вслед за Витькой.

Спустя пару минут в раскрытую настежь дверь кабинета заглянула Дженни.

— Где? — не утруждая себя ненужными уточнениями, с ходу поинтересовалось руководство.

— У Измайлова часовая готовность. Детей отправили на охоту поглядеть.

— Это хорошо, — одобрила Дженни. — Курить пойдем?

Курили мы чуть в стороне от главного входа. Лешка, как обычно, захватил с собой пакет

с печеньем — местные белки, чувствовавшие себя на окраине города весьма вольготно, прибежали сразу же, как только видели сидящего на скамейке человека. Мы все гадали, когда обнаглевшие животные начнут стучаться в окна.

— Что думаете? — Дженни откинулась на спинку скамейки, подставляя лицо теплему осеннему солнцу.

— Думаю, все останутся, — подумав, ответил я.

— Рано, рано еще говорить, — лениво возразил Лешка, пока осторожная белка тырила из его протянутой ладони кусочки печенья. — Два дня только прошло. Я бы сказал, что рассчитывать мы можем на двух или трех. Но вот надолго ли?

Через стеклянные двери главного входа было видно, как в вестибюль спустилась Оленька. Оглядевшись и заметив нас, девушка, чуть поколебавшись, вышла на улицу.

— Я не помешаю? — чуть смутившись, спросила она.

— Конечно нет, садись! — немедленно отреагировал мачо-колобок. Променянная на стажерку и оскорбленная в лучших чувствах белка, громко вереща, усккала на соседнюю сосну.

— А о чем вы говорите?

— О вас, — невозмутимо ответила Дженни. — Прикидываем, сколько стажеров останется после испытательного срока.

— Мы будем стараться, мы не подведем. — Возмущенная горячность девушки была понятной. Попасть в Центр было не просто, все кандидаты проходили серьезный отбор. И, ра-

зумеется, все они мечтали работать у нас, хоть где-нибудь.

Просто Оля еще не понимала.

— Не в том дело. — Дженни потянулась, распрямила спину и вдруг как-то очень серьезно посмотрела на девушку. — Никто и не сомневается, что каждая из вас сдаст необходимые зачеты и нормативы.

— А в чем же тогда это самое «дело»?

— У нас на самом деле — тяжелая, выматывающая и непопулярная работа. Нужная, важная, но почти незаметная. Это сейчас стажеру кажется, что отдел и должность не играют никакой роли, ведь он же работает в Космосе. Но уже через пару лет человек осознает, что о нас не упоминают в новостях, мы не совершаем научных прорывов или героических подвигов. Он понимает, что про него не снимут фильм, не напишут песню, не позовут провести школьный урок... да даже простеньких стихов в стенгазете к 12 апреля не будет. Его ждет лишь маленький мирок, о котором слышали только специалисты и коллеги. И он начинает искать новую должность, отдел, в котором будет место его амбициям. Сверхсрочным, благодарственным грамотам, премиям, переходящим вымпелам, медалям и фотографиям крупным планом на доске почета.

— И тогда все уходит? — негромко спросила Оленька.

— Конечно не все, — возразил я.

— Уходят только эти, как их? Коммуникабельные, активные, целеустремленные, исполнительные, быстрообучаемые, стрессоустойчивые и желающие работать в команде. — Лешка

попытался выдержать серьезный тон, но под конец захрюкал, пытаясь скрыть смех. — А остаются одни раздолбаи вроде нас. Те, у кого в жизни есть не только трудовые подвиги в передовицах и показательной героизм.

— Зато у вас весело. — Стажерка улыбнулась.

— И атмосферно, — добавила Дженни. — Вон Михаил Евгеньевич, например, постоянно про вампиров пишет. Знала бы ты, сколько у него фанаток на англоязычных тематических форумах...

— Издержки профессии. — Я не удержался и подмигнул Оле. — Ты только вдумайся, вот мы сидим здесь, болтаем, а в это время под бледным мерцанием звезд неслышно крадется он...

Захват прошел строго по графику. Манипуляторы надежно зафиксировали цель, контактные виброщупы добрались до систем вытеснительной подачи. Оставалось менее двадцати минут до окончания «питания»: того момента, когда, выкачав так и не понадобившиеся резервы топлива и окислителя, орбитальный мусорщик «Вампир-4У» раскинет плащ атмосферного паруса, сводя отработавшую ступень на трехдневную траекторию контролируемого падения...

ГОРОДСКИЕ СОТЫ

Влад

Приложение называлось «Советский патруль».

— Установи, — посоветовал Синицын. Кто такой Синицын? Институтский товарищ, свой брат инженер. Наверное, можно сказать, что друг.

Влад лениво поинтересовался:

— Оно мне надо?

Разговор проходил на заводской проходной. Стоял удивительно холодный конец апреля. Выходя из теплого, пахнущего синтетической смазкой помещения и попадая под пронизывающий ветер, люди ежились от холода и поднимали воротники: обманутые утренним солнцем, заводчане пришли в легких куртках. Влад и сам стоял в тонком комбинезоне: плотная ткань хорошо защищала от ветра, но почти не грела.

— Все просто, — объяснял Синицын. — Увидел беспорядок или нарушение — фотографируешь, описываешь и указываешь место на карте. Короче, *сообщаешь*. Разбором претензий занимается специальная служба, под это дело и приложение выпустили. В рамках, так сказать, повышения гражданской бдительности. Или со-

лидарности, не суть. Самое главное, — Синицын прочитал это с особой значительностью, почти нараспев, — инициативные пользователи получают дополнительные баллы гражданской активности. Никаких переработок, выброшенных выходных и прочей фигни, просто ходи по улицам, жми на кнопку — и ты уже активист.

Синицын, в отличие от Влада, пришел в теплом пальто и шапке. Спрятав ладони в карманах, он с довольным видом наблюдал за торопливо разбегающимися заводчанами.

— Позавчера сообщил через приложение о сломанной скамейке в парке, — похвастался Синицын. — Вот, пришло уведомление, что поставили новую. Спасибо, мол, гражданин, за реакцию. Это я понимаю, новый уровень социального взаимодействия!

— И баллы дали? — поинтересовался Влад.

— Пока еще нет. За одну несчастную скамейку было бы слишком шикарно. Но я теперь, считай, на охоте. Как что увижу, сразу сообщу.

Мимо прошла Вера с третьего этажа, из отдела разработки софта. Ребята на секунду замолчали, проводив ее взглядами.

— В наше время без активной позиции пропадешь. Хорошо жить точно не получится. Очень, брат, советую установить. «Советский патруль» называется, запомнил?

Влад кивнул:

— Запомнил.

— И вот еще: когда будешь регистрироваться, укажи, что о приложении узнал от меня. Тебе все равно, а мне зачтется.

Спрятав улыбку, Влад покачал головой:

— Жук ты, Синицын.

— Не жук, а активный гражданин. Вот недавно пожаловался, что в городе всего один клуб дельтапланеристов. Всего один, представляешь? И в том нет свободных мест. «Без опыта не берем» — а где этот опыт набирать, если без него не берут?!

Оглядев близкую к сфере фигуру Синицына, Влад не без труда скрыл усмешку:

— Стало быть, решил податься в дельтапланеристы?

— Шутишь! — фыркнул тот. — Нафига оно мне надо?

— Тогда зачем?

— Затем, что в нашей «самой лучше стране на свете» меня как гражданина ограничивает какой-то задрипанный пенсионер. Это я про директора клуба. Я бы даже сказал, хамски ограничивает, с особым цинизмом. Закон говорит: я могу летать, если хочу. А хочу или нет, это законом не регулируется и не оговаривается. Могу — значит, обязаны предоставить возможность!

Помедлив пару секунд, Синицын воинственно вскинул подбородок. Но тренера рядом не было, а был только Влад. Синицын криво ухмыльнулся и пригрозил:

— Пусть проверочной комиссии объясняет, почему нормальный человек не может стать дельтапланеристом, если захочет. Странно, уже вторую неделю как жалобу отправил, а ответа все нет. Наверное, стоит еще раз попробовать.

— Дождешься, заставят тебя летать, — предположил Влад.

— Нет такого закона, чтобы заставить человека, — возразил Сеницын. — Главное, чтобы баллов начислили. Не начислят — буду жаловаться.

Заводчане давно разошлись по домам. Хлопнула, закрывшись, входная дверь и больше уже не открывалась. В четырехэтажном административном здании, где размещались управление и бухгалтерия, осталось открытое окно: то ли кто-то задержался, то ли забыл закрыть перед уходом. Сеницын на секунду достал руку из кармана для прощального рукопожатия и тут же спрятал обратно.

* * *

Десять вечера. Время еще детское, но для семейного человека уже поздно. По опустевшим улицам автобус летел через накрытый ночью город. После того как на предыдущей остановке сошла веселая компания студентов, Влад остался единственным пассажиром в салоне.

— В наше время нельзя быть равнодушным, — заявило открытое на экране установки приложение.

— Ну-ну, как будто когда-то было можно. — Влад усмехнулся, но выбрал пункт «Установить».

— Только общими усилиями, направленными на... можно добиться...

Влад перестал читать. Он и так все это прекрасно знал. Интересно, баллы активности засчитают?

— Создаваемой пользователем входящей заявке присваивается номер, по которому можно будет проследить за ее прохождением по инстанциям...

В автобус вошли двое: мужчина и женщина. Крупные капли воды на их одежде блестели в свете потолочных ламп. Вот и обещанные на сегодня осадки. А между тем зонт остался дома. Влад не любил, когда руки заняты, предпочитая ходить налегке. Кроме того, человеку всегда свойственно надеяться на лучшее.

— Благодарим за установку приложения!

— Вам спасибо, товарищи программисты.

Коммуникатор запищал и ткнулся в ладонь, предупреждая хозяина: пора выходить.

Автобус покатиł дальше. Высадил человека прямо в дождь и уехал, даже габаритами на прощание не мигнул. Одно слово — автомат.

Идти от остановки напрямик минут пять, не больше. Только напрямик не получится: мешают остатки старых торговых павильонов. Закопченные, обвалившиеся развалины, огороженные покосившимся забором. Павильоны выгорели еще при старой власти: то ли специально кто-то поджег, то ли случайно, теперь уже не узнаешь. Потом туда стали сваливать строительный мусор. А потом... потом новая власть огородила пепелище забором и на том успокоилась. И теперь день за днем, год за годом, чтобы выйти к остановке, Владу приходится обходить огороженные забором развалины, тратя лишние семь минут своей жизни.

— Это, конечно, не поломанная скамейка в парке, — подумал Влад, — но почему бы и нет?

Если власть хочет обратных откликов, то мы ей эти отклики с радостью предоставим.

— Благодарим за проявленную сознательность!

— Пожалуйста, программа. Это было не сложно.

— Обращение будет рассмотрено в установленные регламентом сроки...

— И на том спасибо.

Дождь и не думал прекращаться, видимо, всерьез собираясь зарядить до утра. С тоской вспомнив о висящем в прихожей зонте, Влад вздохнул и вышел из-под защиты козырька над остановкой. Тотчас на нос упала холодная капля, а ноги оказались в луже. Иногда жалкие семь минут, потраченные на дорогу от остановки до дома, могут показаться куда длиннее, чем они есть на самом деле.

Маша

Омытый за ночь дождем, освещенный мягкими лучами утреннего солнца, город сиял. В окне были видны и редкие лужи, блестящие расплавленным серебром, и небо, высокое и чистое-чистое.

В аудитории могли поместиться сорок человек, но их в группе осталось всего двадцать четыре. И это еще много: в параллельных группах и двадцати не наберется — всех поотчисляли за предыдущие три семестра.

Преподаватель и куратор потока сидел на столе. Мадирбаев Виктор Жумагазыевич, если по паспорту (и только попробуйте произнести

это неправильно!) — или Басмач за глаза (о чем он знал и гордился). Он облокотился на кафедру с такой непосредственностью, будто был не преподавателем, не куратором, а таким же студентом, смеясь ради усевшимся на лекторский стол.

Им предстояла очередная проверка. Возможно, по ее окончании кого-то отчислят, но уж точно не Машу — девушка не сомневалась в своих силах. Поймав насмешливый взгляд преподавателя, Маша на мгновение смутилась, но потом сделала такое уверенное лицо, какое только смогла.

— Виктор Жумагазыевич, какие внешние ресурсы мы можем использовать? — поинтересовался Яша Колмогоров.

— Никаких, кроме своих собственных, — легко ответил тот. — На время экзамена вы самые обычные граждане. Ваши права в гражданской системе контроля понижены до базовых. Доступ к специальным ресурсам закрыт прямо... — Куратор посмотрел на часы, кончики его усов поползли вверх, словно у сытого кота — ... с этой минуты.

Телефоны и планшеты тотчас запищали возмущенным хором, информируя своих владельцев.

Главная красавица группы Даша Стрельцова уточнила:

— Собственные ресурсы можно использовать без ограничений?

Стрельцовы владели сетью салонов красоты: небольшой, но едва ли не самой дорогой в городе. Сфера услуг осталась одним из немногих оазисов, куда государство не протянуло

свои щупальца, и конкуренция там была просто убийственной — но, судя по всему, дела у Дашиных родителей шли в гору. Если собственные ресурсы можно использовать без ограничений, то Даша получала преимущество перед своими одноклассниками.

— Собственные ресурсы можно использовать без ограничений, — подтвердил преподаватель.

Стрельцова ослепительно улыбнулась. Расправил плечи коротко подстриженный Кирилл, скупой улыбнулся розовощекий Максим — дети чиновников из областной администрации. Они не могли рассчитывать на деньги родителей, зато у них были родительские связи. Чем не собственные ресурсы?..

Родившаяся в семье стоматолога и технолога «Новхимпрома» Маша ни денег, ни связей не имела. Ее ресурсами было только то, чему она успела научиться здесь.

Несправедливо, конечно. Но разве это повод, чтобы сдаваться?

— То есть задание потенциально может быть выполнено обычным гражданином? Любым человеком? — спросила она.

— Конечно, может. Человек вообще может очень многое, если приложит достаточно усилий.

Влад

Заявка на благоустройство придомовой территории застряла, как муха в сиропе. Поначалу Влад хотел пожаловаться в поддержку, но потом как-то закрылся и забыл.

Да и как не закрутиться? Утром на завод, вечером домой. Пять дней в неделю творишь, решаешь задачи, выдаешь продукт. Тратишь по восемь часов в день с перерывом на обед и парочку перекуров, чтобы, как говорят поэты, улучшить этот мир.

Творец на зарплате. Демиург, погрязший в трудовых и семейных буднях.

А вечером поиграть или посмотреть что-нибудь по сети, заняться домашними делами или сходить с женой в кафе, если готовить не хочется. Времени нет, едва-едва жить успеваешь.

...Влад заметил ее, еще стоя в очереди на проходной. Дожди и заморозки закончились, и в потеплевшем воздухе наконец-то запахло свежими листьями. Просто преступление, что такой замечательный день выпал на четверг, а не, скажем, на воскресенье или субботу.

Сидеть на работе решительно не хотелось, и уже за пять минут до конца рабочего дня на проходной образовалась быстро рассасывающаяся очередь. Коммуникатор издал мелодичную трель, извещая, что где-то рядом находится чей-то чужой телефон, настроенный на аккаунт Влада.

Выйдя на улицу, он закрутил головой, выискивая кого-нибудь из приятелей. Но вместо приятелей к нему подошла незнакомая девчонка в горчично-желтом шарфе. Тонкая шея и большие, словно в удивлении, распахнутые глаза делали ее похожей на школьницу.

Девушка представилась:

— Маша Большакова. Здравствуйте!

— Николай, — с вежливостью атомного ле-докола вклинился в беседу вышедший с проходной Синицын. — Можно просто Коля.

Синицын считал своим долгом без приглашения влезать в разговоры знакомых, если их собеседницами были молодые и красивые девушки. Он называл это своим неотразимым обаянием.

Девушка кивнула, но продолжила обращаться к Владу:

— Вы подавали жалобу на окруженную забором свалку?

Владу потребовалось секунд десять, чтобы понять, о чем она говорит. Неделя выдалась сумасшедшая, аналитики напутали с планом, а исправлять, как всегда, прикладникам. Сегодня был первый день на этой неделе, когда он уходил с работы вовремя, не задерживаясь допоздна.

— Когда сможете начать? — деловито спросила она. — Инструмент дадут, я договорилась, сменную одежду тоже.

Вспомнив о поданном через приложение запросе, Влад уточнил:

— Вы из службы разбора жалоб и заявок?

— Нет, я из Сот. В службе разбора вашу жалобу отклонили.

— Каких еще Сот? Постойте, почему отклонили? На каком основании? — Влад достал телефон и запустил приложение.

— Не хватает людей для разбора завалов и благоустройства территории. Сами знаете, сейчас людей нигде не хватает.

Влад машинально кивнул. У них на заводе тоже не хватало. Станков больше, чем инженеров. Обещали прислать народ на обучение после Нового года, а до тех пор лишние станки стояли и собирали пыль.

Отклоненная заявка в журнале приложения окрасилась в синий цвет.

— Не совсем понимаю...

Синицын пихнул Влада в бок локтем, но тот не обратил внимания.

— Что тут непонятного? — удивилась девушка. — Вы жалобу подавали, что у вас под окнами горелый пустырь и огороженная свалка вместо двора? Когда у управления благоустройства дойдут руки до вашей свалки, неизвестно. Задача, увы, далеко не первоочередная. Придется решать своими силами. Ну или ждать лет пять, если не десять. Насчет инструмента и расходников, вроде мешков и перчаток, я договорила. Технику тоже дадут, если у кого-то есть допуск к управлению. Если ни у кого допуска нет, будем выкручиваться. Нужно только собрать жильцов окружающих домов, которым мешает свалка. И вперед, за дело!

Влад смотрел на концы болтающегося ярко-желтого шарфа, как первоклассник на интеграл по контуру, и не понимал, что сейчас происходит. Положительно, нельзя так грузить человека в четверг, в конце рабочего дня, когда он еще не успел перевести дух и голова пухнет от прерываний и кодов ошибок микроконтроллеров.

— А вы кто?

— Я Маша, — повторила девушка. — Я из Сот.

И посмотрела на Влада так, будто это все объясняло.

Синицын снова пихнул Влада в бок. На этот раз сильнее и чувствительнее. Влад хотел было возмутиться, но не успел. Помрачневший Синицын напористо заявил:

— Кажется, я слышал о ваших Сотях. Работы предлагается выполнять силами добровольцев? Баллы гражданской активности вы начислить сумеете? Повысить социальный рейтинг? Про деньги я даже не спрашиваю...

Девчонка, как там ее, Большакова Маша, смутилась, но глаз не отвела:

— Начислять баллы активности я не имею права. Изменять социальные рейтинги тем более. А из денежных ресурсов у меня только стипендия.

— То есть плюшек не будет? — уточнил Синицын.

— Не будет. Но и забора со свалкой тоже не будет, если мы как следует поработаем.

— Простите, гражданка, но мы свои права знаем. Нельзя заставлять человека работать за кукиш с маслом. Для того старую власть и заменили новой.

— По-вашему, лучше жить рядом со свалкой?

— Не наша юрисдикция. Мы с товарищем на заводе работаем, а не в управлении по благоустройству.

— Жаль, что вы так думаете.

Она развернулась и пошла. Концы шарфа болтались из стороны в сторону.

Влад попенял Синицыну:

— Зря ты так резко. Все же девушка.

В ответ тот крепко хлопнул Влада по плечу:

— Лучше спасибо скажи за то, что отмазал.

Правда, боюсь, она так просто не отвяжется. Это тебе не штраф за неправильную парковку и не прогул, который можно стереть за полсотни баллов. Она не отстанет.

От дружеского хлопка заболела спина, вдобавок раздражали непонятные тайны. Порядком разозлившись, Влад потребовал:

— Рассказывай!

— На сайте «Голоса» писали о Сотях. Очередное новаторство: подготовка передового отряда, выявление пассионариев, школа молодых руководителей и что-то в этом роде. У них там практика: каждый должен сам, без использования внешних ресурсов, собрать инициативную команду, так называемую Соту. Не смог собрать — вылетаешь с концами, плохой руководитель. Я сам не до конца понимаю, но суть в том, чтобы уговорить тебя бесплатно вкалывать — это у них что-то вроде практического экзамена. Причем именно уговорить, ты должен сам согласиться. Камрады пишут на форуме, что рычагов давления им не дают. Можно спокойно слать лесом без всяких последствий. Зайди на сайт «Голоса», почитай. Только через Гугл иди, из выдачи Яндекса его выпиливают.

Влад недоверчиво спросил:

— Если можно слать лесом, то в чем подвох?

— Их там учат, как тебе качественно заморочить мозги. Психологические трюки, разные

техники манипуляции. Эта Маша — она ведь не отступится так просто. Всеми силами будет пытаться сформировать свою соту, чтобы практику выполнить. Серьезно говорю, почитай форум на сайте «Голоса».

Влад поморщился:

— Установил, блин, приложение...

Синицын виновато развел руками и снова, гад такой, хлопнул по спине:

— Не дрейфь, прорвемся!

Однако вечер был испорчен. Синицын звал его посидеть, заполировать, так сказать, неприятные новости, но сидеть не хотелось. Хотелось гулять по набережной. Смотреть, как медленно и лениво течет в гранитных берегах большая река, как тонет в воде за мостом шар солнца, как первокурсники угощают мороженым первокурсниц. Только вместо этого Влад пошел прямоком домой, где сварил пельмени, потому что жена уже два дня как уехала в Калининград на двухнедельный симпозиум по вопросам изменения климата. Она еще шутила, что недавние затяжные дожди и поздние заморозки — отличная иллюстрация к ее докладу о дрейфе климатических зон.

Если на кухне прижаться к окну щекой, то можно увидеть край огороженной забором свалки. Не самый лучший вид из окна, если честно. На стекле остался след от щеки. Влад протер стекло полотенцем и перед сном долго смотрел исторический фильм о Древнем Египте.

Ночью ему снилась какая-то фата-моргана, будто Маша Большакова, девочка в желтом шар-

фике, щелкает кнутом и гонит его в одной набедренной повязке разбирать свалку.

Да будет благословен великий Ра в его первом восходе!

Маша

Задание на практику выдали не самое сложное, но и не самое простое. Нормальное такое задание, только очень уж необычное. Если не вдаваться в детали, то они должны были поработать добрыми волшебниками, выполняющими людские желания.

Случайно выбранные желания случайно выбранных граждан, поданные через приложение «Советский патруль» и по разным причинам отвергнутые профильными ведомствами. Критерий выполнения — закрытая заявка.

Маше выпало благоустроить территорию по заявке некоего гражданина Чеснокова. Понятно, что в одиночку она будет лет десять там корячиться, даже если достанет строительную технику (а где и как ее достать, Маша уже примерно представляла). Значит, нужно найти на это дело людей. А кого? Например, самого заявителя — Чеснокова. Если он сделал заявку, то явно заинтересован в ее выполнении. Превращенные в свалку горелые развалины торговых павильонов мешают ему наслаждаться жизнью в социалистическом обществе, не так ли? И, наверно, не ему одному, там целый квартал вокруг этой свалки стоит. Тогда ей останется лишь руководить процессом, администрировать и добиваться результата. Она ведь учится на ад-

министратора. Так что задание как раз по специальности получается...

Маша почувствовала себя волшебником из старого анекдота. Того самого, где потерявшийся в пустыне человек просит волшебника вытащить его оттуда.

Волшебник предлагает:

— Пошли.

— Нет, — говорит человек, — я хочу побыстрее.

— Тогда побежали.

Такое вот волшебство с человеческим лицом.

Нужно объединить и заинтересовать людей общим делом. Она обязательно справится. Всего-то дел — убедить людей собраться и немного поработать на их собственное благо. Им самим это нужно, правильно? А значит, будет просто. Во всяком случае, не слишком сложно, думала Маша.

А если не будет? Что тогда? Кому нужен социальщик, не умеющий работать с людьми? Нет, об этом ей думать не хотелось. Она справится. Время у нее есть.

Самое интересное, что Стрельцовой и чиновным сынкам достались задачи, в которых не очень помогут ни родительские деньги, ни родительские связи. И поменяться ни с кем нельзя — оценивается индивидуальная работа, а не командная. Зато хоть какой-то перерыв от изматывающих двенадцатичасовых занятий...

Сначала Маша нашла Чеснокова в соцсетях: в «Моей стране», «ВКонтакте», LinkedIn... Доступа к спецресурсам у нее не имелось, а теперь ей нельзя было даже сделать запрос в пас-

портный стол, но она хорошо знала, как много люди готовы рассказать о себе сами: бесплатно и безо всякого принуждения.

Для первой встречи с гражданином, чье желание ей предстояло выполнять, Маша выбрала образ школьницы. Преподаватели говорили, что первое впечатление крайне важно. А на этой практике она — волшебник без волшебной палочки. Так что клиент должен ей помочь. Яркой красавицы из нее все равно не выйдет: за этим, пожалуй, к Стрельцовой. К тому же клиент женат и вдобавок старше по возрасту. Значит, пусть будет школьница с трогательно большими глазами, которую хочется погладить по головке, купить ей мороженое и выполнить любую просьбу.

Немного циничное, но все равно доброе волшебство от очень доброй волшебницы — Маши Большаковой. И да, желтый шарф отлично вписывался в картину.

* * *

Первая встреча с клиентом с треском провалилась. А виноват во всем попавшийся под руку вредный тип — из тех, кому подари сто рублей, а они спросят, почему не сто десять или почему купюра такая мятая.

Вернувшись в общежитие, Маша до позднего вечера работала в сети, собирая информацию и корректируя планы.

Ночью пошел дождь. Прилетающие из темноты капли неторопливо стекали по оконному стеклу. Горящий во дворе фонарь казался раз-

мытым пятном. Дождь, опять дождь — как будто климатические зоны правда смещаются и текут, словно капли воды по стеклу...

Отставив чашку с крепким чаем, Маша потерла виски. Пусть штурм с наскока не удался. Значит, придется вести осаду по всем правилам.

Она не может не сдать эту практику, ведь добрые волшебники никогда не сдаются. И уж точно не отступают — ни перед сказочными драконами, ни перед несговорчивыми людьми...

Влад

Яндекс вырезал из поисковой выдачи одни сайты, Google вырезал другие. Если пользоваться обоими поисковиками сразу, можно попробовать собрать целую картину. Тяжелое это занятие — совмещать две почти не пересекающиеся сетевые реальности...

В телефоне сохранился контакт Большаковой. Влад вышел на ее профиль в «Моей стране» — профиль был полностью открыт, даже для гостевого доступа. Можно было посмотреть даже географическое положение ее телефона в реальном времени.

Самое интересное — на карте телефон Большаковой находился в окрестностях его, Влада, дома. Он выглянул в окно и в тот же момент заметил ярко-желтый шарф, а к нему девчонку, пытающуюся пролезть на оставшееся после торговых павильонов пепелище через дыру в заборе. Кажется, она зацепилась и сейчас осторожно дергалась, стараясь сорваться с крючка и при этом не порвать одежду.

Полминуты Влад наблюдал из окна за ее бесплодными попытками освободиться, затем набросил на плечи легкую курточку и отправился помогать. Все-таки девушка.

Убедившись в отсутствии дыр, Маша принялась отряхиваться:

— Большое спасибо!

Подсадивший ее Влад пролез следом, и сейчас они стояли с другой стороны забора и любовались на торчащие из земли обгорелые остовы.

— Бросала бы ты эти глупости, — посоветовал Влад.

— Почему вы вообще терпите эту свалку столько лет? — удивилась Маша. — Собрались двором и устроили бы здесь каток, или футбольное поле, или парк.

Резче, чем хотел, Влад бросил:

— Это наш двор.

В смысле — не лезь.

— Но это мой город, — вздернув нос, парировала девчонка. — Моя страна и более того — моя планета.

Наверное, в этих самых Сотах их учат так отвечать.

Влад разозлился:

— Ну и занималась бы проблемами негров в Африке!

Маша серьезно сказала:

— Может, когда-нибудь и займусь. Но разве это будет оправданием, чтобы жить на помойке и не пытаться ее разобрать?

Поморщившись, словно от зубной боли, Влад развернулся. Еще не хватало спорить.

Маша крикнула в спину:

— Спасибо за помощь. Без тебя я бы точно порвала куртку!

Несколько раз Влад выглядывал из окна, наблюдая за целенаправленными перемещениями желтого шарфа по огороженной забором свалке. Один раз выглянул — не нашел. Залез в сеть, зашел в сетевой профиль и по обновляющимся в онлайне координатам Машиного коммуникатора понял, что она просто прошла свалку насквозь.

В профиле Большаковой уже появились фотографии свалки, отрывочные размышления о том, как лучше начать ее разбирать, и подсчеты, сколько всего понадобится. Серьезная девочка серьезно настроена.

Листая сделанные Машей фотографии, Влад наткнулся на снимок своего дома, где при должном увеличении разглядел самого себя, выглядывающего из окна с обеспокоенным выражением лица.

* * *

...Настырная девчонка собрала людей через сеть. Видимо, выбрала из базы всех, кто жил по соседству. И сейчас Большакова вещала:

— Уже десять лет как советская власть, а вы все думаете, что если увидел посреди дороги яму, то сообщи кому следует и спокойно иди себе дальше? Нажал пару кнопок в приложении — выполнил свой гражданский долг? Яму пусть заделывают те, кому положено, а ты — герой, потому что кто-то другой, может быть, даже нажимать кнопки не стал, просто про-

шел мимо? А если те, кому положено заделывать ямы, за всем следить и разбирать ваши жалобы — если им не до нас? Если нет свободных людей, совсем нет? Пусть тогда яма так и остается, пока в нее не свалится кто-нибудь? Нет, я понимаю. Вы почти все люди семейные, опять же — восьмичасовой рабочий день, наверное, устаете под вечер?

Кого другого люди, быть может, и оборвали бы. А растрепанную девчонку в развевающемся на ветру шарфе — слушали. Чтобы казаться выше, Маша встала на край детской песочницы. Из закатанных наверх рукавов куртки торчали тонкие руки. Этими руками она активно жестикулировала, помогая резким словам легче ввинчиваться в уши слушателей.

Вокруг собрались жильцы окрестных домов. Немного — человек двадцать. Но вдвое больше голов наблюдало из окон или с балконов. Кто-то подошел к Маше и начал снимать ее на телефон: теперь можно не сомневаться, что вскоре запись попадет в сеть, хотя бы в районные группы, и тогда неизвестно, сколько народу ее просмотрит.

Скрестив руки на груди, Влад слушал, что она там говорит. На импровизированный митинг он вышел с твердым желанием поспорить, но потом махнул рукой и просто молча стоял.

— Ну-ну, — мысленно усмехался Влад, — даже интересно, сколько людей ты сможешь уговорить. Человека полтора хотя бы наберется?

Тем временем девчонка ввела в бой тяжелую артиллерию, уговаривая людей в свобод-

ное время поработать на их общее и ее, большаковское, благо.

— ...Чесноков Владислав подал жалобу на неблагоустроенную дворовую территорию. Наверное, он думал, что тот, кому положено этим заниматься, придет, все быстро сделает и покрасит свежей краской? К сожалению, не придет. Коммунальщики сейчас заняты более неотложными делами. У них программа замены городских теплотрасс, они ушли в нее с головой, и раньше, чем через три года, не закончат даже первую очередь: трубы в центре известно когда клали... Поэтому прислали одну меня. Правда, краску мне дали. Так же, как комплекты рабочей одежды и инструменты. И пообещали дать технику, если найдется кто-то умеющий ею управлять. Требуются только люди, люди с рабочими руками и неравнодушными сердцами.

«В наше время нельзя быть равнодушным...» — вспомнилось Владу.

Камрады с форума на портале «Голоса» предупреждали о подобной инициативе сотовцев. И рекомендовали не медлить с ответом. Раздосадованный из-за упоминания его имени, как будто он тоже все это начал, Влад подал голос:

— Маша, можно спросить?

Девчонка повернулась к нему:

— Конечно, Влад.

— Расскажи, пожалуйста, про свое задание на практику. Тебе ведь нужно подписать нас на какой-нибудь трудовой подвиг? Разумеется, для нашего собственного блага.

— Вовсе нет.

— Нет? — Он споткнулся, словно спортсмен на бегу, и обескураженно повторил: — Как нет?

— Практика будет сдана, когда на месте горелых развалин появится парк. Такая уж мне досталась практика — заниматься благоустройством вашего двора, если у вас самих руки не доходят. Если понадобится, я буду заниматься этим одна.

Маша взяла лопату, лежащую за песочницей, и пошла к свалке. Не оглядываясь ни на кого и ни с кем не прощаясь.

Под осуждающими взглядами соседей Влад почувствовал себя неуютно. Ну вот, стоило задать один-единственный вопрос, и уже весь двор считает тебя злодеем. Как так ловко у нее это получается?

— Эй! — неуверенно крикнул кто-то. — Да подожди ты!

Но Маша уже оторвала от забора державшуюся на одном гвозде доску и пробиралась на огороженную территорию свалки.

Растерянно переглянувшись, люди потянулись за ней.

Сосед снизу, любитель утренних пробежек, неодобрительно покачал головой, глядя на потемневшую от старости доску с торчащим гвоздем: «Еще наткнется кто-нибудь».

— Что ты делаешь? — поинтересовался студент-химик из соседнего подъезда.

— Мусор разбираю, чтобы парк вам разбить, — пропыхтела Маша. Она как раз пыталась вытащить из развалин разбухшую и лишившуюся стекол оконную раму.

— Пытаешься доказать, какие мы плохие? — спросил Влад.

Соседи снова посмотрели на него. Не осуждающе, но так, что он решил воздержаться от новых вопросов.

— Ничего я не пытаюсь доказать. — Дернув сильнее, Большакова сломала раму, и в руках у нее оказалась одна верхняя перекладина. — Я пытаюсь сдать свою практику. И вам здесь парк сделать, если уж эти две цели оказались вдруг связанными.

— Кстати, почему именно парк? — возмутился малознакомый Владу гражданин. — В шаговой доступности имеются два сквера и зеленая аллея в придачу. Нужно сделать футбольное поле, а то каждый раз приходится ездить к черту на кулички.

— Летом футбол, а зимой пусть будет каток! — потребовал студент-химик.

— А я цветник хочу, — подала голос хорошо одетая женщина с парой малышей, крутящихся вокруг нее, словно планеты вокруг солнца, — большой цветник, как в Центральном парке.

Сзади слышались глухие удары. Вернувшийся с молотком любитель пробежек загибал в отломанной доске гвоздь, чтобы никто не напоролся.

— Кто-то обещал выдать рабочую одежду? — ни к кому конкретно не обращаясь, напомнил химик.

Облокотившись на воткнутую в землю лопату, Большакова сказала:

— Так вы вроде бы все страшно заняты проживанием своего законного выходного дня, или я не права?

— Не дерзи, — осадил девчонку мужчина в спортивной куртке.

— Тебе помощь нужна или как? — спросил студент-химик.

— Очень нужна, — призналась Маша. — Просто очень-очень.

— Тогда я еще ребят подтяну, — предложил студент и зачем-то объяснил окружающим: — Мы в институте давно решили активную ячейку собрать, только как-то все повода не было.

— Спасибо, — поблагодарила Маша. Поблагодарила так, что Владу тут же захотелось переодеться в рабочее, взять перчатки и до позднего вечера воскресенья разбирать горелые завалы, превращая старую свалку в цветущий сад.

Нет, честное слово, захотелось! Какая-то магия витала в толпе соседей, передаваясь от одного человека к другому, как насморк. Кто-то с кем-то начинал обсуждать, как вытащить плиту из-под груды обрушивших перекрытий, кто-то бежал домой переодеваться. Энергично разбирались лопаты и крепкие мешки для мелкого мусора. Дядя Федя, пожилой крановщик, тихо переговаривался с Машей насчет хотя бы простейшей строительной техники.

Поднявшаяся суeta увлекала, призывала влиться в нее, стать частью веселой и деятельной суматохи. Однако Влад сумел перебороть этот позыв. Он развернулся и просто пошел домой. Наверняка Маша даже не смотрела ему вслед — она раздавала рабочий инструмент и

защитную одежду, что-то обсуждала одновременно с тремя людьми. Она просто физически не могла смотреть Владу в спину осуждающим взглядом.

Но ему казалось, будто она смотрит, и это было неприятно. До тех пор, пока дверь подъезда не хлопнула за спиной о косяк, разом отрезая все возможные взгляды.

Даша Стрельцова

Звонить пришлось долго и упорно, но наконец дверь открылась, явив еще привлекательное, но уже немного потасканное и вдобавок заспанное лицо.

— Николай Синицын? — уточнила Даша Стрельцова. — Вы помните, как отличились вчера, точнее, сегодня ночью? Такому хорошему инженеру должно быть стыдно...

Синицын обескураженно помотал головой.

— Будем перевоспитываться? — потребовала Стрельцова.

Синицын еще более активно замотал головой.

— А придется, — не терпящим возражений тоном резюмировало обнаружившееся на пороге его холостяцкой берлоги чудо. — Разрешите пройти.

Синицын попытался собраться с мыслями и сказать, что не разрешает непонятно кому входить в квартиру и заниматься его, взрослого человека, каким-то там перевоспитанием.

Но уже было поздно.

Из глубины квартиры донеслось:

— С вашим количеством «потерянных в системе» неоплаченных штрафов за мелкое хулиганство я бы даже летать научилась, лишь бы информация о ваших художествах не дошла до коллег и заводского начальства. Кстати, насчет «полетов»...

Влад

Отдохнуть, разумеется, не получилось. С закрытыми окнами в квартире жарко, а с открытыми слышны звуки импровизированного субботника, то есть воскресника. И так громко, будто у них там развернулась не меньше чем всесоюзная стройка. Или он просто стал излишне раздражительным?

Спустя два часа Влад серьезно размышлял: может быть, плюнуть и присоединиться к остальным? И почти уже решил, когда жены, сестры и просто соседки начали выносить работникам обед. Мужчины побежали за столами, составили из них один большой прямо во дворе, в жидкой тени двух молодых березок и старого тополя со спиленной верхушкой. Все принесенное без разбора составили на стол, и каждый брал себе, что хотел и что успевал.

Выходить «к обеду» было как-то неправильно, и Влад был вынужден продолжить сидеть дома и злиться. Злиться на девчонку, на стихийно образовавшуюся соседскую «коммуну» и, разумеется, на самого себя. На самого себя в первую очередь.

К концу обеда он так разозлился, что передумал выходить и вместо этого включил какой-то глупый фильм. В холодильнике одна заморозка — готовить не хочется, а идти в магазин тем более. Душно, жарко и уже немного голодно. Не самое худшее воскресенье на свете, но где-то очень близко к этому.

Так продолжалось до семи вечера, когда тишину прорезал дверной звонок, и истомившийся Влад открыл дверь, даже не взглянув в глазок. Разумеется, на пороге стояла Большакова собственной персоной. Пыльная, уставшая — это было видно — но довольная — и это тоже хорошо заметно.

— Можно мне у вас принять душ? — попросила Маша. — Все местные уже разошлись, а мне еще домой ехать через полгорода.

Собравшись с мыслями, Влад покачал головой:

— Жена может не понять.

— Она же только послезавтра прилетает из Калининграда. И не смотрите на меня так. Если вы не хотели, чтоб об этом знали, то зачем было писать на своей странице?

Влад завис, будто перегревшийся без надлежащего охлаждения процессор.

— Писали-писали, — повторила Маша. — А ваша жена выкладывает в сеть фотографии с симпозиума. Кстати, пишет, что скучает. Так можно принять душ или нет?

— Можно. — Влад отступил в сторону, освобождая путь.

— Тогда держите, это вам. — Маша вручила Владу сверток. — И откройте окна, на улице уже почти лето.

В свертке оказались пироги, видимо, оставшиеся с импровизированного коммунального обеда. Ведь не сама же Маша их пекла спозаранку, а затем где-то хранила весь день, чтобы сейчас принести их ему.

В любом случае пироги пришлось очень кстати. Пока Маша плескалась в ванной, Влад вскипятил чай, разогрел пироги в микроволновке и съел две штуки, после чего жизнь показалась не такой унылой, а девчонка — не такой гадкой.

— Поймите, Влад, — говорила вышедшая из ванной посвежевшая и веселая девушка. — Я не воюю с вами. Я вообще не воюю. Мне нужно только практику сдать, а если при этом вы вместо горелого квартала получите под окнами чистый парк или футбольное поле — кому от этого плохо?

Влад ел пироги, пил чай и молча кивал. Соглашаться вслух он был еще не готов, но доброжелательно кивать уже был способен.

А затем Маша посетовала, что соседи так и не смогли прийти к общему мнению насчет того, чему быть на месте свалки. Хотелось и парк, и футбольное поле, и крытый зимний каток, и даже цветник. Для начала решили просто расчистить место. Но Маша уже заранее думала о том, как уместить все это на небольшом в общем-то пятачке.

Большакова достала планшет с набросками. Влад с удовольствием включился в обсуждение.

Зимний каток вполне мог располагаться на месте футбольного поля, а цветник совмещаться с парком. Кроме того, зачем ограничивать мышление тремя измерениями: длиной, шириной и однонаправленной стрелой времени? Есть еще высота, и тот же цветник вполне может быть как минимум двухъярусным, занимая вдвое меньше места на земле. Можно сделать капельный полив чуть ли не в полностью автоматическом режиме. Можно натянуть над футбольным полем тент, чтобы оно не размокало в дождь. Много чего можно...

Давно закончились пироги, остыл в кружках недопитый чай.

— Спасибо, Влад! — горячо благодарила Маша. — У тебя просто замечательные идеи. Честное слово, замечательные!

* * *

...Утром на работе Влад столкнулся — невиданное дело — с чисто выбритым Сеницыным. Притом этот новый, необычный Сеницын во время обеда сосредоточенно читал книгу по основам любительского дельтапланеризма.

— Я в летчики пойду, пусть меня научат, — пошутил Влад, но Сеницын шутки не поддержал. Заложив пальцем страницу, на которой остановился, он внимательно посмотрел на растерянного Влада и утрюмо буркнул что-то вроде: «Укатали сивку крутые горки. Поспорил тут с одним... одной... человеком».

Влад осторожно, чуть ли не на цыпочках, отошел от вернувшегося к сосредоточенному

чению Синицына и тихо покачал головой. Но на этом необычные события и не думали заканчиваться.

Дома Влад застал не меньше трех десятков соседей, разбирающих свалку. Вместе с людьми урчал мотором и грозно щелкал четырехпалым манипулятором малый строительный комбобот-универсал, крашенный отшелушившейся синей краской. В прозрачном защитном колпаке кабины дядя Федор, голый по пояс, азартно тягал рычаги, цепляя манипулятором закопченную бетонную плиту и оттаскивая к паре таких же, сложенных вдоль забора.

Одна из занятых разбором завалов фигур отделилась от остальных и побежала навстречу Владу. Мешковатый пластиковый балахон помещал сразу узнать жену, вернувшуюся на день раньше обещанного. Она поцеловала Влада, а потом забеспокоилась:

— У меня балахон грязный! Да постой ты, испачкаешься ведь!

Он и вправду испачкался — рубашку украсило неровное серое пятно.

— Наконец-то решили разобрать этот ужас, — радостно говорила жена, пока они шли к импровизированной стройке. — Я, кажется, тысячу раз об этом упоминала. Да и не я одна — все говорили.

Влад кивал.

— А как ты здорово придумал с многоярусными садами! — восхитилась она.

— Придумал, да...

Маша

В аудитории было светло и тихо. Солнце простреливало широкие окна насквозь, и можно было заметить, как в его свете играют и пляшут редкие пылинки.

Здесь находились всего двое — Маша и Виктор Жумагазыевич, по случаю жаркой погоды одетый в клетчатую рубашку с короткими рукавами. Он внимательно посмотрел в ее лицо, намеренно выдержал паузу и наконец с легкой усмешкой сказал:

— Значит, вам повезло. Вы организовали стихийный митинг, и люди включились в рабочий процесс. А могли бы и по шее дать, как тому же Филатову.

Маша сверкнула улыбкой:

— Не могли по шее!

— Почему же? — удивился преподаватель. — Филатов, например, полностью завалил практику. После него специалистам придется не один месяц там все аккуратно подчищать. Он, как и вы, полез на броневик, собирался решить задачу одним махом...

— Филатов полез по-глупому, а я по-умному.

— И в чем же разница?

— Я сначала обошла людей и поговорила с глазу на глаз. Целую неделю потратила. Одному обещала непременно сделать детский каток. У него сыну два года, а он уже клюшку ему купил и шлем, хочет, чтобы знаменитым хоккеистом стал. Другому гараж надо: боится оставлять новую машину под дождем и снегом.

Какой-то дед вообще хочет погреб, будто у него дома нет холодильника и магазины вдруг закрылись. Одна женщина рассказала, как в детстве, на таком же замусоренном пустыре, за ней увязался какой-то бродяга, еле убежала. Я потом эту историю раз сто пересказывала другим домохозяйкам.

— Что, неужели вы обошли всех жителей всех окрестных домов? — Жумагазыевич недоверчиво поднял бровь.

Подняв голову, Маша посмотрела в смеющиеся глаза преподавателя:

— Нет, конечно. Нужно было сформировать деятельную группу, ядро. Остальные потянулись следом. Вы столько раз повторяли это на лекциях, что, даже если бы я не хотела, все равно бы запомнила.

— Приятно слышать! Хорошо, что вы озаботились подготовительной работой, прежде чем бросаться в атаку.

— Когда я обходила людей, мне очень смешной человек попался, — вспомнила Маша. — Ему ничего не надо было. Ни гаража, ни погреб, ни катка — ничего. Живет один, работает программистом... Потом я с ним села и подсчитала, что на пути от дома к остановке в обход пустыря он тратит четыре минуты. Туда и обратно, получается, восемь минут. В год выходит больше сорока восьми часов. Двое суток! Тут его и проняло.

Преподаватель доброжелательно кивал в такт ее рассказу, а когда она закончила, сказал:

— Хорошо. Зачет за практику вы получите.

Маша победно улыбнулась. Она знала.

— Получите, ибо формально задание вы выполнили. Но имейте в виду, что реальная оценка там — тройка с плюсом.

У Маши дернулась щека, но она смолчала.

Басмач разрешил:

— Спрашивайте.

— Почему тройка?

— А потому, Марья Сергеевна, что вы отнеслись к заданию на практику как к разовой работе. Сдать и забыть, что в корне неправильно. Вы ведь с тех пор, как пустырь расчистили, так к ним ни разу и не зашли, верно? Ни живем, ни в комменты — вы хоть читали, что о вас пишут?

Хитро прищурясь, преподаватель уставился на Машу, как будто ожидая ее ответа. Не дождавшись, он продолжил:

— Значит, даже не читали... Поймите, вам предстоит и дальше работать именно с этими людьми. Сдавать другие практики. Да-да, именно с ними сдавать. До самого выпуска. Или до отчисления — уж как получится. Наемный рабочий выполняет чей-то заказ, но вы не наемный рабочий — вы работаете для себя. Сдать и забыть — это для вас отныне роскошь. В конце концов, мы должны быть в ответе за тех, кого...

* * *

Когда Маша выходила из института, ей было холодно, несмотря на летнюю жару. К черту зачет, она все равно проиграла. Скорее всего, кто-

то в комментах ей как следует отомстил: и за отнятое время, и за оттоптанное ЧСВ, и за все на свете — и она даже догадывалась, кто именно. За ту неделю, что она не заходила в группу, ее, должно быть, смешали с навозом, а она ничего не ответила. А теперь поздно: все равно никто не прочитает ее ответ... Эти люди для нее потеряны навсегда, новых взять негде — значит, следующую практику ей уже не сдать.

На негнущихся ногах Маша подошла к скамейке. Никуда идти не хотелось: хотелось лечь на солнце и растечься по асфальту. Ладно, хуже все равно не будет. Достать планшет. Набрать адрес. Показать ответы...

Сообщений в личке было хорошо за сотню, и Маша не читала их до конца, а бегло пролистывала. Постепенно ее лицо светлело, страх в ее глазах сменялся удивлением, а потом и восторгом. Чертов Басмач, он опять ее обманул. Впрочем, она и правда не представляла, что о ней писали.

— Спасибо за доброту и равнодушие, говорите? Ну-ну!

В группе — еще под две тысячи новых постов. Кто-то удивленно спрашивал, куда пропала девочка из Сот, но гораздо больше люди писали друг другу. Обсуждали строительство, предлагали организовать велопрогулки на выходных. Какая-то женщина робко интересовалась, не нужен ли кому-нибудь ее старый кухонный комбайн, а кто-то звал соседей в недавно открывшийся клуб дельтапланеризма...

Неужели все это сделала она? Маша сморгнула попавшую в глаз соринку. И еще одну. И еще. Стыдно, но стыд глаза не выест, и Маша написала: «Всем привет. Простите, что пропала без предупреждения. Сдавала экзамены».

Ладно. Ответные послания будем сочинять из дома, на свежую голову.

Маша встала. Выпрямилась. Повернулась и пошла по дороге.

Небо было голубым и безоблачным.

ЗАПАХ ЯБЛОНЬ

1

осторонись!

Пятитонная махина контейнера обманчиво медленно скользит по направляющим, но силу инерции не стоит недооценивать — оказавшимся на ее пути не поздоровится. Даже в скафандре. Наш американский гость, до того стоявший столбом посреди погрузочного шлюза, проворно рыскнул в сторону.

— Какого хрена он вообще тут делает? — сквозь зубы сказал Никольский.

Я ответила не сразу — сначала несколькими едва заметными движениями руки в сенсорном поле манипулятора загнала контейнер на развилку рельс, направляя его к левому выходу.

— Новости не слушаете, Константин Евгеньевич? Международный тендер они выиграли. На геологоразведку нагорья Аравия.

— Тенн-дерр, — передразнил завхоз, умело изобразив звон мореходной «склянки». — Да слушаю, конечно. Знаю, что базу разворачивают. Здесь-то он что забыл?

— Любопытствует. По международному соглашению пятьдесят пятого года, не пустить не имеем права. Хотя бы в шлюз.

— Не люблю я этих... — проворчал Никольский, добавив крепкое словцо из тех, что во времена его молодости служили для обозначения американцев. — И как им наглости хватает после скандала на лунной базе? Думай теперь, присматривайся к каждому — шпион, не шпион? Одно слово — ...

Ворчал он, конечно, больше для виду, для поддержания имиджа. По неистребимой еще со времен первого Союза культурной традиции завхозу полагается быть старым, ворчливым и бородатым. Никольский, правда, совсем не стар, да и должность его по документам называется гораздо длиннее и заковыристей — зато с бородой полный порядок.

Сочиняя следующую недовольную реплику, он, конечно, столбом не стоял — регулировал движение грузов, как и я. Контейнеры ему достались поменьше, зато и «дирижировать» приходилось сразу в двух сенсорных полях. Под потолком сновали гибкие руки манипуляторов, подхватывая грузы магнитными захватами. Ювелирная работа! И делать ее нужно быстро, под радиоактивным марсианским небом посылкам с Земли жариться не стоит. Каждая лишняя минута за пределами базы — это лишняя вероятность, что электроника внутри контейнеров превратится в мусор. Над защитой наших скафандров инженеры поработали на славу, а вот контейнеры, экономя грузоотдачу, так ничем и не обшили...

Конечно, отвлекать на подобную работу персонал, тем более научный, — идиотизм. Так я им и сказала в первый раз, когда меня припрягли.

А мне ответили, что электронные мозги автоматов барахлят из-за солнечного ветра. Внутри базы, под защитой, все работает, а в разгрузочном шлюзе... м-да. При проектировании баз следующего поколения управление разгрузкой наверняка перенесут в командный центр. Ну а мы торчим тут в скафандрах и по старинке, вручную, гоняем проклятые контейнеры.

В первый раз я один такой чуть не угробила. Двухтонный блок со всей дури вписался в стену. К счастью, ничего особо бьющегося внутри не было.

И чего от меня, собственно, ожидали? Я микробиолог и не обучена работе с объектами крупнее нескольких микрометров. Так я Никольскому тогда и сказала.

А теперь спокойно разгружаю, и ничего. Еще бы под ногами не мешались всякие... всякие...

— Не думаю, что можно так его обозвать, — вполголоса заметила я. — Его американское гражданство в данном случае значит гораздо меньше, чем принадлежность к «Арес индастриз».

— Капиталисты! — завхоз немедленно нашел новый ярлык. Не будь в скафандре, сплюнул бы, наверное, себе под ноги.

— Они самые, — подтвердила я, наблюдая, как гость длинными прыжками приближается к нашей платформе. При таком низком тяготении — лучшая стратегия передвижения. А парень, однако, привычен к работе в космосе. Может, на лунных базах стажировался? Интересно...

Одним длинным прыжком поднявшись к нам, американец оскалил зубы в показной улыбке и постучал по шлему в районе уха, призывая нас включить внешний канал связи.

— Добрый вечер! — с легким акцентом произнес он по-русски. — Сейчас ведь вечер? Я еще не разобрался в местных временах суток.

— Что-то вроде, — пробурчал Никольский.

Американец задал ему несколько довольно профанских вопросов о работе разгрузчика, а потом вдруг повернулся ко мне.

— У вас такое серьезное лицо, — произнес он с улыбкой. — Девушкам нужно чаще улыбаться. Здесь, вдали от Земли, мы очень скучаем по вашим улыбкам.

Наверное, лицо у меня стало еще «серьезнее». Гость аж попятился немного.

— Не мешайте работать, — процедила я, демонстративно отворачиваясь к экранам.

Ну вот, теперь общее мнение, что характер у меня мерзкий, приобретет наконец международный статус.

— А ты бы с ним пообщалась, — скучным тоном обронил Никольский, когда американец нас наконец покинул. — Может, узнала бы, чего ему здесь надо...

— Хреновая из меня Мата Хари, Константин Евгеньевич. Не с моей, как говорится, харей. Да и чего с него взять, придурочного? Улыбок ему не хватает, видите ли... Производственные секреты у них выведывать? Так я не геолог, я даже не знаю, о чем его спрашивать!

Завхоз покачал головой, и по его лицу я поняла, что он еще вернется к этой теме. Но сказал он совсем иное:

— Четко сработала в этот раз. Как автомат.

— Спасибо. Стараюсь.

— А это не комплимент, — хмыкнул Никольский. — Это наблюдение. С психологами давно беседовала, если не секрет?

— По графику. — Я развернулась к нему, упершись руками в бока. Скафандр, конечно, мешал изобразить классическую позу «разгневанная баба». Ну, хоть попыталась, и то хлеб. — Вы на что намекаете? Может, прямо скажете?

— Да просто насчет серьезного лица-то прав наш штатовский друг. Ты не злишь только, послушай старого мудрого человека. Есть у меня такое впечатление, что ты очень многое нынче делаешь... механически, что ли. Без души.

— С душой я бы ваши контейнеры об стену разнесла! От всей души, простите за каламбур, — я перепрыгнула на соседнюю платформу, направляясь к выходу. — С психологом... ну, будет связь, поговорю, куда денусь. А пока у нас ресурсов нет, чтоб на каждого космонавта персонального психоаналитика за собой таскать, — будем работать как есть, извините. Механически так механически...

Раздражение на них обоих — завхоза и американца — неуклонно копилось и в итоге разрядилось в виде грома и молний на голову попавшегося мне уже во внутреннем коридоре станции аспиранта Никиты.

— Гуляем, да? А в лаборатории кто?

— Я Лене ключ оставил, она...

— Она стажер и по технике безопасности не должна быть одна! Хочешь, чтоб из-за твоей безответственности...

И ведь будут потом шептаться по углам, придумывать для меня нелестные эпитеты, рассуждать о «синдроме вахтера». Еще одно клише из старых фильмов, наряду с бородатым завхозом — вредная тетка с репликой: «Без документов не пропущу». И прочие, подобные ей, что ходят по пятам и повторяют, повторяют, повторяют специально для революционно настроенной молодежи правила и инструкции, которые эту молодежь вполне закономерно возмущают. Потому как ограничивают ее, молодежи, вдохновенный полет мысли.

Право же, только став одной из них, понимаешь суть. Ответственность за других — вот что давит на плечи, заставляя отращивать горб бабы-яги.

Великие фантасты прошлого — мечтатели и оптимисты — были уверены, что к звездам полетят не бородатые завхозы и злые мелочные тетки. В их произведениях прекрасноликие и гармонично сложенные юноши и девушки в серебристых скафандрах покоряют Галактику, периодически отвлекаясь на чтение поэм о красоте увиденных туманностей.

Да, мои нынешние стажеры ни за что не поверят, что я тоже когда-то писала стихи. Не сказать чтоб хорошие... но вполне в духе времени. «Лучистые созвездия» соседствовали в них с такими тяжеловесными эпитетами, как «интергалактический» или даже, да простят меня ве-

ликие фантасты, «гиперпространственный» и «квазитрехмерный».

Все наше поколение так или иначе болело космосом. Новый штамм социального вируса столетней давности, новый виток гордого шествия человечества по просторам Вселенной...

— Сейчас контейнер приедет, его Лена разгружать будет? Она половину реактивов еще в глаза не видела! А ты...

Наше поколение... Вот аспирант Никита — он наше поколение или уже следующее? Разница между нами меньше десяти лет, но мир вокруг меняется слишком стремительно. Его ровесники со школьных лет осаждают тренажерные залы, прося программу «как у космонавтов». Заканчивают экстерном все что могут, дипломы делают в основном с прицелом на космос. Взгляды устремлены вверх, походка пружинит, в голосах — непоколебимая уверенность в том, что завтрашний день будет лучше вчерашнего.

И сколько же шуму было в мировом сообществе, когда полетела первая партия таких вот «стажеров»! Бесчеловечный тоталитарный режим использует детей как пушечное мясо в опаснейшей миссии! Тоже мне, детей нашли...

«Молодым везде у нас дорога!» — гласит один из удачно реанимированных старых лозунгов. А как иначе? Молодые всегда рвутся на фронт. На передний край, где бы он ни был — в тайге, в космосе...

А мы, разве мы такими не были? Первое поколение, родившееся в обновленном Союзе. Дети новой эпохи! На родителей поглядыва-

ли свысока, все лишнее безжалостно клеймили «отрыжкой потребительского общества». Стихи, да... Разговоры до утра на студенческих кухнях, дискуссии о прошлом и будущем. Восторг от получения первой «настоящей» темы исследований. Будущее лежало в раскрытых ладонях; казалось, из всех проблем, стоящих на пути, страшнейшая — злой научник, который в пятый раз заставляет переписывать статью, да функционеры с кафедры, надоедающие со скучной отчетностью. У-у-у, бюрократы, ретрограды, пережитки капитализма! Нет уж, в космос мы их с собой ни за что не возьмем! Чтобы перешагнуть этот барьер, нужно мыслить творчески, нестандартно. Новая наука будет синтезом науки и искусства, вещали особо вдохновенные субъекты, запрыгивая в порыве вдохновения на стол. Космос — это поэзия, космос — это музыка!..

...музыка грохочущих по рельсам пятитонных контейнеров.

Я ведь не жалуюсь. Работая здесь, быстро понимаешь: внеземные колонии и базы не скоро смогут себе позволить роскошь узкой специализации. Поэтому кандидаты наук принимают грузы, доктора занимаются сваркой в вакууме, инженеры ухаживают за опытными теплицами и так далее. Слишком мало нас, окопавшихся в окружении враждебной и чуждой среды. Тут не до церемоний: руки есть — хватай инструмент и делай что-нибудь полезное. Ну и, конечно, основных обязанностей твоих никто не отменял. Вот сейчас моя обязанность — понять, почему при добавлении в сообщество бактерий,

успешно перерабатывающих марсианскую почву, всего одного вида все сообщество работать перестает. Причем не во всех пробах, а каким-то совершенно на первый взгляд случайным образом.

И топаем мы с понуро опустившим плечи аспирантом в лабораторию, где нас ждут бесконечные горы чашек Петри, заполненных красноватым марсианским грунтом.

Знаю я, куда он намыливался, — к инженерам в отсек. Зазноба там у него, как донесла до меня голубиная почта местных сплетен.

А работать кто будет, спрашивается?

Так вот и превращаешься в мерзкую занудную тетку. Но я ведь права, разве нет?

Не цветут еще на Марсе яблони, чтоб под ними детишек делать. Не цветут, проклятые! Им, чтоб цвести и расти, почва нужна. И магнитное поле, чтоб атмосферу держать. С проблемой поля, допустим, физики с инженерами сейчас возьмется, вроде есть у них разумное решение, для начала можно и в закрытых теплицах выращивать... А вот почва — образование, что называется, биогенное. Без живых организмов, получается, взять ее неоткуда. А кто у нас самые неприхотливые и быстро размножающиеся живые организмы? Собственно, бактерии и есть. И к радиации некоторые устойчивы, и к замерзанию. И полезными генами, эту устойчивость передающими, они друг с другом радостно поделятся — никакой генной инженерии не надо. Хотя, конечно, и без нее в нашем проекте не обошлось. А началось все с бактерий-экстремофилов. Ну, таких, что обитают черт-те

★ где. Некоторых с глубоководья достают, некоторых — на свалках ядерных отходов откапывают. Их-то в итоге советская наука и наградила правом первопроходцев в деле колонизации Марса. В Европе и Штатах тоже, конечно, разработки велись, но мы успели первыми. Застолбили, так сказать, приоритет.

Помню ту пресс-конференцию, где шеф распылился про нашу уникальную бактерию. А мы все стояли с серьезным видом, сдерживая неуместное хихиканье: ох и намучились мы с этой «неприхотливой» тварью, пока подобрали нужные условия!

Давным-давно, десяток лет назад, и за примерно триста миллионов километров отсюда, болтая с симпатичными юношами-физиками или, того пуще, с математиками, я не стеснялась обронить кокетливое замечание о том, что для точных наук мне недостает строгости мышления. Сейчас, вперив в такого юношу тяжелый взгляд, я бы продолжила: «... зато мне хватает крепости нервов, чтобы работать с живыми объектами!»

Представьте себе, уважаемые адепты точных наук, что у вас в расчетах, скажем, число «пи» каждый раз получается немного иным. Ужас, правда? А у нас это — обыденное явление. Живые системы, чтоб их! Нелинейно, хаотически, спонтанно и беспрестанно изменяющиеся. Эволюционирующие и приспособляющиеся. Даже самые крохотные бактерии — сложные молекулярные машины, сложнее всего, что когда-либо придумало человечество.

Теории хаоса давно пора покинуть сферу математики и стать краеугольным камнем биологии, мрачно думала я десять минут спустя, когда Никита, наспех облаченный в костюм биозащиты, извлекал из термостата очередную партию чашек с грунтом.

Не растет на этом грунте ничего, вчера росло, а сегодня нет. Если б опыт удался, за ночь бактерии уже образовали бы видимую невооруженным глазом пленку.

— Ну вот чего они, а? — с неподдельным отчаянием пробормотала Лена.

— Теория хаоса, — важно произнес Никита. Он-то моих упаднических речей успел наслушаться, он тут хоть и не с начала проекта, как я, но уж несколько лет точно. — Нелинейные системы... Даже в одной клетке процессы не описать линейными моделями, а уж в сообществе! Одной молекулы достаточно, чтоб запустить какой-нибудь каскад...

— И откуда же она прилетела, эта молекула? — Я бесцеремонно перебила его излияния. Объяснения придумывать — это мы мастера, результаты вот кто получать будет?

Никита растерянно покосился на мембрану шлюза, через которую только что прошел. Это мы стоим снаружи, за толстым стеклом, отделяющим бокс повышенной стерильности от основного помещения. А он парится там в полностью закрытом защитном костюме. На Земле такие предосторожности используют только при работе с патогенными штаммами, что вызывают серьезные болезни. Наши же бактерии совершенно безобидны. Не себя от них мы за-

щищаем, а наоборот. Все параметры среды для эксперимента должны быть известны точно, занесем что-нибудь лишнее — в жизни потом не разберемся, отчего изменились данные.

— Может, шлюз работает недостаточно эффективно? Система очистки что-нибудь пропустила...

— Вот и разберись с ней.

— Я же не техник и не электронщик, — обреченно вздохнул аспирант. Знает уже, что подобные отговорки здесь не работают.

— А я не разгрузчик контейнеров. Кстати, о разгрузке...

И казалось бы, зачем повторять в очередной раз ту же скучную нотацию? Механически... Прав Никольский, прав в своих намеках, что тут поделаешь. Марс — это вам не тропическая база практики для восторженных второкурсников. Отсюда домой не попросишься. А механические действия — не худшая из альтернатив. Уж точно лучше, чем глухое отчаяние. И это несносное чувство, когда смотришь на пейзаж другой планеты — вот же она, воплощенная детская мечта! — и ловишь себя на желании выйти, лечь ничком на этот красный песок и ждать, пока закончится кислород.

Не идти же к психологам, в самом деле. Советским космонавтам депрессии не положены.

На следующий день эти микроскопические сволочи выросли на чашках как миленькие. И это было бы радостным событием, если бы только мы могли установить его причину.

Вызов от службы безопасности был как гром среди удивительно ясного на данный момент марсианского неба.

— Ваш зонд для отбора почвы сейчас далеко от кратера 3410?

— Наш зонд в спящем режиме. — Я озабоченно нахмурилась, а Никита уже замельтешил пальцами в сенсорном поле, выводя на экран карту, где зеленой мигающей меткой был отмечен робот-зонд. — В трех километрах оттуда. Положение не менялось уже двадцать часов. Если кто-то безобразничает в кратере, то это не мы.

— Знаю, — вздохнул мой собеседник. — Америкосы там копаются, это ж граница их участка. Только что прислали странный запрос, интересуются, не можем ли мы, если нас не затруднит, прислать на помощь им какой-нибудь легкий зонд.

— Легкий? Интересное уточнение. А со спутника не видно, что там у них?

— Не видно. Они под грунт закопались. Ну что, поможете им?

— Куда мы денемся. Дайте только частоту, на которой с ними поболтать можно. Никита, активируй Семеныча!

Безопасник, отключаясь, отчетливо фыркнул. Можно подумать, никто на базе не знал, что мы свой разведзонд любовно окрестили в честь шефа нашего проекта. Раз уж он сам полететь не смог, пусть хоть тезка его погуляет по окрестным горам, набирая в контейнеры красноватый марсианский грунт.

Негромко звякнул сигнал: робот ожил, и на боковом экране появился пустынный пейзаж — вид с передней камеры зонда. Картинка чуть дрогнула и сместилась — зонд начал движение.

— Станция «Титов» вызывает миссию «Диггер» в кратере 3410! Что у вас стряслось, джентльмены?

Я перешла на английский — в самой его деловой, официальной форме. Мой собеседник на канале связи изъяснялся чуть более витиевато. Нашел на кого впечатление производить, придурак.

— Приятно слышать ваш голос, мисс! Я здесь один, так что множественное число не обязательно. Айвен Крамер, геолог. У вас есть легкий зонд?

— Наш зонд уже в пути. Масса — чуть больше ста килограммов, устроит?

— Пожалуй. На нашем установлены бур и генератор, что дает почти тонну, а здесь такой тонкий перешеек, что, боюсь, он обрушится под весом «Диггера».

— «Здесь» — это где? Мы не видим вас со спутника.

— В стене кратера на северо-северо-востоке есть отверстие. Здесь большая подземная каверна, ну, знаете, из тех, что когда-то убедили нас в существовании воды под поверхностью...

— И тонкий перешеек поверх? Занимательно. Предлагаете ее исследовать с помощью зонда?

— Дело в том, что он уже частично обрушен, — как-то неожиданно застенчиво произ-

нес американец. — А я остался по другую сторону...

Никита так и подскочил в кресле. Картинка с передней камеры задержалась рывками — зонд, повинуясь его сигналу, ускорил движение.

— Крамер, вы идиот? — поинтересовалась я прежде, чем успела оценить свое высказывание с точки зрения международных отношений.

— Тогда мне это показалось весьма разумным решением, — вздохнул американец. — Даже в скафандре я вешу немного, всегда был субтильным... Маме удавалось впихнуть в меня обед только под предлогом, что иначе меня не возьмут в космонавты.

— Я не об этом. Почему вы не послали сигнал SOS своим?

— SOS — это как-то чересчур серьезно. Непременно зафиксируют в отчетности. Я же не в смертельной опасности пока что. А послание своим я отправил. Но наша станция довольно далеко, и все поисковые группы сейчас на западной границе...

— И только вы подобрались вплотную к восточной.

— Фактически я мог немного залезть на вашу территорию. Исключительно из-за особенностей рельефа, понимаете, здесь по периметру пещеры проходит выступ, который...

— Можете не продолжать. У вас, должно быть, высокие полномочия, раз вы можете себе позволить самовольные вылазки в приграничные районы. Надеюсь, ваше начальство сделает выводы. Мне до вашей карьеры, как вы понимаете, никакого дела нет.

На экране показался пролом в стене кратера, явно проделанный буром. Похоже, геолог целенаправленно прорубался именно к этой каверне. Интересно...

— Я только что прилетел с Земли, — зачем-то сообщил Крамер. — Возможно, вам знаком энтузиазм новичка?

На пути робота беспомощной тушей застыл гигантский зонд геологов. Действительно, под такой махиной скалы раскрошатся.

— Незнаком, — пробормотала я сквозь зубы. — У нас очень строгий психологический отбор. Отбирают только конченных зануд.

Мои лаборанты и геолог рассмеялись почти синхронно. Думают, я шучу, ага.

— Какую программу задать? — спросил Никита, притормаживая зонд на краю действительно масштабной каверны. На другую ее сторону вел клиновидный выступ, обрывавшийся всего в паре метров от противоположного края, где замерла белая фигурка в скафандре, ярко полыхнувшим серебряными отражателями в луче нашего фонаря.

— Какая тут может быть программа? Спасение людей в прошивке зонда не предусмотрено. Пусти-ка. — Я согнала аспиранта с кресла и уселась сама, погрузив пальцы в сенсорное поле.

В конце концов, пусть потом на меня ляжет ответственность. Детям-то зачем такие строчки в характеристику.

Как бы так все-таки не уронить зонд в эту дырищу, чтоб никому эти строчки писать не

пришлось? Это ведь не может быть сложнее, чем разгрузка контейнеров, правда?

— Я могу попробовать перепрыгнуть, — любезно подсказал Крамер. — Но край немного крошится. Вот если бы вы могли подъехать и подстраховать...

— Раз крошится, лучше не рисковать. Оставайтесь на месте! — Я двинула рукой, посылая зонд по прямой, ровно по центру выступа.

— А если оно... — испуганно пробормотала Лена за спиной.

— Если бы да кабы... — Зонд осторожно полз вперед, сначала пробуя дорогу. — Ничего, мы осторожно.

Чтобы управлять каким-никаким, а все ж коллективом, нужно быть для молодежи либо доброй мамочкой, либо командиром со стальными нервами. Из меня ни то ни другое не вышло, но второе проще изображать в стрессовых ситуациях. Поэтому — никакой дрожи ни в руках, ни в голосе, пока за спиной напряженно сопят представители следующего поколения. Да и перед американцем слабинку не дашь — только что ведь хвасталась психологической подготовкой, надо держать марку. Даже если камень под колесами робота начинает крошиться.

— Грунт довольно плотный, но надо считать все, что может обвалиться. Потом попробуете перепрыгнуть, опираясь на наши манипуляторы.

— Здесь довольно узкая полоска для ваших гусениц, включите боковой обзор...

— Вижу. Ничего, втиснемся.

В какой-то момент гусеницы едва не свешивались с края выступа, однако обошлось. Ухватившись за вытянутые манипуляторы, Крамер прыгнул в объятия нашего зонда.

— Фантастика! — выдохнул он, едва выбравшись из пещеры. — Милая леди, я обязан вам жизнью, а ведь так и не узнал ваше имя...

— Марина Клименко, координатор биологического сектора. Учтите, я обязана буду доложить руководству об этом инциденте.

— Понимаю. Если будут какие-то проблемы, я с удовольствием расскажу о ваших умелых и решительных действиях...

— Не думаю, что это понадобится. До связи!

Разговор я оборвала стандартной фразой, только после отключения сообразив, что дальнейших разговоров по данному каналу вообще не предполагается. Ну и черт с ним.

Никогда не умела принимать похвалы и комплименты. Ответить на выпады или критику — всегда пожалуйста, а вот что сказать в ответ на искреннюю благодарность, для меня загадка.

Зонд, теперь уже без спешки, возвращался на прежнюю позицию. Подумав, я направила его в соседний кратер — пусть заодно захватит местный грунт с повышенным содержанием железа. Да, железо как дополнительный катализатор процессов мы уже пробовали, ну да вдруг здесь попадется особенно удачное соотношение элементов?

Только после этого встала с кресла и поспешно спрятала руки в карманы, чтобы скрыть запоздалую дрожь.

— Кого они только на Марс отправляют, с ума сойти! Авантюрист и раздолбай, с первых секунд видно.

Лаборанты молчали, только смотрели почему-то с восхищением. Чтобы избежать очередного неловкого разговора, я вцепилась в свой терминал и поспешно развернула на экране страницу лабораторного журнала.

— Ладно, давайте разбираться. Что изменилось за прошедшие сутки? В чем разница между двумя экспериментами?

— Никакой! Все абсолютно одинаково! — заверила меня Лена.

— Разница только в одном: в первом случае рост есть, во втором нет, — меланхолично заметил Никита. — И кстати, шлюз исправен. Я с инженерным отделом проконсультировался.

— Прямо-таки со всем отделом? Или все же с Юлей? — Каюсь, не удержалась от подколки.

Аспирант сердито засопел, но все же нехотя ответил:

— С ее шефом.

— Значит, эту версию отбрасываем. Еще варианты будут?

Ну вот, уже и руки не дрожат. Хорошо, что прямо сейчас не нужно возиться с пробирками да микропипетками, а то непременно разбила бы что-нибудь.

Сколько их на моей совести, тех пробирок, перебитых в студенчестве? Как и у любого микробиолога, наверное. Но сейчас об этом вспоминать не стоит. Пусть молодежь твердо верит, что у начальства не руки, а манипуляторы, точ-

но у лучшего из роботов. Провести зонд по узкому осыпающемуся перешейку — плевое дело.

Они ведь и верят, судя по всему. Каждый раз, как сами что-нибудь уронят, такими перепуганными глазами смотрят — хоть на паспорт фотографируй.

3

Крамер нашел меня на моем любимом месте — небольшой безымянной возвышенности с чудесным видом на кратер Кассини, который, как утверждают, был когда-то озером, сравнимым с Байкалом. И надо ж было ему заявиться именно в редкие часы отдыха, когда никого, повторяю, никого, даже своих, видеть не хочется!

Пришлось, конечно, включать связь. Участок этот, к сожалению, никак не может быть мной приватизирован, а значит, любимое соотечественниками Крамера правило «По нарушителям границ частной собственности стреляем без предупреждения» тут сработать не могло. Да и стрелять, честно говоря, нечем было. Разве что — камнем кинуть.

— Я решил, что должен лично поблагодарить вас, Марина.

Лицо американца за щитком шлема показалось знакомым. Так и есть: именно он топтался у нас в разгрузочной в качестве экскурсанта. А я и не запомнила фамилию с первого раза, досадно. Что ж, по крайней мере, на этой планете один такой авантюрист, а не два. И то хлеб.

— Вас ведь за потерянный зонд... могли и расстрелять?

Хоть я и не настроена была общаться, но все-таки невольно рассмеялась.

— А как же, непременно, из сигнальной ракетницы... Вы на Земле много боевиков про Союз смотрели, да?

— Даже был у вас. Знаю, что медведи с красными знаменами по улицам не маршируют. Увы, массовая культура все еще определяет многое — и у нас, и у вас. Так что, я преувеличил драматизм ситуации, да?

— Я действовала согласно инструкции. Человек однозначно стоит дороже зонда.

— Надо же, — американец покачал головой в тяжелом шлеме. — А я-то думал, по велению сердца!

— Нет, — повторила я. — По инструкции. Она у меня как раз вместо сердца, точно как в ваших боевиках.

— Именно таким и должен быть майор КГБ! — радостно заявил мой собеседник. От неожиданности я чуть не свалилась в кратер. — Ну как же, — пояснил он, широко улыбаясь. — Всем известно, что Советы отправляют в космос кагэбэшников, чтоб те следили за неразглашением государственных тайн. Раз вы координатор сектора, значит, в звании не меньше майора. Правильно я рассуждаю?

— Ага, — фыркнула я. — Что еще интересного вы знаете про страну советов?

— Если без шуток, у вас очень интересная история, — неожиданно серьезно сказал Крамер. — И культура. Я изучал ее в университете. Помню, была такая песня...

И он неожиданно пропел неплохим, поставленным баритоном по-русски, пусть и с акцентом:

— Покидая нашу Землю, обещали мы,
Что на Марсе будут яблони цвести!

— Да, у нас ее пели, — улыbnулась я. — Правда, популярнее все же был ремикс с электрогитарами. А мне сейчас другие строчки про яблони ближе: «Не жалею, не зову, не плачу, все пройдет, как с белых яблонь дым...»

— О, Есенин! Душа русской культуры! — Американец театральным жестом воздел руки к пустому марсианскому небу, чем окончательно утвердил меня в подозрениях.

Нарочито дурацкое поведение Крамера укладывалось во вполне прозрачную схему. Похоже, он тщательно выстраивал личные контакты, попадался на глаза... Черт, может, он и аварию подстроил специально? Я вроде как спасла его, это дает мощную психологическую завязку. Теперь вот он старается, прощупывает точки пересечения. Надо бы выяснить, кому еще из наших он глаза мозолил. Но неужели шпион станет работать так явно? С другой стороны, хочешь спрятать что-то надежно — прячь на видном месте. За маской легкомысленного и восторженно-го новичка в экспедиции можно скрыть многое.

Интерес к нашему сектору вполне понятен — хоть мы свои земные разработки и публиковали, не прятали от мира, но в марсианских условиях непременно должны были появиться новые данные, и вот их пока сообщать мировому со-

обществу никто не спешил. Шпиону, конечно, невдомек, что там и сообщать пока нечего... Может, стоит убедить его в том, что у нас нечего ловить? Пусть отстанет на время. А я передам сообщение по соответствующим каналам, пусть его проверят.

Забавно вышло, Никольский шуточно предлагал меня к американцу подослать в качестве шпионки, а выходит... Стоп, вот это совпадение! Или он меня таким образом предупреждал?

Кому же еще предупреждать, как не ему. Потому как у нас, конечно, не каждый в КГБ работает. Но и совсем без присмотра база не оставлена. Стратегический же объект.

— Но отчего же вам близки стихи об увядании? — Крамер тем временем умело изобразил озабоченность. — Или пейзаж навевает?

— Скорее мироощущение в целом... — почти неподдельно вздохнула я. — Энтузиазм новичка, о котором вы упоминали, — как раз хочу спросить, как вам удастся сохранять подобную восторженность? Насколько я могу судить, вы все-таки несколько старше моих лаборантов...

— Секрет очень прост: перед отлетом я развелся, — усмехнулся американец. — Очень освежающее ощущение, знаете ли. Впрочем, жизнь с человеком, не разделяющим твои жизненные убеждения, тоже неплохой способ поддерживать тонус. Придает сил за счет ежедневной дозы здоровой злости. Если хотите попробовать, советую найти для этой цели какого-нибудь дремучего... как это у вас называется? Moozhik, да. Он примется доказывать, что

ваше место на кухне, и будет тем самым ежедневно подпитывать ваш внутренний вулкан ненависти.

— И как вас пустили в космос? — искренне удивилась я. — Вы совершенно несносный тип.

— Я заплатил большие деньги. — Крамер наклонился так, чтобы я точно видела его лицо за бликами на щитке, и заговорщически подмигнул.

— Да, мне стоило догадаться... Ну, о вулкане ненависти, как вы поэтично выразились, мне беспокоиться нечего. Эти проклятые бактерии каждый день пытаются доказать, что мое место если и не на кухне, то уж точно не в лаборатории.

Так, наживка брошена, теперь стоит проследить за реакцией. Он должен выказать интерес, но не чрезмерный. При первом контакте лишних вопросов не задавать — может, лишь несколько наводящих.

— Я читал о вашем проекте, — американец нахмурился, припоминая. — Идея в том, чтобы создать устойчивое сообщество бактерий-экстремофилов, которое преобразует местную почву, верно?

Ого! Это он специально готовился — или просто читал наши новости?

— Да, так и есть. Бактерии ведь и в земной почве живут в сообществах. Зачастую это множество разных видов, объединенных такими тесными и сложными связями, что их впору считать единым квазиорганизмом. Кто-то трансформирует одни элементы, кто-то — другие... Вот мы и решили самые выносливые земные

штаммы собрать в команду, дать им кое-какие «бонусы» при помощи генной инженерии и отправить заселять Марс. Это гораздо перспективнее, чем пытаться засеять почву монокультурой, то есть одним видом.

Я излагала общеизвестные вещи, вплетая в речь специфические термины, чтобы понять, насколько мой собеседник знаком с темой. И он ни разу не переспросил, что значит то или иное слово. Геолог, говорите... Впрочем, бывают ведь специалисты, сведущие в нескольких смежных науках?

— Как это символично, — сказал Крамер. — Как советские люди поют оды силе коллектива, так и советские бактерии лучше всего работают, когда рядом есть товарищи! Непохожие друг на друга, но объединенные одной целью.

— За символизмом — это к идеологам первого Союза, — ехидно ответила я. — Мы такой ерундой не занимаемся. Мы опираемся на законы природы и эволюции. Если коллективы и советы эффективнее, чем общество, где человек человеку волк, то, может, стоит признать нашу правоту и с точки зрения эволюции?

— Но чем же они досаждают вам, эти бактерии? — с живейшим интересом переспросил американец.

Вот теперь мне предстояла тонкая работа. Тоньше, чем стыковка контейнеров или выведение зонда на узкий выступ скалы. Выдать дозированную информацию, отвести от себя интерес и не сказать ничего лишнего...

— Вы когда-нибудь видели бактерий на чашке Петри? Ну не самих бактерий, а их ско-

пления, достаточно большие, чтоб разглядеть невооруженным глазом... Да, разноцветные пятнышки, все верно. В таком пятнышке — миллионы и десятки миллионов клеток. Пока вы будете их рассматривать, как минимум одна из них мутирует — спонтанно, за счет внутренних механизмов. Пока вы отойдете на обеденный перерыв, она поделится надвое. Сколько их будет через сутки — считайте. Это мы не рассматриваем еще мутагенез при повышении уровня радиации! Затем, если условия среды изменятся, может статься, что мутант более приспособлен к новым условиям — и бесполезная на первый взгляд мутация пригодится ему, чтобы выжить. Но мы не можем предсказать заранее, где и как произойдет мутация, понимаете? Мы можем постоянно редактировать геномы бактерий, пока они у нас в лаборатории, но в марсианской почве им придется справляться самим.

Крамер серьезно кивал, но, кажется, мне удалось его немного заболтать. Пусть думает, что наша главная проблема — повышенный мутагенез. На самом деле с ним-то мы разобрались еще в прошлом году.

— Так что, говоря о символизме... да, пожалуй, бактерия сродни советскому специалисту. И тому его учат, и этому, а что пригодится — не знаешь заранее. Три года пишешь диссертацию о микробных сообществах, а потом прилетаешь на Марс и занимаешься разгрузкой контейнеров!

— И вытаскиванием геологов из пещер, — поддакнул Крамер. — Однако я совершенно не

понимаю причин вашей меланхолии. Как у нас говорят — человек определяется, помимо прочего, уровнем своих проблем. И если вы можете переживать, что ваши бактерии непредсказуемо мутируют, вы счастливый человек, Марина. Там, на Земле, еще есть места, где вам пришлось бы думать скорее о том, чем вечером накормить своих детей...

— Ничего, мы и это исправим. Когда-нибудь. Может, даже раньше, чем засадим Марс яблонами. Это и есть ваш рецепт, как не унывать? Все время думать о том, что где-то кому-то хуже?

— Почему бы и нет? А по поводу ваших бактерий... знаете, моя бабушка держала виноградник в Калифорнии. Она всегда говорила: не важно, что ты выращиваешь, главное — делай это с любовью!

Я всерьез задумалась, что бы такого паязвительней выдать в ответ на подобную банальность, когда мозг, утомленный размышлениями о шпионах, вдруг выдал яркую, точно вспышка молнии, мысль.

— С любовью... — повторила я и поднялась на ноги. — Прошу простить, но мне срочно нужно проверить эту гипотезу.

4

В отделе у инженеров на меня смотрели как на врага, думали, наверное, про себя: «А, это та мегера, которая к нам Никиту не пускает!». Злая мачеха прекрасного принца, архетипический образ с небольшими поправками. Ладно еще мо-

лодьяк, так ведь и начальник сектора грудью встал на защиту несчастных влюбленных. Разумеется, прежде, чем разобрался в вопросе.

— Да не будет ему никаких взысканий, — устало повторила я в очередной раз. — Все, что мне нужно, это график включений-выключений вашей установки и хоть примерное время, когда мой лаборант заходил в сектор!

Разумеется, наш сектор экранирован от всех посторонних полей и излучений. Разработчики проекта базы учли, что биологам придется работать в непосредственной близости от других отделов, и не могли допустить, чтобы их эксперименты повлияли на наши. Чего они не учли, так это непреодолимой силы притяжения, возникающей между влюбленными. И того, что лаборант-биолог, едва поставив очередной эксперимент, понесется тратить свободное время на помощь инженерам с физиками, подбирающими конфигурацию искусственного магнитного поля. Они бы и рады всю планету опутать своими сверхпроводниками, но этого им пока что никто не позволит — в особенности китайцы в своей зоне, у них свой проект имеется. Да и американцы вот начали подтягиваться, небось тоже вылезут со своими разработками. Смешно становится, если задуматься: по одному шарiku ползаем, а программы терраформирования у всех разные. Будто бы о разных планетах речь.

Оно и на Земле-то смешно так себя вести, а на Марсе это еще очевиднее становится.

В общем, ничто не мешает нашим инженерам разрабатывать мини-установки и испыты-

вать разные конфигурации. Может, хоть разгрузочный шлюз в результате удастся прикрыть магнитным щитом.

Нам-то что, наши бактерии в чувствительности к слабому магнитному полю замечены не были до сих пор. Они и на орбитальной станции готовы расти, без всякой магнитосферы. Шеф инженерного отдела мне так и сказал, проявил, видите ли, общую эрудицию.

— Тем более в районе ваших термостатов поле даже без экранирования было бы совсем слабым!

— Им, похоже, вполне достаточно, — проворчала я в ответ. Испуганная Юля притащила мне кусок бумаги в клеточку, на котором карандашом нацарапала... и правда, график посещений сектора ее другом сердешным! То есть натуральный график, с осями координат, время и частота посещений... Далеко пойдет девочка!

— Вполне достаточно... слабого поля и очень кратковременного его колебания.

Пока открывались и закрывались двери отсеков на станции, да. Похоже, мгновенные перепады напряженности поля наши бактерии восприняли как сигнал.

Влияние слабого магнитного поля на клетки — до сих пор довольно спорный вопрос. Множество более серьезных задач решили, а вот к этой только подбирались. Будут теперь и у студентов на Земле новые темы для дипломов.

Один из парнишек-инженеров резво уступил мне терминал, и вскоре на экране развернулся наш журнал с датами. На первый взгляд все сходилось.

— Похоже, придется нам теперь тесно сотрудничать, — усмехнулась я. — Буду присылать к вам Никиту с герметичным контейнером, посмотрим, как эти твари ведут себя вблизи от установки.

Даже не стала оборачиваться — сияющие счастьем глаза Юли я прекрасно разглядела и в отражении погасшего экрана.

5

— Вот теперь вы наконец-то выглядите точно-точно как девушки с советских постеров, — довольным тоном заметил Крамер.

Я скептически хмыкнула, вспомнив свою физиономию в зеркале. Девушки с плакатов хоть немного пользуются косметикой. И пятнистого «космического» загара у них нет, и кожа от сухого воздуха герметичной станции не шелушится. И уж наверняка у них больше поводов получать комплименты, чем грубая лесть американского шпиона.

— Просто решили одну мелкую техническую проблему, за которой скрывалась очередная непознанная тайна природы.

А теперь, по законам жанра, ему следовало бы осторожно развить тему, чтобы выпытать подробности.

— Ну, ведь ради подобных моментов вы и выбрали эту профессию, верно?

— По крайней мере, так мне казалось во время учебы в университете.

— Вот за что мне нравится ваша система образования, — вздохнул американец. — Есть

одна коварная иллюзия, подстерегающая каждого молодого специалиста: во время обучения студент решает задачи, ответ на которые знает преподаватель. А для космоса нужен иной подход. Нужно учить решать нерешаемые задачи. Кажется, именно этим занимаются ваши студенты?

— Мой научный руководитель еще считал, что очень важно научить студента мечтать, — ностальгически усмехнулась я. — Что решение невыполнимых задач начинается именно с мечты.

— Вроде этих яблонь из старой песни, — подхватил Крамер. — Вот, например, глядя на этот апокалиптический пейзаж, кто сможет представить себе цветущие яблони? И, как наяву, почувствовать дурманный запах осыпающихся бело-розовых лепестков?

Он так убедительно заливал про эти яблони, что я и правда будто бы почуяла тонкий, с детства знакомый аромат. Показалось вдруг, что ветер гонит по унылым красноватым холмам не светло-серую пыль с высоким содержанием минеральных солей, а облака сорванных с ветвей лепестков. И что-то зашевелилось в груди, нечто давно забытое и странно похожее на стихи, в тот миг, когда они уже готовы сорваться с кончиков пальцев в неровные строчки в блокноте или аккуратные столбики слов на экране...

— Давайте прогуляемся в одно любопытное место. Тут недалеко, — небрежным тоном предложил геолог, и все мое мечтательное настроение как рукой сняло.

Топая вслед за спутником, я с удивлением отметила, что впервые за долгое время ощущаю неподдельный интерес к происходящему. Даже бактерии проклятые на минуту подзабылись — совсем невиданное дело! Шпион этот субъект или нет, мы еще посмотрим, но часть работы наших психологов он, сам того не зная, выполнил, причем совершенно бесплатно — стыд и позор для капиталиста, однако.

А что поделать: с ним просто не получалось общаться механически. Ты ему стандартные фразы, а он в ответ как ляпнет что-нибудь этакое, несуразное и неуместное, что ни в какие логические схемы не уложишь. С самой первой встречи — то ему улыбок не хватает, то у него яблони в цвету.

Наверное, это какая-нибудь хитрая психотехника, не иначе. Разработка американских спецслужб. Технологии управления сознанием — в этом, говорят, они преуспели. Небось читали ему отдельный спецкурс где-нибудь там в Лэнгли — как сбивать с толку советских научных сотрудников.

Никольскому я сказала, как бы невзначай, о настойчивом интересе Крамера к нашему сектору. Тот, кажется, не особенно и удивился. Буркнул себе под нос: «Разберемся». И, поскольку особых указаний больше не поступало, на предложение прогуляться я согласилась. В конце концов, как показал недавний опыт, иногда это бывает полезно для процесса мышления — прекратить тарашиться в журнал или на экран портативного секвенатора и выбраться, так сказать,

на свежий воздух. В среднем минус пятьдесят по Цельсию, куда уж свежее.

Место, куда притащил меня американец, находилось на «нейтральной территории» и на карте имело пока только ничем не примечательное цифро-буквенное обозначение. Однако и нам, и американцам было прекрасно известно, что в новой редакции карт ему непременно дадут какое-нибудь громкое имя. «Аномалия Буровицкого», например, раз уж именно наш Костя Буровицкий первым потерял там зонд. Потерял, конечно, не навсегда: оказавшись рядом, он смог вывести аппарат практически вручную.

Уникальная структура местных скал вместе с близкими к поверхности массивными залежами магнетита создавала весьма неприятную для наших зондов зону радиомолчания. К слову, о важности магнитных полей, да. С этого небольшого пятка невозможно было связаться ни с одной из баз. Подслушать разговор, происходящий по ближней связи, впрочем, тоже.

— Вы умная девушка, Марина, — проникновенно сказал американец, остановившись на дне оврага, покрытого необычайно яркими для марсианской поверхности красными и желтыми пятнами. — И наверняка уже догадались, зачем я вышел с вами на контакт.

— Несколько версий есть, да.

Я уже некоторое время размышляла над вопросом: что именно из стандартного оснащения скафандра можно использовать в качестве оружия? Выходило, что немного. Даже выстрелив сигнальной ракетницей прямо в грудь против-

ника, я смогу разве что ненадолго его оглушить. Можно, конечно, направить на него выхлоп реактивного ранца, с помощью которого я сюда и прилетела. Но атаковать шпиона, развернувшись к нему спиной, — не лучшая идея.

Впрочем, с чего мне беспокоиться насчет оружия? Пожалуй, голливудские боевики стоило бы вообще запретить к просмотру, если бы это было технически возможно во всепроникающем инфопространстве. Все-таки они порождают в голове зрителей довольно идиотские представления.

Вряд ли моей жизни что-то угрожает в таких условиях. Скорее всего, меня просто сейчас попробуют завербовать. Видимо, Крамер все-таки принял мое постоянное брюзжание за недовольство жизнью. А недовольному жизнью человеку агент противника всегда найдет что предложить. Ну-ка, ну-ка, что ты мне предложишь, Бонд космического разлива? «Пойдем со мной в новый мир, где можно заниматься чистой наукой, не разгружая контейнеры, и где результаты экспериментов раз за разом воспроизводятся, как и должны?»

Не деньгами же меня соблазнять после речей о том, как благоухает яблоневый цвет на Марсе по весне!

— Здесь нас не смогут подслушать, — сообщил американец.

— Зато сам факт нашего разговора прекрасно фиксируется со спутника. Об этом вы подумали?

— Насчет этого не беспокойтесь. Мои коллеги на базе уверены, что у нас с вами роман и

сейчас происходит объяснение в любви. Впрочем, есть подозрения, что и на вашей базе думают примерно так же.

— На нашей базе люди работают, а не болтают о чужой личной жизни! — возмутилась я. Несколько покривила душой, конечно: подобная болтовня неистребима. Трех десятилетий нового общества явно маловато, чтобы настолько переделать человеческую природу...

— Если так, у меня только что стало на одну причину больше сказать то, что я собираюсь... Марина, помогите мне перебраться в СССР.

«Хитрая у него схема вербовки, однако, — одобрительно подумала я. — Хочет использовать доказательство от противного, что ли?»

— Я не врал, что заплатил большие деньги, чтоб оказаться здесь. Наши спецслужбы ничего не заподозрили — в их глазах я был мальчишкой-энтузиастом. Инфантильным наследником богатых родителей: такой мог увлечься космосом, как очередной игрушкой. И это было убедительно, потому что было правдой. У меня ведь было все, о чем может мечтать ребенок, и тогда я начал мечтать о большем. О решении заведомо нерешаемых задач, понимаете, о чем я? А может, дело в том, что мой дед был русским. Айвен-Иван, меня ведь называли в честь него. Все это томление духа, стремление ввысь из стихов русских поэтов... как знать, может, его частичка осела и в моих генах?

— Менталитет, записанный в генах, — полная чушь, поверьте мне как биологу. Насчет нерешаемых задач... Вы ведь и так на Марсе. Куда уж больше?

— Вы знаете, я всегда был уверен, что делаю правильные вещи. Правильным способом. Но даже если завтра мы найдем здесь нефть, что это изменит? «Арес» восстановит капитализацию? Под участок на Марсе станут давать больший кредит? Вам не кажется, что это мелко?

Мать его так, он ведь это, похоже, всерьез...

Из-за ближнего к нам края оврага показался робот-зонд. Оценив крутизну и сыпучесть склона, наш потрепанный «Семеныч» поджал гусеницы, выпустил длинные паучьи ноги-ходули и принялся спускаться.

Повернувшись в его сторону, я помахала рукой в камеру и показала пальцами V-образную «галочку» — универсальный знак, символизирующий, что все в порядке. Символизирующий победу, если уж на то пошло.

— Вы мне не доверяете. — с грустью сказал Крамер. — А мне показалось, именно с вами у меня есть шансы на доверительные отношения. Потому я к вам и обратился. Шутка про КГБ была шуткой только отчасти. Я еще на земле вычислял, к кому из вашей экспедиции могу обратиться. Вы сможете связать меня с нужными людьми?

— Я поговорю с теми, в чьей компетенции решать такие вопросы.

— Спасибо, — американец сверкнул улыбкой за стеклом шлема. — Пока что это все, о чем я прошу. Да, чуть не забыл: на остатки своего наследства я скупал акции «Ареса». Часть на себя, часть на подставные фирмы. Если сло-

жить все вместе, наберется блокирующий пакет. Вы понимаете перспективы?

— Однако странный же способ вы выбрали для эмиграции! В Москву через Марс?

— К моим партнерам приходили люди из ФТС. Похоже, моей маскировке конец. А жаль, она неплохо работала: несколько раз слетал на Луну, убедил их в серьезности своих намерений, от меня и отстали, записав в романтические дурачки... Так что дома меня уже будут ждать... заинтересованные лица. Боюсь, до Москвы я могу и не доехать.

— Бизнесом вам у нас заниматься не разрешат, имейте в виду, — строго сказала я. Крамер лишь отмахнулся.

— На это все я с детства насмотрелся, хватит. Мне другое нужно, понимаете?

— Что ж, если это и правда так... искренне желаю вам вернуться на Землю уже советским космонавтом. Ох, и шума же будет в международном сообществе!

— Непременно будет, — рассмеялся американец. — Пожалуй, нам стоит расходиться. Буду ждать от вас сигнала. Я пойду первым, чтоб вам не пришлось поворачиваться спиной к вероятному противнику.

— Я не настолько параноик, — сконфуженно пробормотала я.

— Нет-нет, вы совершенно правы. Я думал о ваших словах насчет психологического отбора космонавтов. Сюда рвутся романтики и мечтатели, но, может, стоит отбирать, напротив, людей ответственных? Дисциплинированных,

★ — склонных подозревать худшее и быть готовым ко всему?

— Айвен, — окликнула я его, и удаляющаяся фигурка в белом скафандре замерла на склоне оврага. — У нас есть мечтатели. И романтики, и восторженные энтузиасты. Девушки с плакатов, которыми вы восхищались. Вы не разочаруетесь. Пожалуйста, не судите по мне обо всех советских людях. У меня отвратительный характер, эмоциональное выгорание и кризис какого-то там возраста. Вряд ли после этой миссии психологи еще хоть раз пустят меня в космос. Но у нас не все такие, вот увидите, вы найдете, с кем работать и дружить.

— Вы себя недооцениваете, Марина. — Крамер был уже довольно далеко, но я слышала улыбку в его голосе. — Хотел бы я однажды послушать ваше недовольство чересчур быстро эволюционирующими бактериями, прогуливаясь с вами под руку по яблоневым аллеям на берегу озера Кассини.

— Договорились. Вот когда яблони вырастут, тогда и будут романтические прогулки. Никак не раньше, — серьезно ответила я. — Сначала яблони, потом озеро и Есенин.

— Разумная расстановка приоритетов, — одобрил американец и исчез за краем холма.

«Семеныч» копошился где-то на горизонте: пока мы болтали, я кинула Никите текстовое сообщение с предложением набрать местного магтемитового песка, чтоб добавить в экспериментальную среду еще и магнитный материал. Ну, раз уж он все равно пригнал сюда зонд.

Оглядев окружающий пустынный пейзаж, я собиралась было продемонстрировать ему холодную усмешку, достойную майора КГБ из голливудского боевика, однако из груди вдруг вырвалось совершенно неуместное хихиканье. Странный звук, лет семь его уже, наверное, не издавала. К счастью, никто не мог его услышать — хвала магнитной аномалии.

ЗАРЯНКА

Нто бросил клич «Марс — дело общее»? Этот вопрос долго интересовал часть работников Звездного городка. Очень уж хотелось поймать этого умника в темной подворотне и применить к нему непарламентские аргументы.

Вторая Марсианская экспедиция с самого начала подготовки ажиотажа не вызывала. Один раз были? Ну и хорошо, гнаться за третьей американской экспедицией или четвертой китайской смысла нет — лучше лунную базу до ума доведите. Но экспедиция потихоньку набиралась, модули корабля строились, финансирование приходило. Космонавты начали тренировки, утверждалась научная программа, выбирали место высадки.

Пока тот самый умник не спросил: «Марс — дело общее?» Нестройный хор голосов энтузиастов подтвердил: «Общее!» А умник спросил снова: «А что же тогда обычных людей в экспедиции нет? Хоть пять мест могли бы выделить!» Кто-то на скорую руку слепил видеоролик с красивой нарезкой о космосе и с неудобным вопросом в конце. Через неделю лозунг «Марс дело общее! Даешь Марс для всех!» облетел

страну. Вопрос, к великому удивлению, замять или спустить на тормозах не удалось. Волна требований докатилась до Верховного Совета и не успокоилась, пока в экспедицию не включили два места для людей «с улицы». Любой мог подать заявку на открытый конкурс в надежде стать участником марсианской экспедиции. С условием: хорошее здоровье и личная исследовательская программа. После первичного отсева одного должно было выбрать жюри из участников Первой Марсианской, а второго — народное голосование. Тысячи людей вспомнили о мечте стать космонавтом, удивленно воскликнули «О!» и встали в очередь к приемной комиссии в Звездном городке.

* * *

Лихнецкому не повезло. Когда в очередной раз заporоли тесты четвертого блока, он попался Старику под горячую руку.

— Сережа, вы мне опять устраиваете клоунаду. Вам наверняка надо сходить и помочь нашему цирку.

Так Старик называл приемную комиссию для добровольцев, куда и командировал Лихнецкого в помощь. Через три дня Сергей чуть ли не в ногах валялся у Старика с просьбой вернуть его обратно, но тот был непреклонен. Так и пришлось долгих два месяца сидеть на беседах, принимать документы и мечтать вернуться к нормальной работе.

Сегодня первыми кандидатами оказались двое студентов и модель — Сергей с чистой со-

★ — вестью завернул их за отсутствие научной программы. Следующим оказался длинноволосый поэт, высокий, нескладный, с тоской в больших серых глазах, готовый долететь до Марса в поисках своей музыки. Его он тоже отправил вслед за остальными.

Образовалась пауза и, уже раздумывая об обеде, Лихнецкий расслабился, не ожидая подвоха. И получил его: следующим кандидатом оказалась пожилая женщина. Кудрявые седые, как снег, волосы, мягкое лицо, прочерченное морщинами, яркие голубые глаза, похожие на летнее небо. И популярный среди добровольцев синий комбинезон на лямках.

— Добрый день. Добро пожаловать в Звездный городок. — Сергей заученно улыбнулся, заранее готовясь отказать. — Меня зовут Лихнецкий Сергей. Могу я увидеть ваши документы?

— Здравствуйте, Сергей, вот, пожалуйста. — Голос гостыи оказался мягкий и мелодичный. И вся она производила успокаивающее впечатление. Такой Сергей мог представить бабушку. Не свою, а среднестатистическую, пекущую блины и пирожки, подкармливающую голубей в парке, бабушку, к которой приезжают внуки на каникулы. Что она делает здесь? Что ей нужно в космосе?

К удивлению Сергея, у нее оказалось все в порядке со здоровьем, естественно, с поправкой на возраст. Но полет в космос — это не прогулка в парке, и уже возраст мог бы стать основанием для отказа. Но Лихнецкий, не желая сразу расстраивать такую милую женщину, листал документы дальше, обнаружив любопытную

научную программу: немного биологии, немного астрономии, немного физики. Не для фундаментальных исследований, нет. Упор делался на трансляцию образовательного курса для школьников на Землю. Увлекательно и полезно. Ах, если бы не возраст, ей, пожалуй, в команде были бы рады. Но увы-увы. Сергей с сожалением закрыл папку с документами.

— Екатерина Ивановна, я посмотрел ваши документы. У вас чудесная научная программа. Действительно интересно.

— Спасибо, — от улыбки вокруг ее глаз разбежались морщинки, — мне помогали несколько моих знакомых педагогов. Если у вас будут замечания, мы их быстро устраним.

— Да нет, замечаний не будет. Мы не корректируем программы кандидатов. Только в случае попадания в экипаж — чтобы совместить с остальной командой. Проблема в другом.

Сергей потер переносицу, подбирая слова, чтобы не обидеть собеседницу.

— При всех наших технических возможностях экспедиция на Марс остается очень сложным и дорогостоящим предприятием. Ограничения в тоннаже отправляемых на орбиту грузов лимитируют нас в оборудовании. — Лихнецкий засыпал ее словами, чтобы отказ не прозвучал слишком резко. Ему была симпатична эта женщина, и отказать в лоб казалось слишком грубым. — Увы, но экспедиция в течение всех месяцев полета должна будет обходиться минимумом медицинского оборудования. Только самое необходимое, рассчитанное на возможные несчастные случаи. Помните вторую американ-

скую? С такими авариями мы справимся. Есть даже реанимационный блок и возможность провести экстренную операцию.

Женщина удивленно смотрела на него, не понимая, зачем он ей это рассказывает.

— Но мы не можем обеспечить длительное лечение и проведение процедур, — Сергей непроизвольно отвел взгляд, — тем более постоянный плотный контроль в процессе высадки экспедиции. Размер экипажа ограничен, и выделение отдельного врача для контроля здоровья во время непосредственной работы на Марсе для нас непозволительная роскошь.

— Но у меня же все хорошо со здоровьем.

— Да, конечно, текущее состояние у вас удовлетворительное. Однако в экспедиции предполагаются существенные нагрузки, тяжелые даже для совершенно здоровых молодых людей.

— Вы хотите сказать, что я слишком старая, чтобы лететь в космос? — В ее голосе прорезались нотки обреченности. — Так? Но ведь у вас нет ограничения по возрасту. Нигде не указан предельный возраст для кандидатов. Я специально смотрела.

— Да, конечно, предельного возраста нет. Мы опираемся на разумную оценку здоровья и возможностей кандидата.

— Но на орбитальную станцию летали люди старше меня. Я смотрела в сети, все было хорошо, никаких ограничений для них не было.

— Я помню эти случаи. Но фактически это были туристы. С кратким пребыванием на ор-

битальной станции. Никаких долгих полетов, ограниченные нагрузки. А с Земли их постоянно вели врачи.

Сергей развел руками.

— Но ведь это не наш случай. Почти два года в космосе — это не шутка. Случись что — необходимого лечения экипаж обеспечить не сможет. Упомянутые вами туристы по возвращении на Землю проходили курс реабилитации. А миссии предстоит высадка на поверхность, затем взлет. Серьезные перегрузки после длительной невесомости. Даже если вы останетесь в орбитальном модуле — кто даст гарантии, что экипажу не придется прерывать программу для помощи вам?

На посетительницу больно было взглянуть. С потухшим взглядом, вся сникшая, она сидела на краю кресла.

— Простите, — Сергей чувствовал себя палачом, — я не могу принять у вас документы.

— Не извиняйтесь. Я все понимаю. Вы ни в чем не виноваты.

— Если вы так интересуетесь космосом, я знаю, у нас есть несколько вакансий на станциях слежения. Это, конечно, даже не взлет на орбиту, но тоже очень нужная работа, — это звучало так, как будто он оправдывается, Лихнецкий сам не ожидал от себя такого.

— Спасибо, — она внезапно тепло улыбнулась и пожала его руку, — в любом случае спасибо. Если совсем ничего не получится, я посмотрю ваши вакансии.

* * *

Расстроенная Екатерина Ивановна вышла из дверей приемной комиссии. Яркое весеннее солнце резануло по глазам, заставляя зажмуриться. Опустив голову и прикрывая от света рукой лицо, она спустилась по широким ступеням и повернула на аллею, обсаженную с двух сторон елями.

Недалеко от кованых ажурных ворот, где металл причудливо сплетался в контур посадочного лунного модуля, на скамейке между зеленых еловых лап сидел юноша. Низко склонившись, закрыв лицо ладонями, с подрагивающими, будто от рыданий, плечами. Екатерина Ивановна остановилась, удивленно рассматривая фигуру на скамейке, а затем решительно двинулась к ней.

— Вам плохо?

Юноша отнял лицо от ладоней и непонимающе посмотрел на женщину. Будь здесь Лихнецкий, он бы узнал в нем поэта, отправленного во взрослую.

— Вам плохо, молодой человек?

Тот что-то неразборчиво буркнул и снова уронил голову на ладони.

Екатерина Ивановна присела на скамейку рядом с юношей и положила руку ему на плечо.

— У вас не приняли документы? Не переживайте, через неделю можете подать еще раз.

Поэт нерешительно дернул плечом, словно пытаясь сбросить чужую руку.

— Бесполезно.

— Ну почему же? Ведь вам сказали, в чем причина отказа?

Наконец оторвавшись от ладоней, юноша выпрямился и с обреченностью вздохнул?

— У меня нет научной программы. Да и откуда она у меня? Я поэт, — в голосе юноши удивительно сплелись гордость за себя, почти самолюбование, и отчаяние, — я не придумаю программу и за год. А она там ждет меня. Только я не прилечу к ней.

— Кто ждет?

— Муза. — Юноша покраснел и отвернулся, словно сказал что-то неприличное.

Екатерина Ивановна улыбнулась и стала искать что-то у себя в сумке.

— Держите, — она протянула ему визитную карточку.

— Что это?

— Скорее, кто, — Екатерина Ивановна рассмеялась, — это мой старый знакомый, Петр Алексеевич. Прекрасный биолог, но сейчас на пенсии.

— Зачем он мне? — раздраженно отозвался поэт. — Он может написать программу на заказ? Так денег у меня все равно нет.

— Нет, он не станет ничего делать за вас. Что он может — это подсказать, к кому обратиться в своем институте. Там много хороших студентов, они смогут вам помочь придумать что-то такое, что вы сможете в космосе делать вместе с ними. Что-то, что будет интересно для них. Будет ли интересно вам, я не знаю. Но свою программу вы получите.

Поэт поджал губы, всем видом выражая, что ни за что не пойдет к кому-то на поклон.

— Никто за вас работать не будет. Если хотите чего-то добиться, работайте, — Екатерина Ивановна улыбнулась и потрепала его по голове, — делайте, и у вас все получится. Старайтесь. Это же ваша мечта. Если она вас там ждет — вы должны сделать все, чтобы ее достичь. Так?

Она поднялась, собираясь уйти.

— Удачи вам. И подстригитесь. Вряд ли такая прическа уместна в космосе.

Юноша еще долго сидел на скамейке, смотря вслед ушедшей женщине.

* * *

На следующий день Лихнецкого прямо с порога вызвал к себе начальник приемной комиссии Мусабаев. Подмигнув секретарше, Сергей нырнул в кабинет.

— Вызывали, Юрий Талгатович?

— А, Сереженька, заходи, садись, дорогой. Чай не предлагаю, видишь, некогда, к Старику бежать надо, да.

Сергей, встав у края длинного стола, смотрел, как хозяин кабинета собирает в папку какие-то бумаги.

— Я чего тебя вызывал, не помнишь? — Бывший космонавт потер переносицу.

— Нет, Юрий Талгатович, мне Леночка не говорила.

Хмыкнув, тот продолжил собирать документы.

— Ах да. Точно. Ты же вчера на приеме сидел?

— Да, там.

— У тебя была старушка? Приносила документы?

— Была такая. Помню.

— А чего документы не принял?

— Так ведь возраст, Юрий Талгатович. Куда ей в космос? Мы молодых через одного пропускаем.

— Знаю, знаю. А документы зря не принял.

Сергей удивленно поднял брови.

— Жалуются мне на вас. Говорят, нет уважения к пожилым людям. Кому, как не опытным аксакалам, помогать в нелегком деле освоения других планет. — Хозяин кабинета иронично покачал головой. — Из Лиги пожилых людей мне звонили. Говорят, обижаем. И программа у нее есть, и здоровье без болячек, а мы не принимаем. Нехорошо.

Мусабает направился к выходу, махнув Сергею рукой следовать за собой. Выйдя в приемную, глава комиссии, остановившись, развернулся к Лихнецкому.

— Так что будь добр, найди эту старушку и возьми ее документы. Сам к ней съезди, уважь. А там на комиссии посмотрим, уважительно откажем.

Сергей кивнул и отправился в центр приема искать телефон неугомонной старушки.

* * *

Через неделю Старик сменил гнев на милость и забрал Лихнецкого из приемной комиссии. На радостях Сергей клещом вцепился в работу, месяц нещадно гонял монтажников и сдал четвертый блок приемке без замечаний. Старик по такому случаю без возражений отпустил Сергея в отпуск, и тот на две недели улетел на море. Отдыхал, отсыпался, не интересуясь ничем, кроме курортной жизни.

В конце июня загоревший и свежий Лихнецкий вернулся на работу и с порога был вызван Стариком.

— Сережа, вы в курсе, что вчера было итоговое заседание приемной комиссии по «народным космонавтам»?

Старик беспокойно вышагивал взад и вперед по своему кабинету.

— Отобрали двадцать финалистов. Тех, что пойдут на общий курс обучения. На мое удивление, там есть человек десять толковых. Посмотрим, как они себя проявят, но я человек пять из них взял бы работать на орбитальную. Так что, возможно, из этой затеи будет хоть какой-то толк.

Остановившись у окна, Старик долго стоял молча, о чем-то размышляя. Лихнецкий, замерший на стуле, в недоумении пялился в монументальную спину начальства, не понимая, зачем он понадобился.

— Так вот, Сережа, — не поворачиваясь, Старик закончил паузу, — среди финалистов оказалась и ваша протеже.

Лихнецкий судорожно пытался понять, кого может иметь в виду Старик.

— Екатерина Ивановна, милейшей души женщина. Будь она лет на тридцать моложе, у меня бы не было возражений. Но сейчас?! Риск в такой дальней экспедиции слишком велик. Впрочем, вы сами прекрасно знаете, — старик невесело усмехнулся, — комиссия не пропустила бы ее. Однако у нее нашелся защитник — целый директор Института геронтологии Тоцкий. Даже на совещание в министерство пролез, устроил мне знатный скандал.

Старик снова зашагал из угла в угол. Зная шефа достаточно долго, Лихнецкий чувствовал, в каком он бешенстве.

— В любом случае сейчас этот доброхот будет таскаться тут у нас, пробивая себе новое поле для исследований. Будет капать мне на мозги, требовать, упрашивать и всячески действовать на нервы. Мне с ним нянькаться — ни времени, ни сил. Поэтому я попрошу вас, Сергей, взять это на себя. Прикроете старика от этого клеща, хорошо? Я вас назначу куратором «бабушки Кати» и по всем вопросам буду направлять Тоцкого к вам. Вы уж побегайте от него, устройте ему цирк, как умеее. Пусть погоняется за вами, может, не будет лишний раз мешать работе. А если сумеете выбить из него что-то полезное, можете рассчитывать на премию. Договорились?

— Хорошо, Михаил Григорьевич, — удивленный до предела от таких новостей, Сергей кивнул, — сделаем все в лучшем виде.

* * *

Неделю Лихнецкий успешно бегал от Тоцкого. Особенно подошли на роль убежища отдел кадров и бухгалтерия. Болтая о пустяках с девчонками в отделах, он перебегал из одного в другой, мороча голову незваному гостю. Но враг был хитер и тоже не лыком шит. Первой перед конфетами и обаянием Тоцкого пала бухгалтерия, а спустя пару дней — и кадровики. Сергей вовремя заметил это и отступил в тренировочный комплекс на занятия группы своей подопечной, там, где его заведомо не будут искать.

Шел цикл гидроневесомости. В громадном бассейне, в толще прозрачной, как стекло, голубоватой воды, на глубине восьми метров плавала копия корабля экспедиции. Где, кстати, был и тот самый злосчастный четвертый блок. Лихнецкий устроился на балконе и с высоты наблюдал за группой: пять человек в громоздких желтых скафандрах, неспешное погружение, черные костюмы сопровождающих водолазов. На своем планшете Сергей зашел в сеть и подключился к камерам на костюмах и модели станции. Ему всегда нравилось это неспешное действие, похожее на танец. Почти четыре часа он наблюдал за отработкой ручного раскрытия солнечных батарей. Четыре раза, уткнувшись в экран планшета, ходил за кофе, чуть не врезавшись в коридоре в лаборанта в белом халате. Шея от такого обращения затекла и ныла.

Наконец всех пятерых подняли на берег и стали вытаскивать из скафандров. Лихнецкий

специально не смотрел в списках, кто работает под каким номером, пытаясь угадать, где его подопечная. Даже поспорил сам с собой, но проиграл. Восьмой номер отработал всю программу на «отлично», второй результат в группе по времени. А когда под шлемом обнаружились короткие седые кудри, Сергей мысленно дал себе подзатыльник. Не дожидаясь, пока группа разоблачится из доспехов, он отправился к лестнице, собираясь отловить свою протеже на выходе из комплекса.

* * *

Тренировка далась Екатерине Ивановне тяжело. Четыре часа в тесной скорлупе скафандра, давящая глубина, накатывающая тошнота от чувства невесомости. Когда шлем сняли, ей захотелось кричать от облегчения. Пока снимали скафандр, она с трудом сдерживалась, чтобы не выдать усталость, улыбалась, шутила, вызывая взрывы хохота у помогавших ей парней. А когда наконец оказалась свободна, стала успокаивать запаниковавшую при всплытии девушку, чтобы никто не видел, как у нее самой дрожат руки. Ей было странно видеть, как плачущей девушке, молодой, сильной, начальник погружения ставит в карточку «негоден», а ей, улыбаясь, пишет «сдано» и, пожимая руку, наклоняясь, шепчет: «Не подведите, мы за вас болеем».

Выходя из зала, их группа столкнулась с другой пятеркой кандидатов. После выбора двадцатки финалистов, разбитые по пять человек,

они ни разу не собирались вместе и теперь оценивающе и настороженно оглядывали друг друга. Когда они почти разминулись, к Екатерине Ивановне шагнул парень с колючим ежиком коротко стриженных волос.

— Здравствуйте! Вы, наверное, меня не помните? Весной еще, около приемной комиссии вы мне дали телефон Петра Алексеевича.

Екатерина Ивановна всматривалась в лицо юноши, пытаясь вспомнить.

— Ну, поэт, помните? Вы меня тогда утешали еще.

— Да, я помню, — женщина улыбнулась и пожала протянутую ей руку, — я вижу, у вас все получилось. Не сразу вспомнила, вы так поменялись, — она жестом обрисовала его прическу.

— Спасибо, спасибо вам огромное! Если бы не вы, я не смог бы. Все бросил и ничего бы не сделал. Спасибо.

— Пожалуйста. Я рада за вас.

— Я Леша, Леша Савушкин. Я так рад, что они вас тоже взяли. Удачи вам, и спасибо огромное еще раз.

Парень неожиданно обнял ее, смутился и бегом бросился догонять свою группу.

* * *

Улица дохнула в лицо теплым августовским ветром. После прохлады бассейна он показался горячим, почти обжигающим. На скамейке между кустами давно отцветшего жасмина группу ждал Лихнецкий, длинным прутиком чертив-

ший видимые ему одному рисунки на асфальте. Услышав гомон выходящей из дверей группы, он поднял голову и, найдя взглядом Екатерину Ивановну, кивнул, улыбаясь.

— Здравствуйте, Сережа.

— Добрый день, Екатерина Ивановна. У вас еще час до следующего занятия? Посидите со мной пять минут?

— Конечно. — Женщина махнула рукой группе, чтобы не ждали ее, и опустилась на скамейку. — Вы что-то хотите обсудить?

— Да нет, просто хотел узнать, как у вас идут дела. Можно посмотреть вашу карту?

Лихнецкий полистал пластиковые листы, взглянул в свой планшет, что-то уточняя, и, кивнув самому себе, вернул карту хозяйке.

— Все в порядке?

— Да, все хорошо, Екатерина Ивановна. Не вижу у вас никаких проблем.

— А у вас?

— Вы же знаете, что наша проблема — это вы. — Лихнецкий вздохнул. — Это слишком большой риск для вас. Слишком долгий и слишком напряженный полет.

Сергей вздохнул еще раз.

— Может быть, откажетесь? А мы вам организуем смену на орбитальной, а?

— Вы же знаете, что нет. Я ни за что не откажусь от своего маленького, но шанса.

— Зачем вам это, Екатерина Ивановна? Это ведь очень рискованно...

— Не надо, Сережа. Я это слышала уже тысячу раз, и от вас, и от вашего начальства. Но, выбирая между старостью на лавочке в парке и

полетом на Марс, что бы выбрали вы? Смогли бы отказаться? — Она по-матерински похлопала его по руке. — Когда вам будет столько же, сколько мне, вы поймете. А пока я еще только кандидат, даже не в дублирующем составе. Давайтеждемся итогов, хорошо?

— Простите, я не должен был опять вам это говорить.

— Ничего, я знаю, это ваша работа.

Лихнецкий потер ладони о брюки, словно не зная, куда себя деть.

— Вот еще что. Завтра будет объявлено, что отсеиваются пять кандидатов. Двое сами решили уйти, остальные срезались на занятиях. Оставшимся в качестве небольшого поощрения решили разрешить выбрать себе позывные. В любом случае даже те, кто не войдет в экспедицию, могут претендовать хотя бы на полет к орбитальной. Мы не разбрасываемся хорошими кадрами.

Лихнецкий ободряюще улыбнулся, извиняясь за прошлую неловкость.

— Я, как куратор, разрешаю вам выбрать позывной не из списка. Можете сейчас, можете подумать и сказать мне позже.

— Спасибо! У вас получился хороший сюрприз.

Женщина заговорщицки подмигнула и, наклонившись, шепотом продолжила:

— Я, честно говоря, уже давно думаю над ним. Хочется что-нибудь красивое.

Сергей непроизвольно, вслед за собеседницей, тоже перешел на шепот.

— Есть какие-нибудь идеи?

— Да. Мне очень нравится «Малиновка».

— Длинновато. Надо двух- или трехсложное, чтобы было удобно произносить.

Екатерина Ивановна задумалась, смешно наморщив лоб и теребя кончик носа. Но первым нашелся Лихнецкий.

— Может, «Зарянка»? Это другое название малиновки. Тоже птичье, а звучит очень хорошо.

— Согласна. — Женщина улыбнулась, сжав его руку.

— Давайте вашу карту, — Лихнецкий выпрямился и, достав из кармана маркер, записал на обложке в квадрате «Позывной». И уже в полный голос продолжил: — Поздравляю, Зарянка!

— Спасибо, товарищ куратор!

Лукаво прищурясь, женщина подняла руку к воображаемому козырьку фуражки.

— Пойдемте, у вас еще сегодня занятия. Я вас провожу.

* * *

Тоцкий подстерег Сергея, как хороший охотник, устроив засаду на выходе из столовой. Расслабленный после еды, Лихнецкий был пойман, взят под руку и съеден без соли. Все-таки не ему было тягаться в прятках с маститым академиком.

— Сергей, как вы не понимаете, это же великолепная возможность! У нас есть потрясающий кандидат, отлично мотивированный, что

немаловажно. А вы хотите пустить это дело на самотек! Нет, я решительно не понимаю ваше руководство. Ведь за космосом будущее. И рано или поздно вам придется посылать туда далеко не молодых специалистов. А медицинской базы — нет! Нужно использовать эту возможность, чтобы создать задел на будущее. Нужно хвататься за нее руками и ногами.

Низенький, круглый, как колобок, лысый Тоцкий буквально повис на руке Сергея, обволакивая его словами, внимательно следя, чтобы он не отвлекался ни на что постороннее.

— Кроме того, вы подумали, какие возможности для социальной работы у нас открываются? Когда Верховный Совет борется за вовлечение пожилого населения в активную социальную и трудовую жизнь, мы можем самым прямым образом включиться в эту инициативу и своими действиями усилить ее, развить и, можно даже сказать, возглавить. Дорогой мой, посмотрите на этот аспект, ведь отправив ее в экспедицию, мы не просто даем толчок, мы задаем новый вектор, новое дыхание этому движению. Не побоюсь этого слова, мы становимся лидерами тренда.

Тоцкого несло, слова лились из него потоком, угрожавшим смыть Лихнецкого. Но у Сергея тоже была припрятана пара тузов в рукаве.

— Все так, Михаил Аристархович, все так. Я с вами полностью согласен. — Сергей еще со студенческих времен знал по опыту общения с профессорским составом, что надо соглашаться со всем, а потом гнуть свою линию. — Но и вы нас поймите. Это огромный риск. А допол-

нительного финансирования для купирования этих рисков нам никто не даст.

— Так надо объяснить. Показать всю необходимость этого проекта, дать ответственным почувствовать всю глубину и важность нашего с вами предприятия.

— Совершенно с вами согласен. Но ведь это время. А подготовка экспедиции не потерпит таких задержек. Вы согласны со мной?

— Конечно! Именно поэтому я и говорю, что надо действовать решительно, напирать...

— Тогда, конечно, вы не откажетесь посодействовать напрямую?

— Как можно? Разве вы сомневаетесь во мне?

— Я, собственно, к этому и веду, дорогой Михаил Аристархович, ведь именно ваш институт получил финансирование по проекту медицинских микроботов? Почему бы вам не предоставить для экспедиции мобильную установку? Ведь это бы решило сразу множество проблем с оперативным диагностированием и лечением.

Тоцкий при упоминании микроботов сразу скис. Очень модная, перспективная тема. Но отдавать свое, да еще и с неясными перспективами, в чужую епархию, — это было для него слишком болезненно.

— При наличии установки микроботов в экспедиции мы можем обеспечить должный медицинский уровень контроля. И тогда утвердить кандидатуру нашей Екатерины Ивановны будет гораздо легче.

— Вы знаете, это очень сложный вопрос. Установка еще не прошла цикл испытаний, мы

не обкатывали ее в условиях невесомости. Тем более нужно будет кого-то готовить для работы с ней. Нет, я не думаю, что это возможно в столь короткий срок.

— Ну что же вы, Михаил Аристархович. Разве вы не понимаете, как это необходимо? Ведь от этого зависит успешность такого значимого проекта! Вы ведь сами говорили, как важно разъяснить глубину и ответственность за наш проект.

— Да-да, вы правы, Сергей. Но это требует дополнительного обсуждения. Я боюсь, мне необходимо провести консультации с лабораторией, проверить бюджетные возможности.

— Понимаю. Поэтому предлагаю на следующей неделе запланировать встречу и обсудить участие вашего института в экспедиции по этой линии.

Тоцкий ретировался, пообещав держать Сергея в курсе. Но у Лихнецкого были большие сомнения, что этот интриган решится столь крупно вложиться в экспедицию.

* * *

В начале зимы Лихнецкий в очередной раз пришел к начальству с докладом. Старик, мрачный и насупившийся, выслушал рапорт по добровольцам и долго молчал, листая отчет.

— А что там с прогнозом по народному голосованию? Есть предварительные результаты?

— Есть, — Лихнецкий протянул еще пару листов, — как и раньше, с большим отрывом лидирует Зарянка. Это если ее не выберут ста-

рички из Первой, а они ее выберут, без сомнений.

Старик нахмурился еще больше и уставился в потолок, вертя длинный карандаш в пальцах. Сергей ждал, привыкший за эти месяцы к мрачному настроению Старика, когда речь заходила о добровольцах.

— Слышал, наверное, Тоцкий придушил свою жабу и решил дать нам установку микроботов. Месяц пороги в министерстве обивал, требовал гарантии, что мы его допустим к медконтролю полета. Пришлось подписать с ним договор о сотрудничестве.

Лихнецкий лишь покачал головой. Чтобы интриган Тоцкий добровольно отдал установку?!

— После того как я официально при министре его спросил об этом, он мог либо отойти и не лезть совсем, либо должен был ее дать. Но он на Зарянку уже сделал большую ставку, если бы отступил, его бы свои с потрохами съели.

Старик невесело усмехнулся.

— Нам это, конечно, плюс, но разрешить Зарянке лететь... Не верю я, что она выдержит полет. Не верю, пусть хоть Тоцкий у меня голый в кабинете спляшет. А если с ней что-то случится — это будет такой удар по нам, что мы лет двадцать не отмоемся. Ни о какой третьей экспедиции, а тем более о постоянной базе с нами никто разговаривать не будет. Те, кто сейчас будет кричать «возьмите Зарянку», будут вспоминать нам ее и поливать помоями.

Михаил Григорьевич поднялся во весь немалый рост и подошел к окну.

— Выбирая между вселенским скандалом сейчас и риском нашему делу потом, что бы ты выбрал, Сергей? Нет, не отвечай. Это я начальник, и выбирать мне. Будь добр, на послезавтра собери пресс-конференцию, на два часа дня. А на двенадцать пригласи ко мне Зарянку.

Глядя на темный силуэт Старика на фоне заснеженного парка за окном, Лихнецкий был благодарен судьбе, что это не ему делать выбор. Если Старик не сможет убедить Зарянку, то этот кабинет, скорее всего, сменит хозяина.

— И еще, постарайся, чтобы Тоцкий на пресс-конференцию не попал. Как хочешь, хоть на КПП шины ему прокалывай, но чтобы духу его тут не было.

— Хорошо, Михаил Григорьевич, я все сделаю.

* * *

— Чай, кофе? — Старик был сегодня обаятелен как никогда. — Сливки? Берите печенье, свежайшее, сегодня утром взял прямо в пекарне.

Екатерина Ивановна вежливо кивнула и улыбнулась с хитринкой, глядя на большое начальство, старающееся быть галантным.

— Пожалуйста, оставьте это. Лучше переходите сразу к делу, а то я подумаю, что вы решили за мной приударить.

— Обижаете, Екатерина Ивановна. Разве я не могу поухаживать за симпатичной мне женщиной? К тому же я даже постарше вас буду, так что, не будь вы формально моей подчиненной, мог бы и приударить.

— Нехорошо, Михаил Григорьевич, напоминать женщине о ее возрасте. Тем более ваши подчиненные делают это по десять раз на день. — Она отпила из чашки, с насмешкой глядя поверх нее на Старика. — Вы ведь не за этим меня сюда пригласили. Переходите к делу, закончим с ним быстрее, чтобы я не мучила вас.

Лихнецкий, затаившийся в углу дивана, с удовольствием наблюдал разворачивающуюся сцену. Обычно прущий напролом Старик, сметающий любое сопротивление, вот уже пятнадцать минут изображал из себя соловья, поющего серенаду. Получалось плохо.

— Хорошо. — В голосе Старика прорезалась усталая хрипотца. — Зарянка, я хочу, чтобы вы выслушали меня не как доброволец, не как женщина с улицы, а как член нашей команды, всех тех, кто делает нашу космическую программу. Вы видели нашу работу, жили рядом с нами, делали наше общее дело. Я хочу, чтобы вы выслушали меня с полным пониманием ситуации. Будем предельно откровенными — да, вы можете получить место в экспедиции. Но вы просто не вернетесь из нее. Вы уже далеко не молоды, вы просто не выдержите этих колоссальных нагрузок. Да, вы долетите до Марса, возможно, даже осилите высадку. Но обратно вы не прилетите, что бы вам ни говорили.

Старик поднял руку, призывая не перебивать его.

— Возможно, вы не считаете это потерей. И вне зависимости от того, чем это закончится, хотите использовать этот шанс. Но послушайте, чем это обернется для всех нас. Это ста-

нет трагедией. Все те, кто сейчас поддерживает вас, оплюют нашу космонавтику с ног до головы. Никто не вспомнит наших предупреждений. Нас будут винить в вашей смерти, всех тех, кто помогал вам здесь, всех тех мальчишек и девчонок, что только готовятся к полетам, не разбирая, обольют грязью. И на долгие годы полеты дальше Луны будут нам закрыты. Нам просто не дадут финансирование после такого фиаско. А теперь ответьте мне — хотите ли вы для всех тех, кто помогал вам все эти месяцы, такого будущего? Отблагодарите ли вы их за доброту таким образом? — Устало опустив руки, Старик продолжил: — Я не предлагаю вам отказаться от экспедиции просто так. Мы готовы предоставить вам хорошую альтернативу — полноценную полугодовую работу на лунной базе. Через семь месяцев, через одну смену. Мы выделим вам время и средства для реализации вашей программы. Дадим столько часов эфира с Землей, сколько нужно, поможем по всем направлениям. Это хорошее предложение. Большого я вам не могу дать. Если вы не согласитесь, я официально сниму вас с программы добровольцев по состоянию здоровья, под свою ответственность. Я не могу рисковать будущим космонавтики ради одной вас.

Екатерина Ивановна, внезапно ставшая предельно серьезной, повернулась к Лихнецкому.

— Сережа, вы не могли бы нас оставить? Я хочу поговорить с Михаилом Григорьевичем с глазу на глаз.

Лихнецкий кивнул, вышел за дверь. Сел в приемной и стал ждать.

Минуты текли медленно, как тягучий и приторный кисель. Тишина раздражала. Хотелось подкрасться к двери и, припав к замочной скважине ухом, подслушать, что там происходит. Что Зарянка решила сказать Старику? Что такого секретного? Чем она будет убеждать его, чтобы он оставил ее в программе экспедиции?

Когда дверь наконец открылась, Старик позвал Сергея и попросил его провести пресс-конференцию.

— Зарянка будет выполнять свою научную программу на лунной базе. Вылет согласно плану с ближайшей сменой. Красивые формулировки придумай сам. Ну и Екатерину Ивановну подключи, пусть тоже скажет пару слов, обоснует свое решение. Если Тоцкий появится, шли его ко мне.

На лице Старика блуждало странное задумчивое выражение человека, который не понимает, выиграл он или проиграл.

* * *

Лихнецкий примчался на дачу к Старику, отгуливавшему отпуск. Развалившись в кресле-качалке на веранде, шеф пил чай из огромной кружки и, увидев Сергея, жестом запретил что-либо говорить.

— Зарянке опять запретили вылет на Землю по состоянию здоровья?

Сергей кивнул.

— Она вместе с врачами настаивает на еще одном полугодии на станции?

Не дожидаясь еще одного кивка, Старик ухмыльнулся.

— И ты приехал ко мне за санкцией вернуть ее приказом. Так? А я не дам. Пойди на кухню, налей себе чаю. И печенье возьми, сам сегодня испек.

Пока Лихнецкий гремел в доме посудой, Старик щурился на солнце и грустно улыбался, словно вспоминая что-то. Вернувшийся Сергей присел рядом на табурет.

— Ты спросишь почему? Это была часть сделки по экспедиции. Я обещал не возвращать ее приказом, если будут причины, чтобы ей задержаться еще. И я сдержу обещание, пока меня не отправили на пенсию. А дальше пусть премничек разбирается с этой оторвой. Не бойся, она там нас всех переживет. Ты еще успеешь в мое кресло взгромоздиться, а она будет там делать свои передачи для детей. Эта сволочь Тоцкий в нее столько микроботов закачивает, что на полк пенсионеров хватило бы. И будет над ее здоровьем трястись почище курицы над яйцами. Он уже раз сто пожалел, что связался с ней. — Старик довольно рассмеялся. — Говорил я ему, не лезь, нельзя в такие игры с космосом играть. Не послушался — пусть расхлебывает.

Лихнецкий тоже улыбнулся, представив взбешенного новостью об очередных шести месяцах Тоцкого.

— И ведь что удивительно. Тоцкого рано или поздно забудут. Нас с тобой еще раньше забу-

дут. А ее будут помнить. Потому что мы делали для сегодняшнего дня, а она — для завтра. Ну кто мог подумать, что шоу «Космическая бабушка» наберет такую популярность? Кто знал, что мы тридцать килограммов груза будем выделять для детских писем? И еще столько будем везти обратно, потому что она на каждое отвечает! Хоть кто-нибудь смог ей объяснить, что электронные письма гораздо дешевле? Нет, она считает, что бумажные письма гораздо важнее для детей. Как она смогла убедить главного инженера станции делать значки, чтобы отсылать с письмами? Убедила, уговорила, и он делает, не спрашивая разрешения у нас. Потому что знает — мы бы разрешили.

Старик долго молчал, глядя вдаль. Лихнецкий глотал остывающий чай, грелся на солнце и радовался, что приказ о возвращении отдавать не придется.

— Поразительная женщина. Она мне тогда сказала, что ей не к кому возвращаться на Землю. И умудрилась стать бабушкой миллионам детей. Да ее половина планеты знает, одинокую нашу. И знаешь, я ей благодарен. Эти дети вырастут и не спросят, зачем нам космос. Он для них будет как дальняя деревня, в которой живет их бабушка. Далеко, непонятно, но свое, родное. Она этим сделала больше, чем вся наша Вторая Марсианская. Налей-ка мне еще чаю, Сережа.

Они долго еще сидели на веранде, обсуждая другие дела и стараясь не касаться темы Зарянки. Но перед самым уходом Сергея Старик сказал:

— Когда мы с ней тогда договорились, она мне сказала, что ей лучше умереть там. — Старик ткнул пальцем вверх. — Она считает, что, когда человечество приходит куда-то навсегда, там обязательно появляется кладбище. Ей казалось, что, появившись оно в результате катастрофы, это будет трагедия. А если она будет первой, то это будет печально, но закономерно. И там будет только грусть, а не страдание по погибшим. Чем старше я становлюсь, тем больше ее понимаю. Не могу согласиться, но понимаю.

* * *

Из предисловия к сборнику стихов космонавта Алексея Савушкина:

«...Почти тридцать лет назад она сумела круто изменить мою судьбу. Я искал музу и вдохновение, а нашел дело всей жизни. И нет большего, что она могла бы для меня сделать. Это было для нее естественно, как дышать. Она вдохновляла нас всех. Пилоты считали прибытие в смену, когда она дежурила, знаком удачи. И правда — в ее дежурство не было ни одной аварии. Ее шоу положило начало детскому движению. Мальчики и девочки, бредящие космосом, назло едким критикам называвшие себя «Заряны», пока смешное слово не стало официальным названием. Восемь из десяти космонавтов носят на груди значки в форме маленькой птички, а оставшиеся двое стесняются, что потеряли свои. До сих пор смена на «Лунной-2» отвечает на все детские письма вручную, на бумаге. И писем не становится меньше. Она вернула детям

великую мечту стать космонавтами. Потому и везет каждый рейс на «Лунную-2» букет ее любимых ландышей. Для этого поколения Зарянка сделала космос не чужим опасным местом, а домом. Куда стоит лететь и где стоит жить. Где рядом с космопортом «Лунной-2» стоит скульптура — на скамейке сидят трое: парень Юра с открытой светлой улыбкой, немного задумчивый Нил и бабушка Катя. Сидят и встречают каждый рейс с Земли. Один полет, один шаг и одна жизнь, подарившие людям космос.

Эта книга посвящается светлой памяти твоей, Зарянка».

ИВАН РОУ

КУРЬЕР

Солнце, ослепительно страшное,
Ты насмерть поразило б меня,
Если бы во мне самом не было
такого же солнца.

(Уитмен)

Курьер

4.09.35

*вежее мясо! Отличное свежее
мясо! — так и начинается мое
утро. Каждый день, кроме пят-
ницы.*

— *Люхум аттазиджа!* — прямо под окном,
двумя этажами ниже. Еще одна издержка Двад-
цатого округа — как и аборигены, смотрящие
на тебя с таким удивлением, словно *по их ули-
цам* идет белый медведь.

* * *

ESA, в которую я так и не поступил, сделала
мне ручкой минимум на год, так что оставаться
в Париже будет просто не на что. Можно вер-
нуться в Беринген, туда репатриировались мои
родители, когда в России *начиналось*. Только о
возвращении не хотелось даже думать. С то-

ской и черной завистью обновляя список принятых на планшете, я слушал, как мой сосед по комнате празднует поступление с еще несколькими хмырями. Один из них, горбоносый и худощавый, подошел и ко мне.

— *Мигель, ронин-профи.* — Кто такой ронин, я не знал, но отрекомендовался в ответ:

— *Курт. Все завалил.*

— *Ага. Видишь меня в этом списке?* — Наклонившись над планшетом копной сальных черных волос, Мигель бесцеремонно ткнул пальцем в экран.

— ???

— *Я тоже не вижу. Четвертый раз не нахожу и в пятый не найду. Так что и ты прими это проще.*

— ...

Наверное, в тот момент я напоминал теленка, который остался один в чистом поле. Глядя на мою кислую физиономию, Мигель буквально запихнул меня за стол к своим приятелям и всучил бутылку «Кроненбурга»...

* * *

Очнулся я от того, что меня бесцеремонно окатили водой. Тело ныло так, как будто меня завязали в узел на пару суток. Откуда-то с улицы доносился запах тухлятины. Я перевернулся на спину: перед глазами расплывалось кровавое пятно — впрочем, это оказался всего лишь японский флаг, прибитый к потолку.

— *Остался от прежних жильцов,* — пояснил Мигель.

Промычав что-то невнятное, я сел, привалившись к засаленной стене.

— *Правильно понял, у тебя еще все впереди. Слушай, comrade, я так понимаю, к мамочке под крылышко тебе неохота?*

Я сумел кивнуть в знак согласия.

— *Вот что, живи у меня. За квартиру пополам будем платить, как сможешь. Пока в долг.*

Утвердительно киваю еще раз.

— *Что здесь с работой?* — Пересохшее горло скрипело как несмазанная телега.

— *Совсем pendejo? Тебе вчера говорили — устраиваешься курьером в любой магазин, и на егу тебе хватит. А там будет видно.*

После скромного завтрака (чай из несвежего пакетика и черствый батон с маслом) Мигель лег досыпать. А я — сел искать вакансии на высокую должность мальчика на побегушках...

* * *

Через пару недель в Двадцатке я сносно торговался, а через пару месяцев — мог прочитывать объявление и с горем пополам объяснить на дикой мешанине арабского и французского. Серая куртка, низко надвинутая кепка и рыжая щетина, превращавшаяся в бороду, — так на меня перестали обращать внимание. То ли я стал походить на какого-нибудь иранца, то ли просто не представлял интереса, как ничемная деталь пейзажа. Меня устраивало и то и другое.

* * *

Вот я и на месте. Осталось отдать последний заказ и идти домой, благо здесь совсем недалеко. Четвертый этаж, вторая дверь от лестницы, ноутбук и гарнитура Zelix. Получатель не указан.

— *Ассаляму алейкум!* — открывает мне дверь усатый араб.

— *Ва-алейкум, <вот ваш заказ>.*

— *<Заноси>.*

— *<Распишитесь здесь и здесь. Дополнительное вознаграждение — на ваше усмотрение>.*

— *Над произношением работать не пробовал?* — Араб сказал это по-русски, протянув ладонь размером с лопату. — *Сан Саныч.*

— *К-курт.*

— *Да ты заходи, присаживайся. Чаю будешь?*

За чаем я рассказал ему о своих нехитрых приключениях. Тот слушал, иногда спрашивая и кивая головой, как будто с чем-то сверяясь.

Когда я закончил, мой собеседник, решившись, взял быка за рога:

— *Домой возвращаться собираешься?*

— *К родителям в Германию?*

— *Домой, в Союз.*

— *Что я буду там делать?*

— *А здесь ты что делаешь?*

— *Как видите, курьерствую. На еду хватает.*

— *Вот и будешь курьером. Красной чумой торговать. Вразнос.*

В европейских новостях, официальных и не очень, советских журналистов так и называли, чумными крысами. Циничными, трусливыми и беспринципными догматиками, ненавидящими тех, кому незадорого наняты прислуживать. Мечтающими хоть тушкой, хоть чучелком, хоть индусом-уборщиком, но устроиться в русскую службу ВВС, к настоящим мастерам.

Весь вид моего собеседника настолько не вязался с этим образом, что я, не сдержавшись, прыснул со смеху. Глядя на метаморфозы моего лица, расхохотался и Сан Саныч.

Отсмеявшись, он протянул мне визитку с надписью «Центр экстремальной журналистики», дав понять, что разговор окончен.

Свежее мясо

22.08.37

Аварийная сирена не просто воеет — она продирает до самых костей. От нее хочется бежать хоть на край света, не разбирая дороги. Ее вой перекрывает только рев старшины-инструктора, что желает нам доброго утра и анальных кар посредством ствола от КПС, если мы, упаси боже, снова затормозим. Я выбегаю из казармы последним: остальное наше воинство уже построилось неровной шеренгой прямо во дворе: три отделения, по 11 человек в каждом. Учебная группа 3271, будущее русской военной журналистики, а пока — команда бабуинов, упоротые упыри и просто мясо. Свежее пушечное мясо.

Мы получаем на складе наши броники и автоматы: до огневой подготовки еще недели три,

так что нам выдают допотопные АК со снятыми бойками. Бежим в лес, к бывшей лыжной трассе: сегодня в утреннем меню пять километров по холмам и оврагам. Солнце начинает припекать, разгоняя туман: через полчаса в ЭСКАРПе будет жарко, словно в бане.

— *Запевай!*

*Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступа-а-ет!*

Сорока, сидевшая на ветке, срывается и улетает, испугавшись наших нестройных воплей.

*Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!*

Я подтягиваю, путаясь в словах. К концу песни мы как раз выходим на трассу. Из головы постепенно исчезают все мысли, остается только чувство ватных ног да автомат бьет прикладом по заднице, не давая отрубиться окончательно.

Красная пыль

16.09.40

Киплинг прав: в аду нет ни тьмы, ни жаровен, ни чертей. Достаточно одной пыли. Красная пыль была везде: она скрипела на зубах, забивалась в любую щель и намертво въедалась в одежду. После первых же километров грунтовки мой «уазик» из белого становился светлокирпичным. Ничего не поделаешь, сухой сезон. Добро пожаловать в Африку.

До Солвези, ближайшего зачатка цивилизации, оставалось еще шестьдесят километров. Мне надлежало получить на складе бухту опто-

кабеля, а в госпитале — новую канистру спирта. На добрый медицинский спирт у негров можно выменять что угодно, от интервью до живой курицы, и мы этим нагло пользуемся.

Я проезжаю мимо остовов тридцатитонных TEREХов, застывших на краю карьера, как мертвые киты. Мимо экскаватора, бессильно склонившего шею в земном поклоне равнодушному богу. Подождите, родные, мы доберемся и до вас. А пока ребята из геологоразведки решили «потыкать веточкой» шахту Лумвана, очень надеюсь успеть до дождей.

А я каждые три-четыре дня глотаю пыль, подменяя водителя: тот поймал особо злобную дизентерию и улетел в Кабве на санитарном автожире. Добрался что кум королю: для «Мухи» нет ни колдобин, ни пыли, ни даже воздушных ям. Я кручу баранку, слушаю урчание дизеля и радуюсь, что у меня машина с мягким верхом, наезжая на очередную кочку. До Солвези еще больше часа...

* * *

Госпиталь Советского Красного Креста стоял на отшибе, рядом с маленькой рощицей. Двухэтажная коробка основного блока да флигель-полусфера, где врачи оставались ночевать, если некогда было ехать домой. Дальше шли облупившиеся лачуги, огороды, а за ними, насколько видел глаз, тянулась красно-рыжая степь, поросшая засохшей травой и кустами. Нераспаханный африканский буш.

Доктор Роговский, исправно пополнявший наши запасы, укатил в Лусаку, готовить курсы для местных санитаров. «Зайдите к Ире», — вот и все, что он успел нам отписать.

Экран со списком персонала, как и в любой советской больнице, висел на первом этаже, сразу напротив входа. Ирина Волынина, фельдшер-ассистент, кабинет 202. Имя было подсвечено красным, но я не обратил на это внимания.

Я поднялся на второй этаж, нашел нужную дверь и постучал. Примерно через полминуты мне открыла девушка, закутанная, словно му-мий. Между колпаком и маской виднелись только пара зеленых глаз да вопросительно поднятые брови.

— *Прошу прощения, видимо, я не вовремя.*

— *Мы скоро закончим, подождите внизу.*

Ира вышла минут через пятнадцать. Вместо операционной робы, заляпанной красным и желтым, на ней был белый халат, застегнутый на все пуговицы, несмотря на жару.

— *Курт Ланге. Для своих — просто Курт.*

— *Ира. Для своих, — она покосилась на очередь к регистратуре, — Ирина Алексеевна. Чем обязаны?*

— *Ребята с Лумваны прислали за новой порцией. Дядя Костя сказал зайти к тебе.*

— *Племяннички... Недавно же приходили? Вы им что, машины заправляете?*

— ...

— *Приходи к восьми сегодня, как у меня смена кончится. Сейчас не до того, извини. От нас и так половину народа забрали. Я теперь assi-*

★ *стирую, Сашка пробирки крутит — так и живем.*

— *Много больных?*

— *А то не видно. Только за утро две ампуляции, ладно хоть чистые. Привозят поздно, никакой ингибитор не поможет.*

— *Главное, они будут жить?*

— *Жить будут. Знать бы еще, на что жить...*

— *Проживут, с нашей помощью. — Мне хотелось хоть чем-то ее ободрить.*

— ...

— *Что-то ты совсем загрустила. Вечером сделаю тебе маленький сюрприз в честь приятного знакомства.*

— *Господи, у нас и так каждый день одни сюрпризы. Каждый второй с букетом, каждый пятый вообще на позитиве. — Холодное личико скривилось, словно от зубной боли. — Что задумал?*

— *Такую девушку сам бог велел пригласить в кино. В этих краях есть неплохой кинозал, о котором не все знают. — По субботам зал закрывался, но за сходную цену Мозес-механик дал бы мне ключи: русским здесь верили на слово.*

— *Там же по-английски?*

— *Специально для тебя сегодняшний фильм будет на русском. — Я попытался изобразить самую обаятельную улыбку, какую только мог.*

— *Веди, кавалер. Если не понравится — ничего вам больше не дадим. — Она нервно усмехнулась, но, одернув себя, снова насупилась и пошла обратно к лестнице.*

* * *

Мы сидели в центре крошечного зала и смотрели «Апельсиновый день». Если утром она была снежной королевой, то теперь корка льда как будто растаяла. Халат заменило разноцветное платье, а волосы, раньше стянутые медицинской резинкой, рассыпались по ее плечам. Под конец фильма она взяла меня за руку, а потом — положила голову мне на плечо и... тихо заснула. Выключив проектор, я осторожно перенес ее на диван, стоящий сзади кресел, и укрыл курткой, а сам — достал из машины свернутый матрас и плюхнулся рядом, прямо на полу.

* * *

Что-то случилось — это я понял, еще подъезжая к бому. На взлетке, развернув винты кверху, стояли два наших К-16, а съезд на трассу преграждал усиленный пост полиции. Из сбивчивой тарабарщины полицейских я смог понять только «хоспитал».

Главный корпус стоял на своем месте, но от полусферы жилого блока осталась только передняя стенка: из белой с красным крестом она стала желто-бурой. Бельмо выбитого окна смотрело на рожицу, откуда и прилетела термобарическая смерть. На парковой скамейке сидел Роговский — почему-то без своей шляпы. На мой вопрос об Ире он молча протянул мне фляжку. Я пил из нее, и мир становился се-

рым, как будто кто-то выкрутил насыщенность в ноль.

Через пару минут ко мне подошел солдат из оцепления: он вырвал у меня фотоаппарат и с каким-то остервенением стал снимать, обходя площадку крутами. А потом мир выключился. Остался только запах солярки и жженого пластика, в котором мне чудилась вонь паленого мяса.

Интерлюдия

За полученные материалы, в том числе фотографии того солдата, меня наградили премией Полевого. Второй степени. Я слушал речи ребят, которых награждали вместе со мной, — умные, искренние, попадающие в тему — и прокручивал в уме свою. Назвали и мое имя. Я пожал руку главреду СовНов'а, взял конверт с сертификатами и подошел к микрофону. В этот момент любые слова показались мне лишними. В конце концов, это всего лишь слова.

— Спасибо. — Я развернулся и прошагал на свое место.

* * *

— Тебя в RedChan приглашают. Пойдешь?

— Мое место там, в Африке. Север для меня вреден.

— Нам всем место в Африке. — Эту фразу я не понял, но переспрашивать не хотелось. — Надоест разъезжать или остепениться решишь — дай знать. Хомут найдется, была бы шея.

* * *

С тех пор я так и не остепенился: сменилось целое поколение, а я продолжал ездить в командировки. А в перерывах — учить щеглов из новых наборов своей нехитрой науке.

Наверное, мы неплохо делали свое дело, если в сороковом году ОКНШ разразился Актом о защите медиапространства. Печально известным MSPA, что превращал «журналистов вероятного противника в зоне боевых действий» (то есть нас) в цели более высокого приоритета, чем собственно «враждебные элементы». Акт снова и снова объявляли фальшивкой, а мы снова и снова испытывали фальшивку на себе.

Впрочем, MSPA только подтвердил сложившуюся практику: за нас взялись всерьез еще в начале 38-го. А года с 39-го вместо надписи PRESS мы могли рисовать на бронежилетах мишень — разницы не было никакой. В «Double Helix» показывали, как советские террористы из Spetsnaz маскируются под советских же репортеров — в реальности было строго наоборот. Мы работали под солдат, техников, гражданских и бог знает кого еще — вплоть до торговца оружием или муллы-шиита. Многие выдавали себя за сотрудников Reuters и CNN. Или мучились с чудовищными гиросtabilизированными телевиками, прячась за километры от цели.

Ночь

4.07.62

Вот и сбылась мечта идиота. Старого упрямого идиота. Физнормативы сданы, наземный инструктаж пройден, визы — получены. Я шел

к метро, ощупывая в кармане новенький шлюзовой пропуск. Завтрашним утром мне предстоит вылет из Воропаева на объект Л5, он же — станция «Север», перевалочная база доброй половины марсианских грузов. Там нас подберет «Капитан Колесников».

Я шел через пустеющий парк, вращая головой по сторонам, как будто стараясь наглядеться. Отец тащил домой отчаянно сопротивляющихся детей, заигравшихся в оборону Момбасы, сделанной из десятка картонных коробок. На дальней скамейке лопухий матрос обнимал свою подружку, покрасневшую так, что это было заметно даже в сумерках, при свете фонаря. Впереди меня возвращались со спектакля в «Бревнах» несколько студентов да женщина лет сорока. Ветер доносил обрывки их разговоров.

— ...ставь ИнСис, там хоть исходники посмотришь, хрен с ней, с поддержкой...

— ...Веня, мальчик мой, ты свою тетку сегодня в театр пригласил или на ChipInfo ваше проклятое?..

— ...я говорю: девушки, разрешите к вам подсоединиться. А одна мне и отвечает: только через ICR, и в режиме slave...

Навстречу — почти никого, только перед самым входом в метро я встретил троих крепких ребят в одинаковых брезентовых куртках. Бритые черепа и окладистые бородищи, не хуже моей собственной, выдавали в них коммунаров, причем старой школы, уважающих традиции. У одного из них борода почти сливалась с лицом от характерного северного загара. Трои-

ца растворилась в людском потоке раньше, чем я успел разобрать эмблему на их нашивках.

Когда-то таким был и я. Что же, по крайней мере, у нас будет неплохая замена...

Из трех десятков молодых балбесов нашей группы в живых осталось пятеро. Пятеро старых битых псов. Остальные большей частью в бессрочной командировке от Катанги до горючих песков Тобрука, пропитанных пролитой нефтью пополам с пролитой кровью.

Пятеро стариков: Казакевич, Проценко, Вася Рахманов да мы с Бахтадзе — он и рекомендовал меня на Марс штатным корреспондентом. Я так и не узнал, что «дядя Гиви» написал Персову, известному своей нелюбовью ко всем «дармоедам с зеркалками», если мне не только проставили открытую дату убытия, но и взяли на *грузовой рейс* вместо третьего экспедитора. Видимо, наша с Гиви репутация чего-то стоит не только среди профи.

* * *

Когда я добрался домой, было уже далеко за полночь.

Рюкзак, перешитый из десантного, стоял в углу. В нем лежали старенький Nikon E50I, обычный «полтинник», только в индустриальном исполнении, да набор объективов: ЛОМО нынче не уступает даже Карлу Цейссу.

Все вещи убраны или выброшены. Рабочий стол, обычно заваленный бумагами, стерильно чист, только на краю сиротливо улыбается небольшая фотография. Черно-белая фотогра-

фия. Зеленые глаза на ней кажутся серыми, а темно-каштановые волосы — угольно-черными. Я запер ее в сейф и вышел на балкон.

Луна только что зашла, и звездное небо на горизонте сливалось с ночными огнями земли. Я смотрел в темноту, и мне казалось, что оттуда на меня ободряюще смотрят мои друзья: все, и мертвые, и живые. Смотрел, видя там и ее добрый взгляд.

Наверное, где-то далеко-далеко, за гранью расползшейся во все стороны ночи, в стороне от всех городов, она машет мне на прощанье рукой.

О ГВОЗДЯХ И ОШИБКАХ ВТОРОГО РОДА

Лжеггинс слег утром. То есть еще ночью, наверное. Раст не знал точно, сам он всю ночь проспал как убитый, даже снилось что-то такое из модных реконструкций пренатальных ощущений, какой-то липкий аэрозоль со всех сторон. Или он сквозь сон продолжал чувствовать кожей вязкий тропический воздух, влажный, как кошачий язык.

Разбудила его пощечина Эммельсент и, похоже, не первая. У Эммельсент хватало сил злиться, значит, чувствовала она себя неплохо, уж точно лучше бедняги Джеггинса. Раст толкнул его в плечо раз, другой, позвал, но без особой надежды — с такими сизыми кругами под глазами и цианотичными пальцами не встают даже в кинобоевиках.

Эммельсент снова говорила что-то об «этом проклятом колодце», пока Гарсиа не велел ей заткнуться, и еще немного после и была, конечно, права. Говорят, женщины переносят анемию легче. А Раст был виноват, кругом виноват. Надо же было так облажаться перед самым уходом. Как это только вышло...

★ — Поработал Джеггинс качественно, вырубил все, что было у них с собой и могло принимать и подавать сигнал больше чем на десять миль. Отсидеться необнаруженными позволило бы только это, никакой программный блок из тех, что Раст мог в такой спешке устроить, не был достаточно надежен. Ни против вгрызающейся в здешние кимберлиты «Хоум Ги Лтд». Ни против прощупывающей чужие разработки в электронике на алмазных подложках «Мэриголд Тек».

Софт-взломщиком Раст был хорошим, не выдающимся, но хорошим, а командиром — не очень-то. По-настоящему командиром его считал только Джеггинс, тот никогда не позволял себе обсуждать приказы, хотя и мог бы: офлайн-друзья детства как-никак, редкость ведь, и потом годы удаленной работы бок о бок и дюжина тихих, беспроblemных европейских миссий вдвоем. Долгожданное повышение — и где они теперь? Джеггинс в отключке с лихорадкой, а Раст без связи и плана действий с двумя недовольными агентами-боевиками в подчинении. В темноте душного леса, где во все стороны (и вверх) — одинаковые корявые влажные стволы, ползучие лианы и кусачие твари.

Нет, твари, конечно, разные. И Эммельсент была не вторым боевиком, а психоманипулятором, просто характер у нее был невыносимый, а Раста она ненавидела настолько, что вместо политкорректного «софт-взломщик» употребляла устаревшее ругательство «хакер» всегда, когда он мог услышать.

Китайцы, говорят, еще хуже русских. Может, они уже обнаружили утечку из хранилища. Может, ждут у ближайшей дороги (где она, Раст в любом случае не знал). Может, прочесывают и бездорожье.

Зато про «Мэриголд» всем все было известно точно. Что они сделают, если передача данных все же не удалась. Что сделают, если получат претензии от «Хоум Ги».

Все о'кей, предусмотренные контрактом риски. У Лу Джеггинса были старики в Оклахоме, и отцу, славному мистеру Джеггинсу, нужна регенерационная квота. У мрачного здоровяка Гарсиа — восемь сестер в бразильской дыре, в пластиковой фавеле. У Эммельсент, наверное, тоже кто-то был, Раст иногда думал, что дети. А у самого Раста просто не было мозгов. По крайней мере, если верить Эммельсент.

Раст копался в железе несколько часов. Без толку. Ничего, кроме слабых SOS-сигналов физиорегистратора с браслета Джеггинса. По всему выходило, что надо идти наудачу, и как можно скорее. А тех, кто идти не может, — бросить, иначе они все сдохнут в этом чертовом лесу. По всему выходило, что Джеггинса надо бросить, и Раст ничего не мог сделать для него напоследок — даже пакетов с физраствором не осталось. Он не хотел дожидаться, пока кто-нибудь (Эммельсент, конечно) скажет это вслух.

Когда Гарсиа выдернул из его уха микронаушник и ткнул пальцем куда-то в сторону просеки, Раст в тысячный раз вспоминал, как по-

обещал мистеру Джеггинсу приглядеть за Лу: как всегда, как обычно, беспечно пообещал после пирога с яблочным джемом, слегка отдающим машинным маслом...

Раста мутило от приближающегося гула мотора и треска веток, от мысли о перестрелке и напряженного ожидания. Вчерашняя лихорадка, похоже, снова давала о себе знать. Когда стало действительно громко, Гарсиа поднял пистолет, а Раст сразу два: свой и тот, что на всякий случай незаметно вытащил у Эммельсент. Что бы это ни было, уничтожать это стоило только в самом крайнем случае. Обезвредить, изучить, использовать, вдруг это шанс. Или нет, стрелять сразу, опередить? Если бы знать, если бы только знать...

— Стоять! — крикнул Раст, выходя из зарослей.

Гость остановился. Это был не поисковый патруль, а всего лишь один человек на заляпанном грязью квадроцикле. Молодая загорелая женщина, одетая в костюм химзащиты, больше похожий на исследовательский, чем на военный. Она тяжело дышала, приоткрыв рот, и показывала Расту свои поднятые ладони.

— Я не представляю угрозы. Вам нечего опасаться. Я знаю, что вам требуется помощь.

У нее был мягкий, правильный английский с канадской протяжностью, какой бывает у выпускников дальневосточных обменных программ. Раст был знаком с парой таких, стажир-

ровавшихся в «Мэриголд», загоняли они его за два месяца работы по-советски.

«Я не представляю угрозы», кто вообще так говорит? Уж точно не люди.

— Кто такая?

Она постучала двумя пальцами по громоздкому смартбраслету на предплечье, Раст навел сканер своего на непонятные крючки на голографическом экране и прочитал в окне автоматического переводчика «Лидия А. Смирнова, специалист, Всесоюзный ресурсный центр инженерной микробиологии» и длинный адрес с «областями» и «отделениями».

— Вашему товарищу нужна помощь, не так ли? По дороге я поймала сигнал с его физиорегистраторного блока. — Специалист Смирнова смотрела не на них и их пушки, а на Джеггинса.

Заставить ее вытащить их отсюда, вот что нужно.

Эммельсент шагнула вперед, не дожидаясь приказа.

— Мы не просили о помощи.

— Верно. Но он отказаться уже не может. А через пару суток и вы не сможете.

— Пропустим разговор об альтруизме?

— Пропустим. Все люди сестры. — Смирнова протянула руку, и Эммельсент, помедлив, крепко пожала открытую ладонь. Они улыбнулись друг другу по-деловому, одновременно равнодушно и понимающе. Как умеют люди, привыкшие делать вид, что все в порядке, когда вокруг постоянно какой-то трэш, вроде медсестер из гнойной хирургии (этой метафорой с Растом потом поделился Гарсиа, который го-

ворил редко, но иногда неожиданно поэтично). Наверное, у Эммельсент действительно были дети. Или дело было в победившем феминизме.

Гарсиа опустил пистолет молча.

— Командир отряда я, — все-таки сказал Раст.

— У тебя руки заняты, — ответила Смирнова как-то так, что он не разозлился, как ни старался.

Где уж тут тратить силы на злость.

Смирнова подошла к Джеггинсу, опустилась на одно колено, коснулась бледного лба, слабо вздымающейся груди и потянулась к физиорегистратору.

— Могу я спросить, что случилось с вами? — спросила она, не отрываясь от экрана.

Хороший вопрос. С промышленным шпионажем в Союзе наверняка строго, как и со всем остальным.

— Мы... мы журналисты, — выдал Раст.

Черт. Вот же черт.

Эммельсент закашлялась и ядовито добавила:

— Да, делаем специальный репортаж об алмазных шахтах.

Специалиста Смирнову этот фарс не заинтересовал.

— Я имею в виду физиохронику. Приступы лихорадки, высокий билирубин, признаки анемии?

Эммельсент и Гарсиа мрачно переглянулись, а Раст сразу кивнул, подумав, что это может по-

мочь Джеггинсу. Выглядел он, похоже, недостаточно невозмутимо, потому что объяснять Смирнова стала именно ему:

— У вашего товарища алгидная малярия, причем я почти уверена, что это парафальцепа-рум.

Из-за спины Раст услышал глухое ругательство Эммельсент. Держать пистолет стало чертовски тяжело, пальцы как будто ослабели и сами разжимались. Ругаться почему-то не хотелось, хотелось сесть рядом с Джеггинсом и опустить голову. И завывать, может быть. И пусть они все как-нибудь сами, без него.

— Если успеем добраться до нашего лагеря к ночи, я смогу ему помочь. И вам. Сделаем тесты, подберем лекарства, — спокойно продолжила Смирнова, быстро оглядела всех троих, потом разбросанные по земле вещи, что-то прикидывая в уме. — Должны успеть.

Раст посмотрел на Эммельсент.

— У вас там есть синтетический артеми-зин? — резко спросила она.

— Есть, хотя вашему товарищу не будет от него пользы. Но у нас есть противомаларийная сыворотка.

Эммельсент вцепилась в русскую напряженным взглядом.

— И что же вы, собственно, делаете там? В вашем лагере?

— Тестируем противомаларийную сыворотку, — терпеливо ответила Смирнова. Как будто это, черт возьми, должно быть очевидно.

Эммельсент больно ткнула его в бок, когда забирала свой ствол. Раст промолчал и быстро набрал ей сообщение.

> *[Характеристика?]*

Она закатила глаза и ответила, не раздумывая.

> *[Думаю, у них действительно гуманитарная миссия. И оружия у нее нет.]*

> *[Она из Союза. И без оружия нас всех перебьет.]*

> *[Хочешь сдохнуть тут, хакер, — подыхай один.]*

Кто бы сомневался.

Укладывая аппаратуру, Раст тихо спросил у Гарсиа, каковы шансы, что русская работает на китайцев, но тот только поморщился и сказал, что, когда у твоей родины такие цепкие лапы, ни к чему утруждать себя поисками другой корпорации, которой можно продаться в рабство. Только если замешано что-то личное.

Специалист Смирнова с ее расправленными плечами и голубыми глазами была как с видеоплаката, и у Раста не хватало воображения представить какое-нибудь ее «личное».

— Это легко представить. Все важные идеи хороши для детских книжек. Когда можешь — протяни руку и отдавай, не жалея. Когда попадешь в беду — позови, и тебе ответят сотни голосов, поддержат сотни рук.

Часть вещей Джегтинса пришлось все-таки повесить на Смирнову, а петлю веревочных носилок она привязала к багажнику своего дран-

дулета. Сзади носилки, конечно, нес Раст, и он старался не смотреть вниз, на фиксирующие ремни и автоматические капельницы из советского полевого кита. Он не мог позволить себе отстать, как Эммельсент и Гарсиа, поэтому приходилось не только подстраиваться под темп, но и говорить.

Хотя, если честно, молчать ему сейчас было страшно и тяжело, а от незнакомого голоса становилось легче поверить, что скоро все кончится.

— Одновременно самая естественная вещь и большая работа для ума, рук и сердца. Хотя последнее, строго говоря, тоже работа ума. Эмоционального интеллекта.

Немного не то, что ожидаешь услышать, когда спрашиваешь о социализме.

Те двое стажеров, которых Расту пришлось курировать, когда он был еще начинающим технишеном, любили, взламывая какую-нибудь защиту в четыре руки, поболтать. Особенно о политике, используя свои неестественно вежливые и книжные для устного английского конструкции. Раст был уверен, что это распространенное хобби в Союзе, но Смирнова отвечала довольно пространно и без особого удовольствия, не то что о своем паразитологическом настоящем.

— Ты тоже это знаешь, командир Раст. Все знают. Вещи вроде этой нетрудно знать, а вот сделать..

— Невозможно, — буркнул Раст.

— ...труднее.

— О'кей. От других строителей я слышал, что социализм требует предельно инженерного подхода, и эмоции только мешают.

— Да, звучит тоже неплохо, — согласилась Смирнова. — Трудно однозначно ошибиться, говоря о таком. Социализм — для всех, иначе бы он так не назывался.

Ноги вязли то в хрустящем, то в топком. Легкие будто наполнял раз за разом мерзкий теплый йогурт. Раст больше не оглядывался и иногда не слышал почти ничего, кроме громахания собственной крови в висках. Но как только голос стихал, спрашивал снова.

— Когда у тебя есть настроение лечь куда-нибудь костями, командир Раст, ты идешь к нейропсихологу, потому что это корректируется. А когда у меня — я иду на работу, потому что это нормальное рабочее настроение.

— Разве использовать такое — правильно?

— А разве лечить — правильно?

Стало светлее. Ад, в котором Раст провел последние несколько дней, сменялся терпимым африканским редколесьем, где ботинкам легче найти надежную опору, а глазу — приятный далекий ориентир. И никакой засады. Может, Эммельсент и была права, она ведь все-таки профи.

— О'кей, но то, что ты делаешь, все равно очень подозрительно.

— Разве ты не сделал бы так же, командир Раст?

Конечно, Раст не сделал бы, но сейчас это почему-то невозможно было сказать, хотя нет в

этом ничего постыдного, обычное человеческое благоразумие.

— Ты уже сделал.

Смирнова оглянулась через плечо на Джеггинса. Раст посмотрел на прилипшие к виску светлые волосы, на тонкие губы в трещинах и оставил ее с ее неправильным ответом.

Между рядами тентов и пластиковых вагонов, похожих на мусорные контейнеры, стояли местные. Совсем местные, черные в китайских синтетических тряпках, целая толпа собралась. Оружие было даже у голых по пояс и у детей.

— Мне это тоже не нравится, но в обход идти очень долго, — сказала Смирнова.

Она шла впереди, обвешанная сумками, а Раст и Гарсиа несли Джеггинса, стараясь не отставать от нее больше чем на пять шагов. Эмбельсент держалась еще ближе.

Деревня, больше похожая на лагерь беженцев, лежала как раз между двумя минными полями — одно осталось после второй гражданской войны, другое после третьей. Тут полно таких мест. Оставалось надеяться на то, что Смирнова знает, что делает. Похоже, она знала. По крайней мере, никто в них не целился. Раст вспоминал ее рассказ про сыворотку, чтобы отвлечься от следящих за каждым их шагом жутких глаз.

От третьей волны малярии, устойчивой к артемизину, здесь вымерло много деревень. Она распознала отсюда по миру, до самого юга Союза. Молодой вид-возбудитель, плазмодиум па-

рафальцепарум, агрессивный паразит крови. Об этом мерзком и немыслимом существе Смирнова говорила почти с восхищением и целой кучей непонятных терминов. Прикончить его, не добив ослабленного пациента, или хотя бы обезвредить, — этого еще никому не удавалось. Советская сыворотка была на самом деле не сывороткой, а «гиперпаразитарной системой», живым коктейлем из клеток крови, зараженных плазмодиумом, который был заражен другими паразитами, микроспоридиями. Над ними инженеры-микробиологи постарались так, что честнее было называть их не ГМ-организмами, а просто искусственными. Сыворотка превращала любого пациента с вызванной парафальцепарумом малярией в бессимптомного элитного контролера. Здесь, в естественном центре происхождения возбудителей, Смирнова проверяла ее на носителях редких генотипов — и заодно спасала вот такие деревни.

Насколько Раст смог понять, разработка должна была дойти до потребителей лет через десять, а автору принести кучу денег. Но Смирнова сказала, что для клинической практики сыворотка будет доступна в следующем году. И метод после окончания проверок будет подробно описан в открытом источнике. Открытом. Который все могут читать бесплатно.

Эта часть рассказа была сложной для понимания и без латинских слов. Отношение к инфособственности в Союзе удивляло едва ли не больше, чем гостеприимство местных аборигенов.

— Мы знали, что с этим поселением будут проблемы, они мало кого впускают — и отпускают. Но получилось... у них сложное смешение анимизма, карго-культа и христианства, а тут мы с сывороткой. Они решили, что я какая-то их фольклорная иштар или... Мы пытались объяснить и не поссориться, но... это нелегко.

Голос Смирновой звучал виновато, как будто в этой невероятной истории она допустила подлость и пыталась оправдаться.

Иногда кто-нибудь поднимал руки и произносил длинное слово из многих похожих слов, но с места не двигался. Раст покосился на браслет и прочитал в окне перевода «дочь неба с исцеляющей кровью». Чушь какая. Наверное, он просто бредит, а потом проснется в лесу от очередной пощечины Эммельсент.

Черт, не может быть, чтобы чья-то реальность выглядела так.

Так Раст и сказал, только пару выразительных слов добавил. Гарсиа усмехнулся и заявил, что для людей, все еще занятых выбором богов, выбор на редкость удачный.

Теперь они шли молча до тех пор, пока не увидели купол.

Внутри все было заставлено ящиками, термостатическими контейнерами и медицинскими приборами да висело несколько голографических экранов. Как все это собиралось, когда полевую станцию приходилось перемещать, Раст не знал. Разве что с гамаками было понят-

но, их цепляли к каркасу свода и использовали для сна и хранения вещей.

Смирнова задержалась у входа, выпутываясь из своего костюма. Раст только сейчас заметил, что анатомическая параметризация у него подправлена любителем: без амортизирующих прокладок оператор стер бы локти в кровь.

Он думал о том, что с советских биологов случилось бы просто одолжить какой-нибудь прототип у знакомых разработчиков безо всяких тендеров. И тут вскрикнула Эммельсент.

Раст обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть тень высокого человека с ножом, яркие злые глаза, но сделать ничего не успел — Смирнова тут же оказалась между ними и выставила вперед полусогнутые руки.

— Тихо, тихо, Илюша. У нас гости, видишь? Настоящие, ты их не пугай, им и так досталось. Ты чего встал? Глаз захотелось кому-нибудь выколоть?

Она немного не доставала великану до плеча.

— Это правда ты?

— Ну проверь. Стала бы я тебе мерещиться. Как будто мы наяву мало времени вместе проводим.

Острые уперлось ей в грудь чуть выше кромки безрукавки, где были отчетливо видны ребра. Смирнова не шелохнулась.

— Ты их тоже видишь? — недоверчиво спросил великан, глядя прямо на Раста, но уже скорее с недоумением, чем с яростью.

— Да, уже пять часов вижу. — Смирнова аккуратно вынула нож из его сжатой ладони и по-

вертела в руках. — Интересно, как бы это могло, будь они галлюцинациями.

Великан пробормотал что-то по-русски и почесал затылок. Теперь он выглядел пристыженным, и Раст смог, наконец, нормально выдохнуть.

— Представься, Илюшенька, сделай свет ярче над парой зон и говори, пожалуйста, по-английски. Нашим гостям нужны лекарства и ужин, — строго сказала ему Смирнова.

— Смирнов, иммунолог, — буркнул великан, едва глянув на «гостей», тут же переключился на напарницу. — Дай-ка угадаю. Из-за них пришлось сделать крюк на обратном пути?

— Пришлось, — спокойно кивнула та.

— Ты и так сколько на ногах, послала бы сообщение ребятам Дзе, пусть бы они выбралишний раз.

— Им дальше. Да и... не важно. Лучше я. Мы уже здесь, все в порядке.

— Давай в программу уже это внесем, Лидок. Тебе каждую вторую вылазку «приходится».

— Сигнал SOS от личного физиорегистратора. Там человек умирал. Товарищ.

Смирнов хотел, видимо, сказать ей что-то еще, но раздраженно вздохнул и отошел. Волосы у него тоже были светло-русые, а смарт-браслет на руке такой же громоздкий, советской сборки. Шагал русский осторожно, время от времени опираясь на какой-нибудь холодильник или ящик. Смирнова отвернулась как ни в чем не бывало, а Раст подумал, что сам бы ни за что не женился на таком андроиде, ни за какие голубые глаза.

— Что это было? — хрипло спросила Эммельсент, пока Раст и Гарсиа укладывали Джеггинса в гамак.

— Простите. Это случайность, уверяю вас. Илюша очень добродушный, просто у нас редко бывают такие гости, он и растерялся. И мы неудачно его разбудили и...

Смирнова неловко улыбнулась и снова отвернулась к лабораторному планшету, пристроенному прямо на крышке выключенной центрифуги. Пробирки с кровью стояли в штативе рядом, прямо на полу.

— Он недавно перенес геморрагическую лихорадку. Он всегда так, как будто коллекционирует их, только в поле — и здравствуй, редкий вирус. Осталось еще немного неврологических последствий. Вирусная нагрузка уже неопределяемая, вы не волнуйтесь.

Конечно, какая мелочь. О чем тут волноваться?

— А когда была высокая, — не сводя с нее взгляда, спросила Эммельсент, — ты все равно сидела здесь с ним одна?

Смирнова пожала плечами, не оборачиваясь.

— И ваших экстренных аптек хватает на такое?

— Хватает. Если брать из двух, — с нажимом ответила Смирнова.

Из двух, значит. Если бы Раст застрял в центральной Африке с единственным напарником, а потом пришлось бы смотреть, как тот погибает от болезни, которую и лечить-то лет пять как научились, считать ампулы противовирус-

ного в чужой личной аптечке, потом в своей... что ж, он тоже не особенно хотел бы потом о таком говорить. Определенно не хотел бы.

— Так и есть. Каждому по две дозы сыворотки. Внутривенно, вторую через полчаса. Справитесь сами? Шприцы возьмите там. Мне нужно заняться вашим товарищем, — сказала Смирнова уже гораздо бодрее, закончив с тестами. Эммельсент взяла из ее рук пачку мелких ампул.

Смирнова сидела, запрокинув голову и вытянув ноги, ее и Джеггинса связывали гибкие бурые трубки, с разных сторон подключенные к какому-то медицинскому прибору советской сборки. Аппарат для фильтрации крови, вот же черт.

— При массированном поражении надежнее всего переливание эритроцитарной массы от иммунного человека, это работает гораздо быстрее. — Смирнова дышала спокойно и глубоко, а Раста заметила не сразу. — Не волнуйся, командир. Я уже так делала, не раз.

Иммунного человека. Раст просто не мог поверить своим ушам, но тут вспомнил про «настроение лечь костями» и про собственные советские стандарты тестирования препаратов.

— Вы испытывали ее на себе. Заражали себя малярией и испытывали сыворотку с тем вторым паразитом! — просипел Раст, с ужасом глядя на нее, на маленькую, невозмутимую Смирнову с худыми исколотыми руками, кото-

рая «уже делала это не раз» и сейчас спокойно улыбалась ему.

— Только один, этого достаточно для предварительного заключения. Мы вместе решали. Тянули зубочистки для молекулярного клонирования.

По ее мнению, это должно было звучать успокаивающе. Что такого, ну кто из лабораторных работяг так не делает, если представится возможность? Раст даже не знал, что ответить.

— А потом оказалось, что она жульничала. Если бы не надо было наблюдать ее для эксперимента, я месяц бы с ней не разговаривал, — громко отозвался Смирнов. Он был в другом конце купола, гремел какой-то посудой, но разговор, видимо, все равно слышал.

— Потому что я универсальный донор. А у него Настенька и близнецы, — тихо сказала Смирнова и закрыла глаза. — Хотя не товарищески вышло, конечно.

— У нас о Союзе говорят кучу ужасных вещей, и все не те. — Раст пошел прочь, но успел услышать в ответ что-то о том, что людей больше трогают новости о бедах братьев по виду, чем об их удачах, и это эволюционно обусловлено.

Устроившись в гамаке, Раст настроил ближний перехват, и это заняло непривычно много времени, потому что у него кружилась голова и снова поднималась температура.

Защиту данных он не смотрел, сразу влез в личную переписку, прокрутил последние со-

общения. К черту профессиональные перспективы, в первую очередь надо понять, когда советские фрики собираются их прикончить или сдать, и соберутся ли, если узнают поближе.

> *[Этот хмырь нам не товарищ!]*

> *[Ты не можешь решать, кто мне товарищ.]*

> *[Мы тут сделаем, может, дело всей своей жизни, и ты рискуешь? Ради кучки бандитов, Лугок!]*

> *[Я делаю дело своей жизни прямо сейчас.]*

> *[Но они все-таки бандиты.]*

Черт.

> *[Журналисты.]*

> *[Журналисты? Серьезно?]*

> *[Не все хорошо врут во время приступа лихорадки. Нечего издеваться.]*

Хотя вряд ли стоило надеяться. Эти ребята, похоже, нашли способ справиться с третьей волной малярии, где уж тут...

> *[Это я издеваюсь? Я?]*

> *[Не могла же я их там оставить.]*

> *[Запросто.]*

> *[Начнешь выбирать — не кончишь.]*

> *[Ты не можешь не выбирать. И не можешь выбрать путь без ошибок.]*

> *[Ты выбираешь, каких ошибок бояться больше.]*

Какая-то переписка Энгельса с Гагариным. Люди не выбирают, чего бояться, как считал Раст, но для роботоподобной Смирновой это имело смысл.

★ *> [Пересчитаем запасы? Растянем еще на месяц, ерунда. Собираешься сцедить литр крови, а потом два дня не есть?]*

> [Справимся. И не литр. Ты посидишь сейчас немного и сам поймешь, что по-другому никак.]

Смирнов, похоже, не очень-то и старался ее переубедить. Вряд ли такой разговор у них впервые. Раст устало закрыл глаза и спрятал планшет, так и не заглянув в архивы. Хватит с него советской науки.

За ужином Эммельсент быстро взяла Смирнова в оборот. Он говорил с обычным отрывистым русским акцентом, но зато по-человечески, а сам и в самом деле оказался добродушным. Раст решил даже, что он рад возможности поболтать с кем-то, кроме Смирновой и малограмотных местных пациентов, и его вполне можно было понять.

Сама Смирнова уже выпила залпом белковый коктейль и вырубилась в гамаке, даже не сняв ботинок.

Еще оказалось, что они не женаты и не родственники, а просто однофамильцы и бывшие однокурсники. Когда разговор дошел до домыслов на этот счет, Смирнов так захохотал, что расплескал чуть ли не четверть содержимого своей кружки. А потом достал личный планшет и показал мувы. Их было всего пять в «последних просмотренных», и легко было представить, как он пролистывает их перед сном или за чаем. Вот Смирнов и Смирнова в зимних комбинезо-

нах, замотанные шарфами до самых глаз, стоят и машут, вокруг все белое и яркое, на снегу какие-то сумки и ящики. Вот, опираясь друг на друга, сидят с ногами на подоконнике в забитом людьми конференц-зале, оба в жутких растянутых свитерах и джинсах, у нее за ухом стилус.

Вот в лаборатории в слабом свете от экранов Смирнова с нечеловеческой скоростью щелкает дозатором у стола, Смирнов спит на стуле, запрокинув голову, оба в бледных медицинских робах и масках. Вот они втроем с красивой рыжеволосой девушкой в белом, улыбаются, Смирнов в пиджаке и аккуратно подстрижен, у Смирновой на шее голубой платок, а волосы собраны в смешные хвостики. Вот Смирнов держит на руках двух беленьких мальчишек лет трех, красивая рыжеволосая девушка в летнем платье прислоняется к его плечу, они стоят босиком на траве в каком-то парке.

Эммельсент долго смотрела последний и улыбалась так, что была совершенно на себя не похожа.

Раст глотнул чаю, щедро заправленного очень сладким концентрированным молоком, и спросил, часто ли в лагере бывают гости.

Смирнов ответил, что изредка приходят местные за помощью, но как-то даже исламские партизаны заглядывали, обошлось, хотя этим еще сложнее что-то втолковать, чем сектантам из лунда.

Черт. Черт, сколько эти двое здесь проторчали и как вообще еще живы?

Несмотря на предостерегающий взгляд Эммельсент, Раст все-таки сказал, что с такими

происшествиями экспедицию должны были свернуть досрочно. И тогда выяснилось, что вся запланированная работа была закончена к сроку, но в процессе сбора данных обнаружились какие-то там антигенные паттерны, которые неплохо бы изучить подробнее. То есть план планом, а экспедицию решено было продлить, чтобы закончить работу «по совести». «По инициативе участников».

— И ты согласился?! Два лишних месяца здесь без семьи? И потом, когда заболел? — выпалил Раст.

— Да я-то что. Мои знают и не сказать, что сильно удивились, — усмехнулся Смирнов и добавил тише, — а вот Лидок пропустила отборочный в космический проект.

Он посмотрел на Расти с сомнением — способен ли тот оценить масштаб жертвы. Раст представил себе Смирнову с горестно приподнятыми бровями, несчастную и уверенную в своей правоте (в его воображении она говорила что-то вроде «сначала обязательства, а потом мечты», сжимала кулаки и отворачивалась), и сочувственно покивал.

— Она очень хотела, — подтвердил Смирнов со вздохом. — И знаешь, пригодилась бы им там, не сомневаюсь. Сколько бы ни оставалось не сделанных дел на Земле, а красные пески — это красные пески, ничто с ними не сравнится.

Он замолчал. Сам Смирнов казался человеком вполне земным, почти нормальным и вроде бы даже жаловался на нестигаемую соседку по куполу и лабораторному столу, но все же

понимал это стремление куда лучше, чем Раст. Здешних песков мало им — надо, чтобы еще и дышать нельзя было.

— И она всегда так? Смирнова. Она всегда такая?

— Коммунарка. Воспитывалась в коммуне. Они там все неприспособленные к жизни. — В голосе Смирнова звучало раздражение, с каким говорят только об очень любимых людях (это, само собой, Раст бы без помощи метафор Гарсиа так точно не подметил). Потом он, видимо, устыдившись, быстро добавил, не глядя на Раста: — С такими бывает тяжело, когда все благополучно, по плану и без перегрузок, но как только подцепишь марбургвирус, многое отдашь за то, чтобы рядом оказался кто-то такой. А то, знаешь, девятнадцать килобаз всего — и столько проблем.

— Есть на кого смотреть с надеждой, — сказал Гарсиа и замолчал снова.

А Раст подумал, что глубоко личное тоже может выглядеть как геополитическое заявление.

Прежде чем закрыть глаза, Раст влез в личную переписку еще раз. Смирновы выпили чаю вместе и разбирали новые образцы, включив все голографические экраны. Они обсуждали много специального, видимо, связанного с этими же образцами, потом идею неинвазивной нейрорегенерации профессора Солевой, а потом почему-то новый владивостокский планетарий. Как будто ничего выдающегося за день не случилось.

Во сне Раст шел босиком по красному песку, пахнущему как кофе с молоком, которым его в детстве угощала миссис Джеггинс всякий раз, как он заглядывал в гости. Рядом шел Лу в клетчатой рубашке, как обычно взлохмаченный, с трехдневной рыжей щетиной, и говорил, что Раст может не возвращаться домой, может переночевать у них сегодня и завтра, пока дома все не утрясется.

Ноги казались легкими. Раст обернулся на ходу и увидел, что позади у огромного стеклянного купола стоят, держась за руки, Смирновы и машут ему вслед — загорелые, русоволосые, в белых летних комбинезонах.

— И ты можешь ничего не рассказывать, если не хочешь, Стиви. Я не буду спрашивать. Я же твой друг, — сказал Лу. — Мы же друзья. Стиви?

Голос его стал вдруг слабым и хриплым. Раст открыл глаза и сел. Он, кажется, почти не дышал, пока выбирался из гамака, чтобы взглянуть на Джеггинса.

— Стиви? Стиви, сколько я спал? Ты прости меня, я все сейчас почию. Разбудил бы меня раньше, чего не разбудил...

— Отдохни еще, Лу, — сдавленно проговорил Раст, сжимая его теплые пальцы. — Все хорошо. Честно, все хорошо, все о'кей, сюда никто не сунется. Расскажу тебе потом, ты не поверишь, Лу.

В горле было горько, и Раст посмотрел в сторону на всякий случай, хотя Джеггинс уже послушно закрыл глаза.

Смирновы спали в своих гамаках на спине, раскинув руки, и их ладони соприкасались в воздухе, маленькая женская и широкая мужская.

Снова Раст проснулся от шума машин снаружи и криков, чего-то похожего на арабский с привизгами и сел, услышав длинное русское ругательство.

Смирнова уже босиком брела к выходу из купола, кажется, даже не открывая глаз.

— У них могут быть раненные, — пробормотала она, цепляясь за крепление гамака Раста, чтобы удержать равновесие.

Но пушки у них будут точно. Много пушек. И это могут быть наемники — за ними. Вот черт.

Смирнов снова выругался, уже короче, и поднялся следом. После первого же шага он тяжело оперся рукой на термобокс, но не остановился и уже по-английски пробормотал что-то вроде «начнется сейчас, женщины не вещи, люди не товар, еле отвязались в прошлый раз».

Мысли в голове у Раста быстро вспыхивали и гасли, в такт частым ударам сердца. Надо сидеть тихо и не упустить шанс вовремя смотаться, если что, хоть на этот-то раз, вот и все, какая еще благодарность, не этим же фрикам, сами справятся, а если нет... Ничего постыдного, обычное человеческое благоразумие.

Только увидев рядом хмурого Гарсиа с пистолетом, Раст окончательно понял, что сам стоит на ногах и почти успел догнать этих двоих. И откуда это взялось в нем? Или всегда где-то

было? Железные опилки вперемешку с древесной трухой, как в старых сказках миссис Джеггинс. И угораздило ведь его наткнуться на такой магнит.

Следующий вдох получился глубоким, почти спокойным, и сердце уже не колотилось так бешено.

О'кей. Всего один раз. Там ведь могут быть раненые. Можешь — протяни руку.

МИХАИЛ САВЕЛИЧЕВ

ПОД СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЙ

Как меня прозвали Почемучкиной

едя сказал, что вначале нужно рассказать о себе. Меня зовут Софья Почемучкина. То есть зовут по-настоящему Софья. Почемучкиной меня прозвала мама. Когда я была совсем маленькой, постоянно ее спрашивала:

«Почему?»

Мама говорила, что это первое слово, которое я сказала. Другие дети говорят «мама», а я — «почему». А когда я научилась ползать, а потом ходить, то задавала этот вопрос всем, кого встречу. Маме говорят:

— Ой, какая у вас хорошая девочка! Как ее зовут?

А я говорю:

— Почему?

Мама говорит:

— Ее зовут Софья.

А я говорю:

— Почему?

Мама мне отвечает:

— Тебя папа так назвал. В честь знаменитой ученой.

А я опять:

— Почему?

И мама начинает снова и снова рассказывать об ученой, в честь которой меня назвали.

А я твержу:

— Почему?

Других слов ведь пока не выучила.

И только когда выросла, стала большой и мне исполнилось пять лет, мне подарили Федю. На все мои «почему?» у него есть ответ. Почти на все. Поэтому когда он чего-то не знает, я все равно спрашиваю:

— Почему ты не знаешь?

Такая вот я Почемучкина.

Как я ловила космонавтиков

Когда я была еще совсем маленькой, то думала, что в ракете живут космонавтики. Ракета — как настоящая. Очень похожая на те, которые летают в космос. На Луну, на другие планеты. Она стоит на полке рядом со столом, за которым работает мама. И я подумала: когда мама там сидит, космонавтики за ней подглядывают. Точно так же, как я. Накроюсь одеялом с головой, сделаю дырочку и смотрю.

Космонавтикам одеялом не надо покрываться. Они подглядывают сквозь иллюминаторы. Стекло в иллюминаторах темное, внутрь не заглянешь. А изнутри все должно быть видно.

И мне очень захотелось с ними поиграть. Мне и с ракетой хотелось поиграть, но мама строго-настрого запретила ее трогать. Я расплакалась, но это не помогло. Вообще-то я никогда

не плачу. Только если мне очень-очень чего-то хочется. Но мама все равно сказала, что ракета — не игрушка. Она сказала, что я ее могу сломать.

Космонавтики должны любить сладкое. Поэтому я тайком оставляла рядом с ракетой кусочки шоколадок. А сама забиралась в кровать, накрывалась с головой и делала вид, что сплю. Только я не спала, а наблюдала в дырочку. Ждала, когда откроется люк и оттуда выпрыгнут космонавтики. Они должны быть в таких же крошечных скафандрах. Конечно, на Земле скафандры им не очень нужны. Но они же — космонавтики. Поэтому должны носить их не снимая. Для тренировки.

Федя говорил, что никаких космонавтиков в ракете нет. Я пыталась приспособить Федю ловить космонавтиков, но он отключался раньше, чем засыпала я. Такой у него режим, говорила мама. И у меня должен быть режим, говорила она мне, когда замечала, что я не сплю, а смотрю в щелочку. Она думала, я на нее смотрю, а я не говорила, что слежу за ракетой.

И я все-таки увидела космонавтиков! Мама заснула прямо за столом. У нее иногда так бывает. А в это время люк ракеты распахнулся, и оттуда по выдвижной лесенке спустились три космонавтика в белых скафандрах. Они подошли к оставленному мною кусочку шоколадки, подхватили его и потащили к ракете. Тащить было трудно. Шоколадка выскальзывала у них из рук. Мне захотелось встать и помочь. Но я не хотела их испугать. Им, наверное, надоело питаться из тюбиков. Шоколад — другое дело.

Но самое трудное для них оказалось затащить его по лесенке. К тому же он начал таить, и космонавтики перепачкались. Но все же у них получилось. Шоколадка скрылась в люке, лесенка поднялась, люк захлопнулся. И только крошечные следы остались на столе. Шоколадные следы.

А ночью мне приснилось, что космонавтики стали большими-пребольшими, гораздо больше меня. И один из них взял меня на руки и долго носил по комнате, и качал, и напевал песенку, будто убаюкивал меня. Вот смешной! И мне захотелось, чтобы это не было сном. Очень-очень захотелось. А космонавтик сказал:

— Мы скоро улетаем на Марс, премудрость божия.

А я сказала:

— Я не премудрость. Не улетай без меня. И без мамы. Возьми нас с собой на Марс.

— Я и сам не хочу без вас улетать, — грустно сказал космонавт. — Надо многое исправить. Но ты мне должна помочь.

— Как? — спросила я.

А он улыбнулся и сказал что-то. Но я уже спала.

Как я ходила на океан

Федя говорил:

— Выходить из купола нельзя.

И мама говорила:

— Не выходи из купола, простудишься. И включай на курточке электроподогрев.

Но я не люблю подогрев. Будто тебя в одеяло закутали. Колочее. Все чешется. И в купо-

ле не люблю сидеть. Потому что плохо видно океан. Внутри тепло и зелень — кусты, деревья, трава.

Но снаружи — интереснее. Федя говорит, там одни камни. Земля Санникова недавно из океана поднялась, деревьев на ней нет. Но меня не деревья интересуют. Однажды я видела белого медведя. Он прошел рядом с куполом. Посмотрел на нас с Федей. А потом дальше пошел. К океану.

На входе в купол — дверь. Шлюзом называется. Чтобы выйти, нужно набрать нужные цифры. Но я с цифрами дружу. Я знаю, что нужно нажимать. Я запомнила, когда мама брала меня в обсерваторию. Поэтому сделала так, как делала мама, и шлюз открылся.

— Туда нельзя, — сказал Федя.

— Ну и не ходи, — сказала я. Просто так сказала, потому что знала — он все равно за мной пойдет. Как привязанный. Потому что должен идти.

На тропинке среди камней стоял указатель.

«Обсерватория — 1 км

Океан — 500 м

Москва — 5000 км»

В обсерваторию мне не нужно. Я там была. Вон белые купола светятся, на шарики от пинг-понга похожи. Но они только отсюда маленькими кажутся, а на самом деле — огромные. Еще дальше — такой же огромный купол абэвэгэдэйкиных. Арктическая Береговая Войсковая Группа. А сокращенно — АБВГ. Поэтому — абэвэгэдэйкины. Их так все называют. Но они не обижаются. Понимают — это в шутку.

До берега недолго идти. Только холодно. Я прибавляла, прибавляла подогрев, но ветер под куртку забирался и кусал. Но я терпела. По сторонам смотрела. Вдруг медведь покажется? Нет, я медведя не боялась. Со мной ведь Федя.

На берегу много интересного. Но самое интересное — корабли. Вереницы кораблей.

— Северный морской путь, — сказал Федя. Будто я не знала! Но у него обязанность такая — все мне объяснять. Даже то, что знаю. «Повторенье — мать ученья», так любит говорить мама. — Глобальное потепление позволяет использовать этот путь круглый год. Раньше навигация длилась всего лишь несколько месяцев.

Мы стояли и смотрели на корабли. Они плыли далеко от нас, но было понятно, какие они огромные. Много кораблей. Я даже про холод забыла. Только от солнышка щурилась. Потому что очки не взяла. Над нашим островом всегда солнышко светит. Вокруг по горизонту все облака, а над нами их нет. Будто кто-то окошко прорезал. Федя говорит, что это называется «погодная аномалия». Место в Арктике у нас такое — круглый год то солнце, то звезды. И нет никакой непогоды. Ни штормов, ни метелей.

Потом я набрала красивых камешков, и мы пошли домой в купол.

И тут нас встретил медведь. Он стоял посреди тропинки и смотрел на нас. Белый. Огромный. Я остановилась и тоже стала на него смотреть. Я не испугалась. И Федя не испугался, только ко мне прижался.

— Привет, мишка, — вежливо сказала я.

Мишка кивнул. Нос у него зашевелился.

А потом рядом кто-то сказал:

— Девочка, не бойся. Сейчас мы его уберем.

— Не надо его убирать, он сам уйдет, — и шагаю к нему, к медведю то есть.

— Софья, стой! — Я не удивилась, что они меня знают. Я ведь один ребенок на острове. — Не ходи! Мы в тебя можем попасть!

А я все равно не слушаю, иду. Подошла к медведю, протянула руку с камешками. Он понюхал, смешно поморщился. Повернулся и ушел.

А меня схватили в охапку солдаты и к куполу бегом понесли. А Федя рядом бежал и подпрыгивал высоко. Будто мне в лицо хотел заглянуть.

Как мы поехали путешествовать

— Ребенку нужны свежие фрукты, — сказала мама дяде Вале. Валя работает с мамой в обсерватории. Он большой и толстый. Фруктов он не ест, а ест хлеб с колбасой. — И еще ребенку нужно южное солнце.

— Вы же ходите на облучение?

Облучение — это когда заводят в комнату, раздевают до трусиков, заставляют надевать темные очки и включают специальную лампу. От лампы плохо пахнет, но от нее другая польза. В организме витамины вырабатываются.

— Облучение, — хмыкнула мама. — Ребенку нужны свежие фрукты и настоящее солнце. И сверстники. Чтобы кругом толпы мальчишек и девчонок. Тогда она не будет убегать с белыми медведями играть.

— А как же экспериментальная программа? Этот отпуск в Госкомитете зубами выгрызать придется...

— Ты же сам говорил, что у нас незаменимых нет?

— Ладно. Одного незаменимого всегда можно двумя заменимыми заменить. Или тремя. К тому же, если Софье такие сны снятся, какие она тебе рассказывает, — Валя понизил голос, — то как я могу вам отказать? В Госкомитете тоже люди сидят, понимают, что так будет правильно. Как на плакате.

И показывает, где плакат висит — красная кремлевская звезда ярко светит, а под ней карапуз улыбается. Раньше, когда я была совсем маленькая, то думала, что этот карапуз — я. Но мама объяснила, что плакат очень старый. Его давным-давно сделали. И надпись на нем: «Родился под счастливой звездой».

Вечером мама сказала:

— Все, мы едем в отпуск.

— Ура! — закричала я. — И Федю в отпуск возьмем?

Мама посмотрела на Федю.

— Не оставлять же его здесь, — сказала мама. И стала собирать чемодан. А я стала собирать рюкзак.

Как мы сели на дирижабль

Когда мы все собрали, мама надела на Федю ошейник и дала мне поводок.

— Зачем ошейник? — спросила я. Феде ошейник не понравился.

— Мы полетим на дирижабле, — сказала мама. — Он может испугать пассажиров.

— Я никого не буду пугать, — сказал Федя, но мама сказала, что наденет еще и намордник, и нам пришлось согласиться на ошейник.

— Готовы? — спросил Валя. — Тогда поехали. Места для вас я заказал. Полетите с демобилизованными.

— А кто такие демобилизованные? — спросила я.

— Это солдаты из АБВГ, которые отслужили на нашем острове и теперь возвращаются домой.

— Значит, мы тоже демобилизованные, — сказала я, и Валя рассмеялся.

— Софья зрит в корень! — крикнул он сквозь шум двигателя, и мы поехали.

Мы ехали на вездеходе на воздушной подушке. Я не люблю на таких вездеходах ездить. Меня укачивает. И очень шумит. Поэтому Валя кричит еще сильнее. Но мы ведь ехали в отпуск, можно и потерпеть.

— Смотри, смотри! — опять крикнул Валя. — Наша обсерватория! А потом:

— Смотри, причал!

Около причала стояла большая подводная лодка.

— Новый стратег!

А потом мы остановились перед воротами. К нам подошел офицер.

— Куда направляетесь? — строго спросил он.

— В отпуск! — крикнула я.

— В отпуск — это хорошо, — сказал офицер. — Ваши документы.

— Будто нас не знаете, — обиженно сказал Валя и протянул ему карточку.

— Знаем, товарищ директор САО, но так полагается при спецрежиме.

— А что такое спецрежим? — спросила я. А мама меня ущипнула.

— Это когда у нас стратегический ракетосец швартуется, — сказал Валя. — Так, товарищ офицер?

— Проезжайте, — сказал офицер. И ничего не ответил Вале. Потому что — военная тайна. Так мне Федя объяснил.

А потом мы выехали на ровное поле, и мама сказала:

— Вот и аэродром.

Валя сказал:

— Вот ваш дирижабль.

— Где? Где? — закричала я, а потом увидела.

Он похож на огромное белое облако. Внизу у облака кабина.

— Новая серия, — сказал Валя. — Полетите с комфортом.

— На самолете было бы быстрее, — сказала мама.

— Зато весь Севморпуть как на ладони, — сказал Валя. — Софье понравится. Так, Софья?

— Так, — сказала я. Мне уже нравилось. И не терпелось забраться в кабину дирижабля.

Валя помог вытащить наши вещи. Мы встали в конец очереди. Но солдат перед нами сказал:

— Проходите вперед, товарищи.

Мама не соглашалась, но остальные солдаты стали наперебой уговаривать пройти и сесть в дирижабль без очереди. Потому что мама с ребенком, то есть со мной. И еще с Федей.

Когда маму все же уговорили, мы подошли к лесенке. Там стояла строгая тетя в синей форме. Бортпроводник. Она проверяет у всех билеты. Хотя если у тебя билета нет, ты бы в очередь не встал. Разве не так?

— Ваш билет, пожалуйста, — сказала она.

— Корзина, картина, картонка и маленькая собачонка, — сказал Валя.

— Собака привита? — спросила бортпроводник.

— А что такое привита? — спросила я Федю.

— У вас девочка с собакой разговаривает, — сказала бортпроводник.

— Это не собака, — засмеялась мама.

— Добро пожаловать на борт, — строго сказала бортпроводник.

И мы поднялись по лесенке. Внутри нас встретил еще один бортпроводник и проводил к нашим местам. Кресла оказались такими большими, что я залезла с ногами.

— Если девочка захочет спать, то можно разложить в кровать, — сказал бортпроводник. — Одеяло и подушку я вам принесу.

— Не захочу спать, — сказала я. — Я буду смотреть в иллюминатор!

— Устроились? — сказал Валя. — Ну, тогда я пошел. Счастливого полета!

Он помахал нам рукой и уехал.

Скоро мы полетели.

Как мы летели на дирижабле

Я смотрела в иллюминатор. Наш остров стал совсем крошечным, а потом исчез, осталось только море. Мне стало скучно, и я пошла гулять.

— Ты куда? — спросила мама.

— Гулять, — сказала я. — Можно?

— Только осторожно, — сказала мама.

И я пошла. Много мест было свободных, садись где хочешь.

— Куда вы летите? — спросила я у демобилизованных солдат.

— Наша служба закончилась, — сказал солдат. — Теперь мы все летим домой.

— А где ваш дом? — спросила я.

— У меня в Твери, — сказал солдат. — Я поступлю в университет и буду учиться на учителя математики.

— А у меня — в Алма-Ате, — сказал другой солдат. — Я тоже поступлю в университет и буду учиться на агронома. У нас знаешь сколько земли пахотной?

— Не знаю, — сказала я.

— Приезжай, увидишь, — сказал солдат из Алма-Аты.

Третий солдат ткнул пальцем в иллюминатор:

— Смотри! Грузовой тримаран!

И все стали смотреть. И меня пустили посмотреть на крошечный кораблик, похожий на букву Ж. За ним тянулась тонкая белая линия.

— Я на таком хочу плавать, — сказал солдат. — Буду поступать в Мурманскую мореходку. Знаешь, какая у него скорость?

— Не знаю, — сказала я. А Феде рядом не было. Поэтому спросить я не могла.

— Большая! — Солдат головой покрутил. — Хорошая сегодня видимость, и облака разошлись. Сколько раз грузы сопровождал, а первый раз все так хорошо вижу. Повезло. Ты посмотри, как много кораблей!

Внизу появились крошечные корабли. Они двигались в противоположные стороны.

— Ой, какая девочка! — сказала девушка в форме. — Пойдем к нам! Мы тебя угостим.

Девушки тоже были демобилизованными. Но в иллюминатор они не смотрели. Они смотрели в зеркальца и красились. Мама очень редко красилась. А девушки красились, и мне было интересно на них смотреть.

— Как же я соскучилась по макияжу, — сказала девушка, что привела меня к их столику.

Другая засмеялась:

— Ты же сама нам запрещала краситься, товарищ лейтенант!

— На службе не положено, — сказала лейтенант. — Вот ты, девочка, красишься?

— Нет, — сказала я. — Мама говорит, я и так красивая.

И девушки засмеялись опять.

Как я вступила в общество чистых тарелок

Я смотрела, как девушки красились, а потом меня позвала мама. Меня ждал стюард в белой форме, перед ним стоял ящик на колесиках.

— Что будете кушать? — спросил стюард.

— Мороженое, — сказала я.

— Куриный суп и макароны с котлетой, — сказала мама. — Мороженое дают только тем, кто все съест. Правильно, товарищ стюард?

Стюард сказал:

— Точно так, уважаемые пассажиры. По строгому распоряжению капитана нашего судна десерт полагается только членам общества чистых тарелок.

— А что это за общество такое? — спросила я.

— Как! — всплеснул руками стюард. — Вы даже не слышали о таком обществе? Его основал Владимир Ильич Ленин специально для детей Советского Союза. Только тот, кто все съедает со своих тарелок, имеет право вступить в него.

— Мама, и ты была членом общества чистых тарелок? — спросила я.

— Я и сейчас в нем состою, — сказала мама. — Давай ешь. Спасибо вам, товарищ стюард.

— Когда все съешь, я приду и проверю, а потом напишешь заявление на вступление в общество. — Стюард подмигнул.

Вообще-то я суп не люблю. Поэтому я даже на тарелку не смотрела. Смотрела в окно, на

воду, чтобы не видеть, как много еще супа осталось.

А потом я увидела остров.

— Мама, мы уже прилетели? — спросила я.

— Нет, но уже недолго, — сказала мама. — Это платформа Буровая. Искусственный остров. Здесь бурят дно океана и добывают нефть. Видишь, сколько вышек торчит? И корабли.

Я ела суп, потом макароны с котлетой и разглядывала Буровую. Вокруг нее столпились корабли. Федя сказал, что они называются сверхтанкерами. Это огромные корабли, которые развозят нефть по всему миру. Я стала считать, но сбилась. Слишком много сверхтанкеров. И они не стояли на месте, а двигались.

А потом стюард принес мороженое и листок бумаги, чтобы я написала заявление о вступлении в общество чистых тарелок. Я написала.

— Надо же, — стюард покачал головой, — ни одной ошибки, товарищ Софья. Кто тебя так красиво научил писать? Мама, наверное?

— Я сама научилась, — сказала я. — Мне мама книжку по чистописанию дала, я и научилась.

— Неужели? — Стюард посмотрел на маму.

— Сама, сама научилась, — сказала мама.

— Тогда с еще большим удовольствием принимаю вас в наши ряды, — и написал что-то на бумаге.

Я прочитала: «Надо принять».

Как мы прилетели в Арктанию

Я заснула. А проснулась оттого, что мама меня будила.

— Просыпайся, засоня! Мы подлетаем.

И я стала смотреть в иллюминатор. Океана не видно. Видна земля. И город. Точно такой, как по стереовизору показывают. И на картинках. И не такой, как наш поселок. Купола в городе гораздо больше, чем у нас. И они не круглые, гладкие, а будто из кусочков составлены. Федя сказал, что так специально сделано. Для крепости.

Мне сначала показалось, что они зеленые, ну то есть стекло куполов. А они оказались прозрачными. Вся зелень — внутри. Много зелени. Целый лес. И трава. И еще дороги. По ним люди ходят, машины ездят. Не такие, как у нас, а на колесах.

— Это Арктания, — сказала мама. — Столица Арктики. Здесь зоопарк есть.

— Хочу в зоопарк! — сказала я.

А мама сказала:

— Обязательно сходим. Поселимся в гостинице и сразу пойдем. А потом поедем дальше.

— Опять на дирижабле? — спросила я.

— Нет. На поезде. Видишь? — показала мама.

Сначала я не поняла, куда она показывает, а потом увидела, что от города в разные стороны расходятся тонкие нитки. Будто кто-то их привязал и натянул. А по ниткам двигаются длинные гусеницы. Ну то есть не живые, конечно, а металлические.

— Вот на таком и поедem, — сказала мама. — Вмиг домчимся.

На аэродроме было много дирижаблей. Разного размера. Наш — почти самый маленький. А мне он казался огромным! Федя сказал, что это потому, что наш дирижабль обслуживает местные линии. А есть такие, которые летают в другие страны. И грузы перевозят.

Оказалось, что из нашего дирижабля даже выходить не надо. Садись в лифт и спускаешься. А там — аэропорт. И много людей. Я столько людей сразу никогда не видела. Поэтому одной рукой за маму схватилась, а другой за Федю. Чтобы не потеряться.

Людей было так много, что они сидели не только в креслах, но и на полу. Многие играли на гитарах и пели. Я остановилась послушать. Пели про яростный стройотряд. Но я не успела дослушать до конца и понять, почему стройотряд такой яростный. Мама потянула меня дальше. Она сказала, что это те, кто специально приехал осваивать Арктику. Когда она была в их возрасте, они ездили на целину и строительство каналов по переброске сибирских рек в южные пустыни. А теперь все едут на север.

Как мы ехали в зоопарк

— Добро пожаловать, — сказала нам девушка в гостинице. — По любому вопросу обращайтесь ко мне.

— Спасибо, — сказала мама.

Но ничего не спросила. А у меня целая куча вопросов. И я спросила:

— Где зоопарк?

— Здесь близко, — сказала девушка. — На первом маршруте монорельса до конечной станции. Купол шесть-Б. И оденьтесь потеплее, зоопарк находится на открытом воздухе.

— А почему на открытом воздухе? — спросила я.

— Чтобы животным просторно было, — сказала девушка.

— А какие там животные? — спросила я.

— Сама увидишь. — Мама взяла меня за руку, и мы пошли в нашу квартиру, которая называлась номером. Наверное, из-за номера на двери — 139.

Там оказалась ванная. Такая большая, что в ней можно плавать. Я попробовала, но только воду разлила. Плавать я пока не умею. Федя сказал, что этому легко научиться. Я обязательно научусь. Я хотела помыть и Федю, но мама сказала, что не надо. Он и так чистый. А вода может его повредить.

Потом мы пошли в зоопарк. Монорельс — это такая проволока, протянутая по всему городу. И к ней подвешены вагончики. Проволока высоко над землей и над деревьями. И никому не мешает. Поэтому люди ходят по земле пешком. А если нужно далеко или быстро, то садятся на монорельс. Так мама объяснила.

Я стала смотреть на город.

Как много людей! Еще больше, чем в аэропорту. Я всем махала рукой. А потом вагончик остановился.

— Конечная станция. Зоопарк, — сказал водитель вагончика. — Спасибо, что воспользовались услугами нашего монорельса.

— Спасибо! — крикнула я, а мама сказала, что кричать не надо, потому что водитель — робот, а не человек. А я сказала, что спасибо надо говорить всем, даже роботам. И вообще, надо, чтобы они стали как люди. Чтобы радовались, когда им говорят спасибо, и огорчались, когда ничего не говорят. А мама сказала:

— Таких роботов еще изобрести надо.

И я ответила:

— Когда стану совсем большой, обязательно изобрету.

Как я смотрела мамонтов

На входе продавали билеты. Мама купила билет себе.

— И мне билет! — закричала я.

— Для маленьких вход бесплатный, — сказала билетерша.

— Я не маленькая, — сказала я. Но мама взяла меня за руку, и мы пошли туда, где всем давали теплые куртки. Куртки специальные — когда нужно, они издают неслышимый сигнал, чтобы животные близко не подходили.

— Где мамонты? Где мамонты? — спрашивала мама у всех. Но мне было интересно и на других животных посмотреть. Которых я живыми еще не видела. Только по стерео.

Там были козы. Были коровы. Лошади. И олени. Их можно было покормить. Рядом с

ними ходило мало людей. Наверное, все хотели посмотреть мамонтов. А мне и здесь интересно.

— Можешь сесть на него, — сказал человек, который кормил оленей.

— Что вы говорите, товарищ! — сказала мама. — Разве так можно?

— Можно, — сказал человек, подхватил меня под руки и посадил на оленя. Олень повернул голову и посмотрел на меня.

— Издалека приехали? — сказал человек.

— Земля Санникова, — сказала мама.

— Понятно, — сказал человек. — Ребенок домашних животных не видел.

Он взял меня за руку и показал всех домашних животных. И птиц показал, которые по загончику ходили и клевали.

А потом мы пошли к мамонтам. Для этого пришлось выйти из купола. Дверей не было, только горячий воздух из отверстий дул.

По большому полю, покрытому густой травой почти в мой рост, ходили мамонты. И носороги. И все они покрыты длинной шерстью. Они оказались вблизи такими огромными, что я прижалась покрепче к маме.

— Не бойся, милая, — мама засмеялась. — Они нас не тронут.

А я и не боялась, что тронут. А вот наступить могут. Вон они какие огромные! Рядом с ними даже мама выглядит крошечной.

К нам подошел экскурсовод и стал рассказывать, что мамонты и носороги давным-давно вымерли. Но ученые нашли их живые клетки и вырастили заново. И пустили здесь пастись. А раньше здесь только олени паслись.

А я спросила:

— А можно так же восстановить динозавров? А неандертальцев?

Но экскурсовод сказал, что ни динозавров, ни неандертальцев восстановить нельзя.

Надо в этом хорошенько разобраться, решила я.

Как мы сели на поезд

Я очень хотела спать, но мама сказала:

— У нас поезд. Вставай, засоня!

— Счастливого пути, — сказала девушка, которой мама отдала ключ от номера. — Приезжайте еще.

— Приедем! — сказала мама.

И опять мы поехали по монорельсовой дороге. Туда, куда мы прилетели на дирижабле. Потому что это — транспортный узел. Не такой, который на веревке завязывают. А такой, где собирается много дорог.

Когда мы туда приехали, мне уже совсем не хотелось спать. Но люди, которые там были, спали. Кто-то в креслах, кто-то на полу. Между ними ездили роботы-уборщики. Роботы были похожи на цыплят, каких я видела в зоопарке, только больших и железных. Они пищали, объезжали спящих и собирали мусор.

Мы подошли к нашему вагону. Там стояла бортпроводница и проверяла билеты. А рядом с ней стоял солдат. И держал на поводке собаку. И еще автомат у него был.

— До Новосибирска? — спросила бортпроводница, проверяя билеты.

— Почему до Новосибирска? — удивилась мама.

— У вас так в билетах указано.

Мама взяла билеты и проверила.

— Странно, это ошибка... Я брала до Красноярска... Какой-то сбой при заказе, сейчас сбегаю, поменяю.

— Вы не успеете, — покачала головой бортпроводница. — Но билет можно переоформить в дороге. Я попрошу начальника поезда к вам подойти.

— Не надо беспокоиться, — сказала мама. — Новосибирск так Новосибирск. Нам и Новосибирск подойдет. Да, Почемучкина?

— С собакой в купе нельзя, — сказала бортпроводник. — Вам нужно разместить ее в специальном отделении.

— Это не собака, — сказала мама. — Посмотрите, на нее даже овчарка не реагирует.

— Овчарка дрессированная, — сказала бортпроводник. — Она только на опасные вещи реагирует. А ваша собака не опасна. Но ей все равно в купе нельзя.

— Это не собака, — объяснила я. — Это Федя. Он всегда со мной.

А потом мама объяснила. И нас впустили всех вместе.

Как мы ехали в поезде

Я думала, внутри поезда как в дирижабле. Но там оказалось все по-другому. Был коридор и двери. Двери раздвигались, и за ними были комнаты. С кроватями. Одна над другой. И с

креслом. А еще была комната с умывальником. И маленький столик. На столике стоял чайник и лежали разноцветные коробки.

— Вот и наше купе, — сказала мама. — Спать будешь внизу. Чтобы не упасть.

— Я хочу спать наверху, — сказала я. — Оттуда лучше видно.

Мама засмеялась.

— Когда спишь, в окно не смотришь. А днем можешь там сидеть. Только осторожнее.

Пока я думала, как мне залезть наверх, мама откинула небольшую лесенку.

— Забирайся, а я пока вещи разложу.

— А что мы будем кушать?

— Чай можно попить. — Мама показала на коробки. — А потом что-нибудь придумаем. В ресторан сходим.

— Ресторан? — В ресторане я никогда не была.

— Да. Красиво оденемся и пойдем. Только сейчас еще рано туда идти.

Мама стала раскладывать вещи, а я глядеть в окно. Потом мама села в кресло и стала задумчиво на меня смотреть. Будто спросить хотела. Но не спрашивала. Только смотрела. А я смотрела в окно.

Потом она сказала:

— Странно все это, странно. Почему именно Новосибирск?

Но тут в дверь постучали. Мама открыла, и человек в форме сказал:

— Я ваш бортпроводник. Сейчас отправляемся. Если в купе есть провожающие, то им пора выходить.

— У нас только отъезжающие, — сказала мама. — Провожать нас некому.

— Сожалею, — сказал бортпроводник. — Это очень грустно, когда некому провожать. По любым вопросам обращайтесь ко мне. — Он отдал честь.

Поезд поехал. Я даже не сразу поняла, что это мы поехали. Мне показалось, что поехал соседний поезд. И только когда внизу замелькали дома, я закричала:

— Ура! Поехали!

Мама тоже присела у окна и сказала:

— Когда я была маленькой, то ездила по старым железным дорогам. И всегда любила слушать стук колес. А тут никаких звуков. И скорость почти как у самолета.

Поезд выехал из-под купола. И смотреть стало не на что. Все коричневое и зеленоватое. И плоское.

Как мы пошли в вагон-ресторан

— Пойдем в ресторан, — сказала мама. — Надо покушать горячего.

Федю оставили в купе и пошли. Люди стояли у окон и смотрели. Я тоже выглянула и увидела еще город. Много куполов. Из них торчали длинные трубы. Такие длинные, что уходили в небо.

— Горный комбинат, — сказал мне дядя. — Видишь, трубы какие высокие? Чтобы не загрязнять воздух, их вывели высоко-высоко.

Я хотела расспросить про комбинат, но мама ушла вперед. И я побежала за ней, так как не

хотела заблудиться. Но где здесь заблудиться? Один коридор, даже не заметно, как из одного вагона в другой переходишь. Только цвет меняется. Наверное, чтобы все знали, в каком вагоне они едут.

В ресторане все столики были заняты. Но тут нам замахали:

— Идите ко мне, здесь есть места.

Махал нам дядя в разноцветной рубашке. Столик, за которым он сидел, стоял у самого окна. Окна здесь не как в купе. От потолка до пола. Поэтому казалось, будто мы по воздуху едем. Без всякого поезда.

— Здорово, да? — подмигнул дядя. — Меня зовут Иван. Я — гость. И не просто гость, а гость с юга. Помните это кино? Обожаю старинные комедии! А вас как звать-величать?

Мама сказала, и мы пожали друг другу руки. Я тоже пожала, ведь я почти взрослая.

Мама нажала кнопки заказа, в центре стола открылось отверстие. Мама поставила передо мной суп. Самый нелюбимый. Куриный.

— Чем занимаетесь? — спросил Иван маму.

Мама рассказала, чем она на острове занимается. Я неохотно ела суп и смотрела в окно. Но тут Иван хлопнул в ладоши:

— Да что вы говорите?! Такой специалист, как вы, мне позарез нужен! Представляете, у меня там, на юге, целый завод, а рабочих рук не хватает! То есть все автоматизировано, роботизировано, как положено, но с технически грамотными кадрами — беда!

Мама сказала:

— Пригласите молодых специалистов. Их в Арктании целый вокзал сидит, ждет направления на стройки.

— А зачем, по-вашему, я сюда приезжал? — сказал Иван. — Именно для этого. В Бюро по трудоустройству палатку разбил, дневал и ночевал там. Спасибо сотрудникам, вошли в положение. Уговаривал тех, кому работы в Арктике не находилось, ехать к нам. У нас тепло, фрукты круглый год. Нет, не хотят! Представляете? Арктику им подавай. Мороженую оленину, отмороженный нос — романтика, я не спорю. А у нас что? Пошив рубашек, костюмов и прочий текстиль. Сейчас расширяться будем, новые корпуса закладывать, тоже стройка. А кому строить? Где руки человеческие? Европа у нас рубашки из рук рвет, да и в Арктике без рубашки ходить не будешь.

— Проблема с рабочими кадрами стоит остро, — сказала мама.

— Не хочу больше супа, — сказала я.

— Значит, к нам, на юг? — обрадовался Иван. — Софья, хочешь есть виноград?

— Хочу, — сказала я.

— Ну нет. — Мама засмеялась. — Как-нибудь в другой раз.

Тут у Ивана зазвонило, и он достал из кармана телефон, такой огромный, что голограмму даже нам хорошо видно было.

— Товарищ Волонтир, это вы оставляли заказ на добровольцев у нас в базе?

— Я оставлял, — сказал Иван. — Только...

— Что же вы не проверяете статус заказа, товарищ Волонтир? Тут к вам целая бригада собралась ехать!

— Бригада? Вы ничего не путаете?! Ни гроша, да вдруг алтын! Здорово! Работа всем найдется!

— В общем, свяжитесь с бригадиром...

Мама дернула меня за рукав:

— Пойдем, не будем мешать.

Я помахала гостью с юга, но он не заметил.

Как я увидела железную руку

После обеда мама сказала:

— Я буду спать. А ты забирайся на верхнюю полку и смотри в окно.

Я лежала и смотрела. Но ничего интересного не было. Иногда проезжал встречный поезд. Но так быстро, что не разглядишь. Федя сказал, что тундра скоро кончится. И будет тайга.

Мне надоело лежать и смотреть. Я слезла по лесенке и вышла из купе. У окна стоял дядя и смотрел. Ему, наверное, было интересно.

— Здравствуйте, — сказала я. И рядом встала.

— Здравствуйте, — сказал дядя. И помахал мне одной рукой. Будто мы не рядом стояли.

Другая рука у него оказалась железной.

— Вы робот? — спросила я.

— Нет, — сказал дядя. — Я человек.

— У вас рука железная, — сказала я. — Можно ее потрогать?

— Сколько угодно, — дядя улыбнулся. — Это кибернетический протез. Вообще-то мне

★ — советовали носить перчатку, чтобы детей не пугать, но я об этом забыл.

Железная рука оказалась холодной, словно поручень у окна.

— Здорово, — сказала я. — А зачем вы свою руку поменяли на железную?

— Пришлось. — Он вздохнул. — Наша станция попала в облако космического мусора. Пришлось выходить в открытый космос, чинить повреждения, иначе... иначе было бы очень плохо для всего экипажа. Вот мне и досталось... Микрометеориты прошили навывлет. Система аварийной герметизации скафандра спасла. А вот руку... Руку пришлось заменить. А другая... — Он показал: она висела на перевязи, без движения. — Врачи сшили нервы и сказали: надежда есть. Вот я и надеюсь. — Он подмигнул. — Главное в нашей жизни — надеяться на лучшее, ведь так?

— Так вы — космонавт? — крикнула я. — Здорово! Я тоже хочу быть космонавтом!

— Ну, в космос я теперь не летаю: с такими руками в космос не берут. И даже на космодроме не очень-то поработаешь. Вот и катаюсь по больницам, а заодно присматриваю новое дело себе по душе. А чтобы стать космонавтом, надо хорошо учиться. Сейчас все мечтают полететь в космос.

— А на Луне вы были? — спросила я.

— На Луне был, — сказал Железная Рука. — И даже к Марсу летал.

— Ух ты! И как на Марсе?

— Мы там не высаживались, — сказал космонавт. — Жалко, конечно, но программой

полета этого не предусматривалось. Сейчас готовится экспедиция, которая сядет на поверхность.

Я хотела рассказать космонавту про то, что у нас есть дома ракета, в которой живут крошечные космонавтики, но не стала. Постеснялась.

— А дело вы себе нашли? Ну, по душе?

Космонавт грустно покачал головой.

— Вот если бы с рукой наладилось...

— Все будет хорошо, — утешила я его. И крепко сжала холодную ладонь.

И вдруг почувствовала, как пальцы космонавта шевельнулись, а потом сжали мою ладошку.

Сначала легко-легко.

А потом крепко-крепко.

Как я полетела к звездам

— Володин? — Вдруг раздался мамин голос.

— Вера? — Космонавт посмотрел на маму, потом на меня, затем поднял настоящую руку и сказал: — У меня рука заработала, представляешь?

Потом они обнимались и целовались, а Володин тряс меня за плечи и говорил, что не верит, что у его бывшего бортинженера такая дочка появилась. А мама говорила, что она уже давно не космонавт, а Володин говорил: космонавты бывшими не бывают. В общем, говорили они шумно, наперебой, так что из других купе стали люди выглядывать. Я сама мало что понимала.

Затем они разрешили мне спать на верхней полке, а сами сидели всю ночь внизу и разгова-

ривали. Иногда громко, иногда очень тихо. Я то засыпала, то просыпалась. Мне не верилось, но, оказывается, моя мама — тоже космонавт!

— Так вы на Байконур? — спросил Володин. — Скоро старт, успеете?

— Нам торопиться некуда, — сказала мама. — Юра в дублирующем составе, да и мы с ним в официальном разводе. Сам знаешь, когда Байконур в предстартовой готовности, да еще и такой экспедиции... Пропуск нам до старта не полагается. Только членам семей основного состава. Вот уж когда основной состав выйдет на орбиту, тогда пожалуйста.

— Бюрократия. — Володин стукнул железной рукой по столу. — Развели на свою голову.

— Ты не прав. Вспомни, что в пятьдесят шестом случилось. Тоже кто-то вошел в чье-то положение, нарушил инструкцию по допуску, в результате — акт вредительства, а старт к Юпитеру отодвинулся почти на три года. Нет, я-то как раз все понимаю. Поэтому особенно и не спешим с Почемучкиной. Вот и в Новосибирск завернем, раз такая оказия возникла. Там, глядишь, и с пропуском решится вопрос. Конечно, хотела Софье старт показать, ну да ладно. Еще увидит. Может, когда и сама полетит. Уже к Альфа Центавра.

— Потомственный космонавт, — сказал Володин, поднял глаза, увидел, что я не сплю, и подмигнул. — Ну, что Софья? Полетишь к далеким звездам?

Я хотела сказать, что полечу, но опять заснула. И мне снова приснились космонавтики, с которыми мы в ракете летели к очень далекой звезде.

Как я потерялась

Когда я проснулась, Володина не было. Мама сказала, что он срочно сошел с поезда. Ему теперь нужно к врачам, на пере-ос-ви-де-тельство-ва-ни-е. Вот какое длинное слово! И мало-понятное.

— Сейчас будет Новосибирск. Это большой город, — сказала мама.

— Такой же, как Арктания? — спросила я.

— Гораздо больше, — засмеялась мама. — Я там училась. Очень большой город. Столица Сибири.

И я стала смотреть в окно. Мы пересекли широкую реку, Обь называется. Куполов здесь не было. Были дома. Большие и очень большие. И дороги. Многоэтажные. Одна из дорог поднялась так высоко, что сравнялась с поездом. По ней ехал красный автобус, в котором сидели люди и махали нам. Я тоже помахала.

Потом поезд поехал так медленно, что машины нас обгоняли.

Когда мы выходили, мама сказала:

— Только не потеряйся. Хорошо?

— Хорошо, — сказала я и тут же потерялась. Потому что никогда не видела столько народу. Даже в Арктании. Оказывается, там было очень мало людей. А здесь их столько, что надо постоянно уворачиваться.

Я засмотрелась по сторонам и потерялась. Отпустила мамину руку. И осталась одна.

Но не испугалась. Чего здесь пугаться?

— Девочка, ты не потерялась? — стали меня спрашивать наперебой. — Может, тебе помочь?

— Нет, не потерялась, — сказала я. — Мне надо вон туда.

Я решила на лифте подняться на самый верх, откуда и вокзал видно, и город. Там люди гуляют и смотрят. В общем, я нисколько не испугалась.

Сверху все видно. В одну сторону посмотришь — Новосибирск. В другую сторону посмотришь — вокзал. И купола в городе все-таки были. Только не для жилья, в них деревья росли. Федя сказал, что это специальные круглогородичные парки. Там всегда тепло, даже когда на улице холодно. Поэтому и деревья тоже специальные — всегда зеленые, тропические. Вот бы нам на остров такой парк!

А потом ко мне подошел человек в форме, приложил руку к фуражке и сказал:

— Вас зовут Софья?

— Софья, — сказала я.

— Сержант милиции Степан Субботин, — сказал он. — Товарищ Софья, вы знаете, что вас ищет мама? Разрешите вас проводить к ней?

Милиционер взял меня за руку и повел вниз. Мама увидела меня:

— Вот ты где! Ты куда пропала?!

— Я не пропала, — сказала я. — Я город смотрела.

— Первый раз в Новосибирске? — спросил милиционер.

— Дочка — в первый, — сказала мама. — Раз уж здесь оказались, то надо показать Почемучкиной Академгородок.

— Обязательно покажите, — сказал милиционер.

Потом мы отдыхали в комнате матери и ребенка. Я рисовала, а мама сидела в кресле и разговаривала с другими тетями. Там было много детей. А потом пришла воспитательница и стала с нами играть. А потом мама позвала меня, и мы пошли в гостиницу.

— Тебе понравилось играть? — спросила мама.

Я сказала, что понравилось.

— Надо было тебя в детский сад отдавать, — сказала мама. — Одичала ты у меня на острове.

— Я в университет хочу, — сказала я.

Как мы приехали в Академгородок

В дверь постучали. Мама умывалась и ничего не слышала. Я открыла дверь. На пороге стоял человек и улыбался. Он спросил:

— Кто заказывал такси на Дубровку?

— Мы в Академгородок заказывали, — сказала я и хотела закрыть дверь, но гость вошел. В руках он держал цветы.

— Тебя зовут Софья? — спросил он.

Тут вышла мама, взвизгнула и подскочила к гостю. Гость подхватил маму и закружил. Мы с Федей переглянулись, Федя мотнул хвостом. Мы с ним ничего не понимали.

— Твоя? — кивнул дядя на меня.

— Чья же еще? — сказала мама. — Софья Почемучкина.

— А почему вы обнимались? — спросила я.

— Потому что мы — однокашники, — сказал дядя. — Меня зовут Петр.

— Петр Первый, — сказала мама.

— Петр Первый был царем и давно умер, — сказала я.

— Типун тебе на язык, Софья Почемучкина, — сказал Петр. — Я не царь. Я — физик. Первый — это мое прозвище.

— Потому что ты всегда был первым, — сказала мама. — Красивые цветы! Постой, а ты здесь какими судьбами?

— Товарищей с конференции провожал и случайно увидел вас. Не смог сразу подойти, пока всех в автобусы рассаживал. А потом пришлось долго убеждать администратора, что мы с тобой старинные друзья и что я вовсе не собираюсь покушаться на личную жизнь постояльцев. Но вот я здесь! И не стыдно тебе? Почему не позвонила? Петр бы встретил, Петр бы вам все показал. Ну да ладно. Собирайтесь-одевайтесь.

У Петра был автомобиль. Он стоял рядом с гостиницей и заряжался. То есть из него торчал шнур, и он был подключен к розетке. Как чайник.

— Разрядился, — сказал Петр. — Древняя конструкция, конечно. Раритет. Сейчас ведь все с индукторами. Но ничего, поедем. Я вам Академгородок покажу.

Мы сели в машину и поехали.

Я думала, что Академгородок — это где живут одни академики. Важные такие. Ученые.

А там оказалось полным-полно молодых людей. И ни одного академика.

— А где академики? — спросила я.

— Я — академик, — сказал Петр.

Академгородок оказался весь в лесу. По нему даже ездить нельзя, только ходить по тропинкам.

— Экология, — сказал Петр. — Сколько ты здесь не была?

— Как универ закончила, — сказала мама. — Ничего не узнаю.

А еще тут было полным-полно роботов. Больших, очень больших и маленьких. Маленькие убирали улицы. А большие и очень большие строили дома. И просто по тропинкам ходили.

— Институт роботехники забавляется, — сказал Петр. — Проверяет на нас, как сможет человек приспособиться к высокороботизированной среде.

Один из роботов стоял и продавал мороженое. В груди у него имелась дверца. Опускаешь монетку в прорезь, он открывает дверцу и достает эскимо. Или стаканчик. Денег у меня не оказалось, поэтому робот дал мне мороженое просто так.

— Попрошайка, — вздохнула мама.

А я и не просила. Я просто перед ним стояла и смотрела. Честно-честно!

Как мы запускали солнце

— Я вам такое покажу, — сказал Петр. И палец к губам приложил. — Только пока никому не рассказывайте. Это чудо, что вы сегодня объявились.

Мы сидели в столовой и кушали. Столовая почему-то называлась «Под интегралом». Я осмотрела весь потолок, но никакого интеграла так и не увидела. Сначала мы взяли подносы и встали в очередь. Потом брали тарелки. Я хотела взять сладкие ватрушки, но мама поставила мне суп. И кашу. Но я все равно взяла ватрушки. А когда мы подошли к кассе, которая тоже оказалась роботом, то робот сказал:

— За девочку платить не надо. Дети до шестнадцати лет обслуживаются бесплатно.

— А можно я еще ватрушку возьму? — спросила я. И взяла.

— Попрошайкина, — сказала мама. — И что же ты нам покажешь, Петр? «Токамак»? Или «Глобус»?

— Прошедшая эпоха, каменный век, — сказал Петр. — Сколько мы с этими «Токамаками» возились, помнишь? В общем, ешьте быстрее и поедем. Такое пропустить нельзя.

Суп я не доела. Зато ватрушки все скушала. Мы сели в машину и поехали. Дорога поднималась вверх и вела над лесом. Внизу ходили по тропинкам люди. А мы ехали к высокому зданию. То есть я подумала, что это здание. Но до него мы не доехали. Остановились на площадке, где было много людей, машин и роботов. И все смотрели куда-то вверх.

— Как дела? — спросил Петр.

— Все идет в штатном режиме, Петр Семенович, — сказали ему хором люди в белых комбинезонах. На груди у них были нашиты солнышки с улыбками.

— У нас есть спецодежда для научных сотрудников младшего возраста? — спросил Петр. — Принесите, пожалуйста.

Я думала, что принесут комбинезон только маме, но и мне такой дали. И еще темные очки.

А мама забеспокоилась:

— Феде не повредит?

— Магнитный импульс экранируется, — сказал Петр. — У нас тут много аппаратуры. Ничего с ним не случится.

Тут все зашумели.

И стало так светло, что даже в очках хотелось зажмуриться. Но я не зажмурилась. Я смотрела. И увидела высоко над острым шпилем здания еще одно солнце. Оно было яркое и теплое.

И все стали хлопать в ладоши и толкать друг друга в плечи. И говорить:

— Вот мы и зажгли наше солнышко!

Меня кто-то подхватил под мышки и подбросил вверх. Я не испугалась. Новое солнышко светило в лицо. Было очень тепло.

Потом много всего случилось, так много, что вечером я уснула прямо на руках у Петра. А проснулась уже в кровати. То есть не проснулась. Потому что глаза открываться все равно не хотели. Но я все слышала, как Петр говорит маме:

— Не выдумывай. Самый обычный ребенок. У меня у сотрудника свой вундеркинд есть, так тот в десять лет интегралы как орешки щелкает.

— То интегралы, — говорит мама. — Здесь другое. Прямое воздействие на вероятность со-

бытий. Про погодную аномалию на Земле Санникова слышал?

— Только не говори, что это тоже она. — Петр засмеялся. — У тебя какие-то суеверия пошли. Скажи еще: она наложением рук лечит. И то, что опыт наш сегодня удался, тоже она? И то, что я вас встретил? Постой... А не из-за этого вы с Юрой, хм, врозь живете?

— Не из-за этого. Просто... просто надо было выбирать — быть хорошей женой космонавта и плохим ученым или... или наоборот. После родов возникли осложнения, летать в космос я уже не могла. Но и дома сидеть, ждать мужа оттуда тоже не по мне...

— Завидовала ему? Вы ведь, космонавты, навсегда отравлены внеземным пространством.

— Да... наверное...

— В общем, ты выбрала наоборот, — сказал Петр. — Но насчет Софьи не переживай. Все эти теории об особом влиянии дальних космических перелетов на наследственность ничем не подтверждены. Дети как дети. В космосе они родились или на Земле. Софья — первая, конечно. Но со временем таких детей все равно будет больше и больше. Люди будут жить и на Луне, и на Марсе, и на астероидах. Да и вообще, есть более рациональное объяснение. В прошлом говорили про физическую акселерацию. Сейчас на смену физической пришла интеллектуальная акселерация. Наши дети обгоняют нас в умственном развитии. Вот и все.

Как мы сели на корабль

Я рассматривала корабль. На нем мы сейчас поплывем. Петр привез меня и маму на причал. Это не море, это река. Обь. Широкая, но другой берег все равно виден. И волны не такие, как в море. И вода не холодная.

Корабль дал гудок.

— Нам пора, — сказала мама и взяла меня за руку. — Спасибо, Петр.

— Смотри в оба, Почемучкина, — сказал мне Петр. — Вы еще такое увидите!

Потом он долго нам махал, а корабль плыл по реке. А река становилась все шире и шире.

— Это море? — спросила я.

— Ювенальное море, — сказала мама. — Искусственное море, специально сделанное для гидроэлектростанций.

— Здесь все искусственное, — засмеялась я. — Солнце, море, роботы.

— Зато люди самые настоящие, — сказал моряк, который проходил мимо нас. — Настоящие ученые, настоящие труженики. Вырастешь, тоже постарайся быть такой.

— А вы кто? — спросила я, а мама дернула меня за руку.

Моряк приложил ладонь к фуражке и ответил:

— Я — капитан этого славного судна. Федос Петрович Бывалый. Бывалый — это фамилия такая.

Я засмеялась. Разве такие фамилии бывают? Но Федос Петрович не обиделся, а даже пригласил нас подняться на мостик. Я не могла по-

нять — где мостик? Оказалось, так называется место, откуда управляют кораблем.

— Корабль небольшой, но быстрый, — сказал капитан. — Как только выйдем на фарватер, то сразу взлетим.

— Разве корабли летают? — удивилась я. Но Федос Петрович рассказал, что это особый корабль. Он может плавать, может летать. Только невысоко над водой. Зато очень быстро. Поэтому мы и глазом моргнуть не успеем, как окажемся в другом месте.

Я моргнула, но вокруг все еще было море. Наверное, мы пока не вышли в этот самый фарватер.

Как мы плыли по каналу

Корабль летел. Из корпуса выдвинулись крылья.

— Как бы тебя не продуло! — сказала мама.

— Не продует, — сказала я.

Место, где гуляли пассажиры, называется палубой. Мы там сидели и смотрели. С боков корабля поднялись прозрачные стекла, поэтому ветер исчез. А берег неся так быстро, что дух захватывало.

Федя сказал, что корабль, а точнее, экраноплан, набрал крейсерскую скорость. Мимо нас не только берег проскакивал и стоящие на берегу города. Проскакивали другие корабли. Много кораблей. Все грузовые. Но были и такие, как наш. Первый раз я испугалась, что мы столкнемся с другим экранопланом. Он неся нам навстречу и ревел. Но Федос Петрович объяснил,

что столкновений быть не может — кораблями управляет киберштурман.

— Скоро войдем в канал, — сказала мама. Она следила по экрану за нашим кораблем. — Видишь, тут начинается система каналов, по которым вода из сибирских рек идет в пустыни и степи. Раньше там не было воды, все оказалось мертвым. Даже море высохло. Но теперь все по-другому.

— А разве море может высохнуть? — спросила я.

— Может, — сказала мама. — А вот и канал. Канал имени Ленина.

Я ничего не заметила. Такая же река, как и раньше. А потом берега стали сближаться. А наш корабль замедлил полет. А затем и вовсе сел на воду. И крылья убрал. И прозрачные стекла. Мы стали как обычные корабли.

Как мы были на базаре

— Это — базар, — сказала мама. — Здесь продают фрукты, овощи.

Повсюду полосатые разноцветные палатки. В палатках стояли столы. На столах лежали фрукты, орехи и овощи.

— Сейчас что-нибудь купим в дорогу, — сказала мама.

И мы пошли мимо прилавков. За ними стояли люди.

— Подходи! Пробуй! Кушай! Покупай! — кричали они.

Пахло очень вкусно. У меня слюнки потекли.

— Что ты хочешь? — спросила мама.

— Все, — сказала я. У меня глаза разбежались.

— Какая хорошая девочка! — закричал один продавец. — Иди сюда, девочка, иди!

Я подошла, и он дал мне большое красное яблоко. Мама протянула ему карточку.

— Зачем деньги? — удивился продавец. — Так кушайте!

Мама тоже получила от него яблоко. И мы пошли дальше. И разглядывали дыни, арбузы, груши, финики, персики... И нам все давали попробовать. И денег не брали. Только руками махали. Одна женщина со множеством косичек сказала:

— Мамаша, что же у вас ребенок такой бледненький? Совсем ее фруктами не кормите?

— Мы на севере живем, — сказала мама.

— Ах, — сказала женщина. — Зачем на севере? Приезжайте к нам жить! У нас тепло! У нас витамины! В нашем колхозе всем работа найдется!

— Спасибо, — сказала мама. — Только жарко у вас. И дождей не бывает.

— Да, дождей у нас нет, — сказала женщина. — И суховеи порой налетают. Но ничего. Когда я была такой же маленькой, тут вообще ничего не росло. Одни солончаки. А сейчас другое дело.

— Мы приедем, — сказала я. Очень мне понравились ее косички.

А потом налетел ветер, небо потемнело, и хлынул дождь. Мы с мамой спрятались под навесом и смотрели. Я в первый раз дождь по-настоящему видела. Какой-то мальчик выско-

чил наружу и стал по лужам прыгать. Я тоже захотела, но мама крепко держала меня за руку. Она ничего не говорила, только так ладонь мне сжимала, что больно стало.

Как мы ехали на Байконур

Корабль поплыл дальше. А мы остались. Вокруг была степь. И очень жарко. Мама надела мне на голову панаму. Федя поводил боками, охлаждался.

— Смотри! — Мама показала вдаль.

Там вспыхнул яркий огонек, а в небо поднялся столб дыма.

— Ракета взлетает, — сказала мама. — Здесь космодром. Байконур.

— Мы полетим в космос! — Я от радости захлопала в ладоши. — Мы полетим в космос!

Но мама сказала, что никуда мы не полетим. Чтобы лететь в космос, нужно очень долго готовиться. И много знать. И много уметь. И всегда чистить по утрам зубы и умываться. И съедать всю кашу.

— Я все это буду делать, — пообещала я. — Честно-честно!

А потом подъехала большая машина. Такая белая, что больно глазам смотреть. Из нее выскочил человек и принялся спрашивать:

— Кто тут Ковалевские? Кто тут Ковалевские?

— Тут мы! — закричала я в ответ.

— Садитесь в машину, меня Федя зовут, — сказал Федя.

— Его тоже Федя зовут, — сказала я и показала на Федю.

— Только я не собака, — сказал Федя.

— Вы откуда узнали, когда нас встречать? Я ведь не сообщала! — удивилась мама.

— Феде сказали, Федя сделал, — пожал плечами Федя. — Юра попросил вас встретить, сказал, во сколько и где. Вот я здесь.

— Странно. Неужели Петр постарался? А где Юра? — спросила мама.

— Не смог, — сказал Федя. — Предстартовая готовность. Он сам хотел... Но у нас тут новость, даже не знаю, как сказать... Ладно, садитесь, я вас мигом домчу. И ты, тезка, запрыгивай.

И мы поехали. Федя сидел за рулем. Мама сидела рядом с ним. А мы с моим Федей — сзади.

— Там в холодильнике есть мороженое и лимонад, — сказа Федя. — Бери что хочешь.

Я открыла дверцу. Глаза разбегались — так много было мороженого и лимонада. А еще конфет.

— Это все мне? — спросила я.

— Объешься, — сказала мама. — И вообще — у тебя горло. Холодное в жару есть опасно. Можно простудиться.

— Это Юра постарался. — Федя засмеялся. — Пусть кушает. Да и не такая уж у нас и жара. Про ливень слышали? Чудо, конечно.

— Мы под него попали, — похвасталась я. И поделилась со всеми. Маме дала фруктовое мороженое. Федя взял эскимо. А я взяла шоколадное. Оно в самом большом стаканчике было.

— Так что за новость? — спросила мама.

— Юра переведен в основной состав. Исынбаев не прошел последнюю медкомиссию. Ночью состоялось экстренное заседание госкомиссии, принято решение... В общем, полетит Юра. Даже и не знаю — для него это, конечно, победа... А вот для вас... Вам бы пораньше в зону въехать, но у нас тоже своя бюрократия. Юра уже как член основного состава на сегодня вам пропуск пробил.

— Когда назначен старт? — спросила мама.

— Вы успеете. График смещен. За счет орбитальной подготовки, — сказал Федя. — Эх, неловко получилось...

Мама вздохнула.

Как я увидела космонавтов

Ракету я узнала. Она была точно такая же, как у нас дома. Только настоящая, а не игрушечная. И еще ее окружали решетки, а внизу было много машин. Мама надвинула мне на лоб кепку, которую дал Федя вместо панамы. На ней была надпись «Байконур». А еще он мне дал значок, на котором была нарисована ракета.

— Нравится? — спросил Федя. — Ближе нельзя подходить. Стартовая зона. Но отсюда тоже хорошо видно.

Я привстала на цыпочки, чтобы рассмотреть еще лучше. Федя засмеялся и посадил меня на шею.

— Юра завидовать будет, — сказал он маме. — Он все мечтал дочку на шее покатать. Его тоже в детстве так катали.

— Пусть завидует, — сказала мама. На ней были черные очки. Кепку, которую Федя дал, она не стала надевать. Повязала косынку.

— А что там делают машины? — спросила я.

— Идет заправка ракеты, — сказал Федя. — Скоро старт. Видишь, какая ракета огромная. Ей надо много топлива, чтобы взлететь. Очень много топлива.

— А по-моему, она очень маленькая, — сказала я. — Как у нас дома.

Конечно, я так не думала. Я всего лишь хотела пошутить. И Федя опять рассмеялся. Про таких мама говорит, что у них смешок во рту застрял.

— Вы так не переживайте, — сказал Федя маме. — Все будет хорошо.

Федя спустил меня на землю.

— Теперь поедem, я вас покормлю, а там и время подойдет. Сможете увидеться.

Там было много зданий. Они казались плоскими. Мы зашли в одно, внутри было прохладно. Федя повел нас в столовую. А потом отвел в комнату, где стояли диван и кресла. И еще большой телевизор. Во всю стену. Телевизор работал, но звука не было. Он показывал космонавтов. Точно таких, каких я ловила, когда думала, что они живут в той ракете.

— А что мы будем делать? — спросила я у мамы.

— Будем ждать, — сказала мама и зачем-то меня обняла. Будто я хныкала. Или капризничала. А я ничего не делала. Честно-честно.

Как я поймала космонавтика

А потом я заснула. И спала долго-долго. И проснулась от стука в дверь. Мама все сидела и смотрела. Только телевизор не работал. Она держала платок. Я подумала, что она простудилась, но она прикладывала его к глазам. Я поняла, что она плакала. И мне стало ее так жалко-жалко, что я сама всхлипнула.

— Ты чего, Почемучкина? — Мама услышала, что я плачу. — Подожди, не реви. Я дверь открою.

Она открыла дверь. И в комнату шагнул космонавт. В белом скафандре, а на голове шлем. Весь прозрачный. Не такой, какой в кино показывают.

— Здравствуй, — сказал космонавт и протянул руки.

Но мама стояла и не двигалась. Я подумала, что она испугалась. Хотя чего тут бояться? А Федя хвостом замотал.

— Здравствуй, — сказала мама.

Космонавт шагнул и посмотрел на меня. Я встала и не знала, что делать. Лицо у него очень доброе. Поэтому я нисколько не испугалась, когда он подхватил меня и подкинул к самому потолку. Только чуть-чуть испугалась, что ударюсь. Подбросил он меня высоко. А потом еще раз.

— Софья! Премудрость божья! — кричал он и подбрасывал. — Как я по тебе соскучился!

— Я не премудрость, — сказала я. — Я — Почемучкина. Меня так мама зовет.

— И Федька с вами, — сказал космонавт. — Еще функционируешь, старый кибер?

Федя вился около ног космонавта. Я никогда его таким не видела.

— Тебе разрешили прийти? — спросила мама. Она так и стояла у открытой двери.

— Как видишь, — сказал космонавт. — Только скафандр пришлось надеть. Для герметизации. Я сейчас чист аки младенец, — и космонавт подмигнул мне.

Поставил меня на пол.

— Жаль, конечно. Хотел бы вас расцеловать. Федор тебе, наверное, все объяснил.

— Неудачно сложилось, — сказала мама. — То есть прости... я тебя поздравляю, конечно же... жалко Булата, но и ты этого полета не меньше его достоин. А мы... мы с Софьей будем тебя ждать...

Космонавт присел передо мной на корточки. И сказал серьезно-серьезно:

— Прости меня, что мы с тобой так долго не виделись. Но у космонавтов такая жизнь. Больше времени проводим в космосе, чем на Земле. А завтра я опять улетаю. Вторая пилотируемая, с посадкой на Марсе, понимаешь?

— Понимаю, — кивнула я.

— Но когда я вернусь, мы больше никогда не будем разлучаться. Ни с тобой, ни с мамой. Я вам обещаю. Хорошо?

— Хорошо, — сказала я и обняла папу.

Все-таки я поймала космонавтика.

ПРЕДЪЯВИТЕ ВАШИ ДОКУМЕНТЫ!

дин — тощий, коренастый и чернявый, другой — тощий, коренастый и светлый — постригся, наверное, после обеда, потому что сквозь белесый пух на голове сияет молочная кожа. С утра-то солнце жарило так, что его блондинистая маковка в пять минут заалела бы — ковать можно. А часов с двух тучи натянуло, вот поэтому и не обгорел. Наверное, сразу из парикмахерской они сюда и рванули. Все они стригутся перед самым вылетом. Массу, значит, сокращают.

— А клизму вы не делали? — спросил я, переводя взгляд с одного на другого. Чернявый (который получался у нас Гильямов Сергей Олегович) продолжал изучать некую точку, расположенную примерно сантиметрах в тридцати от его носа. А светлый (Заруба Вадим Петрович, стало быть) среагировал на мой вопрос недоуменным миганием.

— Не грубите, — разлепил наконец губы самое Вадим Петрович Заруба.

— Да это не я вам грублю, — как можно проникновеннее сказал я. — А вы мне. Так вы, ребята, грубите мне всем своим поведением, что я скоро на пенсию досрочно выйду, понимаете?

— Ничего мы вам не грубим, — уверенно возразил белобрысый.

Я повернулся к Нелыкину, без какого-либо интереса изучавшему на своем мониторе, судя по всему, жития задержанных.

— Вот как, по-вашему, товарищ капитан — хорошо ли это: проникать на особо охраняемые территории?

— Никак нет, товарищ майор, нехорошо, — с готовностью отозвался Нелыкин. — Мне папа очень не рекомендовал такими вещами заниматься.

— Ваш папа, — предположил я, — наверняка был высокоморальным человеком!

— Увы, — вздохнул Нелыкин. — Папа мой, товарищ майор, был самой большой сволочью из тех, что мне в жизни попадались. Контрабандист он был, наводчик и под конец еще наркотиками торговал габаритно. Всем своим несознательным образом жизни демонстрировал он мне пагубность преступного пути. Но на особо охраняемые территории он никогда не стремился попасть. Чего нет, того нет. Это, пожалуй, единственный грех, который невозможно инкриминировать его душе, в настоящее время и до Страшного суда насаживаемой чертями на вилы.

Нелыкин еще раз вздохнул и размашисто перекрестился, за неимением иконы, на портрет Дзержинского. Я же наставительно поднял палец:

— Вот! Даже такой закоренелый асоциал, как родитель нашего уважаемого Алексея Дмитриевича, и то избегал всякого рода охраняемых

территорий. И уж конечно — стартовых площадок. Верную догадку я сейчас сделал, Алексей Дмитриевич?

— В самое яблочко, — кивнул Нелыкин. — В жизни его не видели рядом со стартовыми площадками.

Я встал из-за стола, обошел его, наклонился к сидящей напротив парочке и отдельно произнес:

— Это, наверное, потому, что временами стартовую площадку пробивает разрядом до двухсот тысяч ампер. Как считаете?

И поскольку вопрос был риторический, я развернулся, чтобы сесть обратно, но Заруба (Вадим Петрович) упрямо пробасил мне в спину:

— Один к десяти тысячам.

Я остановился у окна.

— Что-что?

— Вероятность нарушения электрической дисперсии на стартовой площадке составляет, по статистике, один случай на десять тысяч успешных взлетов.

— Да он еще и эксперт, — крикнул Нелыкин. — Слушай, эксперт, а с чего ты взял, что вы с дружкой — не юбилейные? Везунчики десятидесятисечные...

— А вы мне не тыкайте! — процедил паршивец. Нелыкин с шумом втянул ноздрями воздух, полную свою широченную грудь, но воспитательный процесс пора уже было заканчивать.

— Предъявите ваши документы, — сказал я, продолжая смотреть в окно.

От заката осталось часто перекрытое тучами оранжевое пятно, в центре которого угадывался некий одинокий, как бы даже беззащитный шарик. Степь же была совсем непроглядная — ни холмика не было уже видно, ни рытвины, ни хотя бы даже намек на какую-нибудь солончаковую кляксу. Словно не степь была там, внизу, нет, не пахнущая полынью и дождем степь, да и не Земля вообще — а Черная дыра, в которую валилось маленькое, одинокое и беззащитное Солнце. Если бы это было так, подумал я, то это был бы самый последний закат. И если бы это был самый последний закат, то провел я его, как ни крути, крайне бездарно.

— Нелыкин, — позвал я, не оборачиваясь. — Ты слышишь тихий шелест доставаемых из карманов паспортов?

— Никак нет, — печально отозвался Алексей. — Уже почти минуту, как тишину ловлю, товарищ майор.

Я вернулся за стол и энергично хлопнул по нему ладонью — так, что панель засветилась во всю мощностъ, побелела:

— Ну слава те, господи! Отлегло! Я-то уж, понимаешь, решил, что это старческая глухота на меня навалилась. Стою, понимаешь, и думаю: ну надо же, какая досада! Граждане, понимаешь, Заруба и Гильямов достают свои распрекрасные паспорта — а я не слышу, ну ни звука! Не иначе как оглох, думаю. Вот это был бы номер, как считаешь?

— Да ну что вы, Владимир Федорович! — отмахнулся Нелыкин. — Вы и не старый еще, а будут со слухом проблемы — так выечат. Сей-

час же все лечат, не то что уши там, например... Еще и путевку получите в санаторий, в Швеции вот сейчас хорошо, не жарко. Не переживайте.

— А чего ж это тогда был за фокус с паспортами? — спросил я Нелыкина, внимательно разглядывая лицо белобрысого Зарубы. Лицо белобрысого Зарубы шло красными пятнами.

— Да какой там фокус, — легкомысленно буркнул Нелыкин, снова уставившись в свой монитор. — Нет у них никаких паспортов, вот и весь фокус.

— Как?! — Я, как мог, изобразил на лице ужас. — У двух великих покорителей Космоса, у двух безотказных первопроходцев, у двух, так сказать, Магелланов нашей эпохи — Гильямова Сергея Олеговича и Зарубы Вадима Петровича — нет паспортов?!

— Нет, — сознался Нелыкин.

— Даже у Вадима Петровича?!

— Даже у Вадима Петровича.

— Но как же так, Нелыкин?! Как такое может быть?!

— Такое очень даже запросто может быть, товарищ майор, — заверил меня Нелыкин. — Если учесть, что им обоим нет еще шестнадцати лет.

У Зарубы уже дрожала верхняя губа — и вибрация от нее комично передавалась на конопатые щеки. Ну давай, подумал я. Давай уже, зря я, что ли, цирк этот тут развел, издеваюсь над тобой, объясняю тебе, что сопляк ты, желторотик, от горшка два вершка, молоко на губах не обсохло, романтик пустоголовый, мамкин сын...

— Как это странно, — медленно сказал я, — что человеку, обладающему глубочайшими знаниями относительно статистики нарушения дисперсий, еще нет шестнадцати лет...

Вот так. Сейчас ты носик вытрешь рукавом, потом не сдержишься, раз шмыгнешь, два шмыгнешь — да и разреветься. И назовешь меня фашистом и гадом, и как только вы меня не называли с вот этого самого стула. А после истерики поедешь ты тихо-мирно домой в свой Акмолинск и, быть может, ума наберешься там.

— Перестаньте, — сказал вдруг чернявый Гильямов. — У нас есть право совершать ошибки, потому что если их не совершать, то не совершится вообще ничего. А вы над нами издеваетесь. За что? Мы хотим делать что-то полезное и интересное. Что в этом плохого?..

Он говорил, по-прежнему глядя в точку перед собой. Я понял, что это был за ступор такой: у него разрушилась мечта, и смотреть ему никуда не хотелось. Тот корабль, у которого их выловили, уже полчаса как отбыл, и мысленно этот Сергей был там, на нем. Ну ничего. Мечты — они тем и хороши, что им можно предаваться на расстоянии от объекта грез.

Вот о чем мечтал в детстве я? Ну правильно — о еде. Как всякий ребенок, переживший Войну, родившийся в Войну или родившийся сразу после Войны — я мечтал о еде. До умопомрачения. До полной невозможности воспринимать мир как-то иначе, нежели через призму гипотетической съедобности предметов.

Когда вернулся отец, я уставился на его культию — стоял и заворуженно смотрел на

ногу, заканчивающуюся чуть выше колена. Он подумал, наверное, что я испугался его увечья, и, улыбнувшись, легонько хлопнул меня, восьмилетнего скелетишку, по плечу: не бойсь, мол, все в порядке. А я очнулся, поднял на него глаза и тихо спросил: «Папа, а ты ногу всю съел?!»... Он рванул меня к себе и то ли ткнул меня носом в свое плечо, то ли сам зарылся в меня лицом — и заплакал, тихонечко поскрипывая зубами...

Как он работал потом... Как все они, одноногие, однорукие или совершенно здоровые, но все до одного — со страшными глазами, пронзительными и яростными, — работали тогда. Разбирали завалы, строили, убирали с улиц искореженную технику, снова строили: дома, школы, больницы, университеты, заводы, аэропорты, дороги. По всей огромной, возрождающейся через десятилетия после развала великой стране стоял сплошной треск мышц.

И выстрелов. Потому что никуда не делись фашисты — они просто потеряли хозяев. Никуда не делись предатели — они просто лишились кормушки. Ничего особенного не сделалось с негодями — просто наступил мир, и они полезли из щелей, в которых затаились на время войны. Те же фашисты, те же предатели и те же негодяи, с которыми отец воевал, будучи солдатом, стали убивать, грабить и обманывать воспрянувших было людей — и тогда отец стал воевать как милиционер.

А я тогда все мечтал об одном: наесться досыта. И потом, когда мечта эта стала сбываться все чаще и чаще, почему-то ничего на смену

ей не приходило, никаких новых жажд. До того дня, когда оперативную группу отца не сожгли прямо в участке из трех «хашимов».

Это была одна из крупнейших рэкетирских банд если не в Союзе, то в республике — точно. Я не успел, конечно, поучаствовать в их поимке, но потом наверстал за счет других. Потому что уже точно знал, чего хочу больше всего: истреблять тех, кто паразитирует на мирной жизни, кто цинично рушит вселенную свободных людей, созданную моим отцом на дымящихся руинах ада.

Третью века я мечтал об одном: ловить их сколько хватит сил. И эта мечта тоже сбылась, и даже более того: сил еще предостаточно, а ловить, собственно, уже особо и некого. Разве только что вот. Полюбуйтесь, майор Свирский, полюбуйтесь, Владимир Федорыч, дорогой вы мой человек, заслуженный работник милиции, начальник Отделения внутренних дел по Западному корпусу космопорта «Байконур», на своих злоумышленников. Эких вы волчищ матерых сцапали, товарищ майор. Поздравляю!

Впервые появилось в новом СССР поколение, мечтающее не о еде или мести, а о работе, о пользе, о нужности своей грезящее — а вы ему: «Предъявите ваши документы!». Ну не паскудство? Выходит, что если нет тебе еще шестнадцати лет, то нет у тебя и права быть стоящим человеком. Так, а?

Хотя и толку-то с них, мышат эдаких...

Когда чернявый мышонок прервал свой монолог, я спросил:

— Вы хоть девятый класс окончили?

Гильямов даже не моргнул, но поджал губы. Заруба дернул щекой и уставился в пол. Так что ответил за них Нелыкин.

— Да какой там... — зевнул он, тыча пальцем в монитор перед собой. — Регулярные пропуски фигурантами занятий в школе номер четырнадцать города Акмолинска отмечаются с середины января. То есть с начала второго полугодия... Во-о-от... Дирекцией школы представление в детскую комнату милиции направлено тридцать первого января... Та-а-ак... Беседы с родителями...

Нелыкин повозюкал пальцем по дисплею, открывая новые файлы, и несколько оживился:

— Второго февраля — постановление ДКМ о запрете на посещение пионерами Гильямовым и Зарубой космоцентров Акмолинска, всех трех. А у них там такая программа была, Владимир Федорович! Такой даже наш «Динамо» пристыдить можно. Батюшки-батюшки!.. Центрифуга... Усилители... Симуляторы БРК-53, «Зенон», АННД-2 ...Полярный стабилизатор... Понятия не имею, что такое полярный стабилизатор, Владимир Федорович. А вы знаете?

— А «Зенон»?

Нелыкин пару раз щелкнул ногтем по дисплею и, прочитав про себя справку, уважительно поцокал языком:

— Чего только нет в этих космоцентрах... Какую досаду, наверное, испытывает человек, которого отлучили от симулятора «Зенон» за прогуливание школы!

— Так ведь помимо космоцентров, товарищ капитан, есть еще и самые обыкновенные спор-

★ — тивные комплексы, — пояснил я Алексею. — Там тоже можно гробить организм нагрузками, изнашивать суставы и рвать жилы — но уже без научного контроля. Зато туда доступ не перекроют, понимаете, товарищ капитан?

Чернявый Гильямов вдруг посмотрел на меня — с нескрываемым злорадством. И сказал, старательно подражая моей шутовской интонации:

— А нет такого закона, чтобы советского школьника от спорта отлучать!

— Ваша правда, Сергей Олегович. — Мне снова пришлось вздохнуть. — Нет такого закона. Зато есть закон об обязательном среднем образовании. И вот его-то вы злостно нарушаете аж с января месяца.

— Ничего мы не нарушаем! — вскинулся белобрысый. — Мы школьный курс не прерывали! Ну спросите, спросите меня по любому предмету!

У нелыкинского стола лежали их рюкзачки. Компактные такие рюкзачки, недра которых были аккуратно поделены на секции: для пищевых концентратов, для медикаментов, для инструментов. И, конечно, были там и отделы для электронных библиотечек. Весь учебный курс старших классов и даже несколько вузовских дисциплин.

— Заочно обучаетесь, значит, — констатировал я. — Без отрыва от физподготовки. Это хорошо. Но смотрите-ка, что у нас получается. Всякий нормальный гражданин, желающий связать свою судьбу с Космосом, проходит следующий путь. Прежде всего он заканчива-

ет среднюю школу. Да-да, не заочно, а самым обыкновенным, общепринятым образом: ходит на уроки, получает по возможности как можно больше пятерок и, наконец, с блеском (а может, и без особого блеска, по-разному бывает) сдает выпускные экзамены. После этого он, как каждый советский мужчина, проходит службу в Вооруженных Силах. От каковой вы, кстати говоря, только что попытались уклониться... Сидите на месте, пожалуйста, и дайте мне продолжить мысль!.. Да, вы, граждане, намереваясь сбежать с Земли, по сути, совершили попытку уклонения от базовой службы в армии. Каковую пройти следует хотя бы в егерских частях или городских дружинах. Далее, — я загнул еще один палец, — личности, настроенные на работу за пределами Земли, все до единого остаются на сверхсрочную службу: в войсках, имеющих специфику, схожую с избранной ими работой. Вместе с базовой службой это у нас получается четыре-пять лет. Пусть будет четыре. Потом — университет. Еще четыре года. После — стажировка, причем никого сразу не распределяют на дальние объекты, и молодые спецы обмахориваются на Земле — еще года четыре. И что же у нас получается? Четыре, да четыре, да четыре — итого двенадцать лет. Которые для вас начнутся только, напоминая, после окончания средней школы, что случится не ранее чем через год. В общей сложности от иных планет вас отделяют тринадцать лет весьма насыщенной жизни. Тринадцать — нехорошее число, но что поделать?

— Все это формализм! — яростно выпалил Заруба. — Косная, отжившая система! Через тринадцать лет устареют те знания, которыми мы обладаем сегодня! А там, на дальних объектах, сегодня на счету каждый такой человек! Вы же предлагаете нам вяло шевелиться здесь, в то время когда... когда... когда там... каждый...

Он сбился под ласковым взглядом Нелыкина. Тот сидел, подперев подбородок кулаком, и, не мигая, разглядывал выступавшего — так, словно был его бабушкой, приезжающей из деревни раз в год.

— А что ж вы, товарищ, там со своими знаниями делать-то будете? — елеинно спросил он окончательно стушевавшегося Зарубу. — Марс, как говорят, не загородная дача, там теоретикам туго. На Луне тоже вопросы решаются не одной только силой мысли, там еще и навык нужен. А уж на каком-нибудь Ганиমেде сам черт оба копыта своих обломает, вместе с рогами. Так куда ж вы собрались, ребята, заочно обучающиеся, а?

Заруба ожесточенно сопел, но Гильямов подумал несколько секунд и ответил:

— Вот там, где теоретикам тяжело, а ваши черти копыта ломают, мы опыта и наберемся. Быстрее, чем здесь, раз в сто быстрее!

— А нет такого закона, — сказал я. — Нет такого закона, чтобы советские школьники опытом обзаводились за счет здоровья и жизни сотен других людей.

Я подождал, пока оба путешественника нальются устойчиво красным, и продолжил, ткнув

пальцем в потолок, в данный момент как бы символизирующий ледяной вакуум Вселенной:

— Вот там, граждане задержанные, любая ваша ошибка, даже самая ничтожная, обязательно обернется катастрофой. Так что такой опыт обрести вы сможете только один раз — первый, он же последний...

На панели стола вспыхнуло окно дежурного, я ответил. Дежурил Токорбаев — и я увидел, что его и без того не самые широкие глаза сейчас вовсе ужались до минимума.

— Товарищ майор, за диверсантами прибыл конвой! — судя по всему, эта новость его самого отчего-то весьма радовала.

— Ну, впустите конвой...

Конвоиры были старше задержанных лет от силы на пять. Главной была инспектор кзылординской Детской комнаты милиции лейтенант Динашева — обладательница умопомрачительных ресниц, черной косы и редчайшего казахского имени Пенелопа. Новенький бирюзовый мундир, несомненно, ей шел, но в комплекте с этими вот километровыми ресницами и всем прочим выглядел некоей архаической нелепицей, вроде тазика, который Дон Кихот из Ламанчи таскал на своей голове, полагая шлемом Мамбрина.

Санчо Пансой при инспекторе Пенелопе Динашевой состояло некое гражданское лицо лет девятнадцати, со старательно нахмуренными бровями. На гражданском лице будто бы даже светилась надпись: «Я — студент педфака на практике; будьте снисходительны!».

Сразу после взаимных представлений инспектор начала суетиться. Она зачем-то еще раз сняла биометрию с задержанных, еще раз убедилась, что они — именно Гильямов С. О. и Заруба В. П., сделала еще одну копию акта о задержании и в конце концов затеяла еще одну разъяснительную беседу.

— По Союзу это уже восьмой случай с начала года, — сообщила она почему-то Нелыкину. — В прошлом году было зафиксировано девятнадцать попыток проникновения детей и подростков на космические суда. Восемь случаев переохлаждения, десять случаев обезвоживания, иные травмы. Одного мальчика придавило погрузчиком — в результате у него серьезно поврежден позвоночник...

Субчики наверняка слышали всю эту статистику неоднократно и не проявляли ни малейшего раскаяния по поводу возможных несчастий. Зато Нелыкин встрепенулся:

— А ведь их всех в погрузочном шлюзе отлавливают, и этих — тоже, — сказал он. — Они отчего-то уверены, что на корабль можно попасть именно таким путем...

Гражданское лицо вдруг фыркнуло:

— «Отчего-то»! Понятно — отчего. Начитались Курлыкова, вот и весь секрет. Ну, Курлыков, публицист. «Двадцать очерков с маршрута Земля — Марс — Земля». Сам-то он за пределы космопорта на Марсе не выходил, но слывет главным специалистом по побегам с Земли.

Нелыкин посмотрел на него с уважением. Он вообще пренебрегал теоретической базой, потому что в уголовном деле больше полагал-

ся на практику, в которой равных ему было немного — до операции на сердце. А тут вдруг паренек с ходу объяснил то, над чем мы ломаем голову уже третий год: почему вся эта публика рвется именно в самый опасный погрузочный шлюз.

— Этот Курлыков много всякой ереси написал в книжке своей, — с хищным удовольствием продолжил изобличать практикант. — Просто удивительно, что еще никто не погиб, следуя его советам. А ведь следуют! Под впечатлением от примера московского пионера Васи Середяна, якобы бежавшего на Марс и даже принятого там в бригаду связистов. Разумеется, Вася Середян существует лишь в воображении публициста Курлыкова... Эх! Взять бы его за шкурку да заставить написать опровержение!

Белобрысый Заруба свирепо глянул на гражданское лицо и, судя по всему, собрался было заявить, что, дескать, нет такого закона — советских публицистов за шкурки хватать! — но потом вдруг передумал и с индейским хладнокровием уставился в стену.

— Ладно, — сказал я, — пакуйте эти молодые организмы.

— Что? — переспросила инспектор Динашева, моргнув несколько раз — так, что случился даже небольшой сквозняк.

— Забирайте. — Я сделал рукой величественный жест. — Вы их сразу домой отправите?

— Нет, поздно уже, ночь, — ответила она. — Переночуют у нас в Центре, а утром мы их ведомственной «стрелой» отправим в Акмолинск.

★ Там их Ольга Павловна встретит. Ребята, вы ведь знаете Ольгу Павловну?

Судя по тому, как померкли их взоры, эту самую Ольгу Павловну ребята, уж конечно, знали очень хорошо — и воспринимали ее куда серьезней, чем старых клоунов вроде меня. Должно быть, сложная женщина.

Инспектор снова засуетилась: оказалось, что собирать в дорогу аж двух старшеклассников, оснащенных аж двумя рюкзаками, — занятие ответственное и даже драматическое. Наконец, усталые и недовольные ребята были готовы вернуться домой.

— Спасибо вам большое! — часто-часто замахала ресницами лейтенант Пенелопа Динашева. Смотреть на это можно было бесконечно.

— Нам-то за что? — ответил я. — Вот внизу, на пропускной, дежурит сержант Токорбаев, задержавший этих правонарушителей. Вот он — герой. В торжественной обстановке вручим ему орден. «За поимку космических зайцев», второй степени, да.

— За двоих разве не первая полагается? — хмуро пошутил Гильямов.

— За двоих — вторая. Вот если бы вы оказали сопротивление при задержании, то тогда бы была первая!

— Ага, — хмыкнул Заруба. — И нашивка за ранение. Пойдем, Гиля...

— До свиданья, девочки и мальчики. — Я отсалютовал им ладонью и закрыл дверь. Даже когда они зашли в лифт, было слышно, как неистовствует Пенелопа Динашева, взывая к взрослой сознательности отдельных школьников. Вот

так вот. Я им полчаса объяснял, что никакие они не взрослые, а самые что ни на есть дети (во вполне свинской причем манере объяснял), а она мне сейчас всю эту педагогику порушит за пять минут. «Взрослые», да уж...

Правый висок уже давно ныл пронзительно и длительно, а в левый, наоборот, вяло долбилась невнятная тупая боль. Присев на стол, я принял свой вечерний коктейль из пилюль, запив его выдохшимся нарзаном.

— Охраниловка у нас — ни в какую, — рассеянно наблюдая за мной, сказал Нелыкин. — От верблюдов и овец еще помогает, а от старшеклассников — уже нет. Они в нужном секторе сканеры заблокировали за минуту. А уж через три забора перемахнуть таким акробатам — тьфу. Фашистов на нас нет, вот что. Расслабились... Ты домой-то едешь?

— Смысл? — спросил я, допив минералку прямо из горлышка. — В семь утра орбитальный транспорт встречать. Так что я лучше в комнате отдыха устроюсь, за аквариумом. А ты дежурь. Но до шести чтоб тишина, понял?

Нелыкин изучил болезненную гримасу на моем лице и отключил подпитывающую мигрень иллюминацию. В сумраке матово тлели панели столов и открытый нелыкинский монитор. А еще через окно валил, как пар из распахнутой бани, зыбкий белый свет.

Далеко справа от нас поднималась над степью ослепительная, равнодушная к земной гравитации медуза. Очертания корабля нельзя

было угадать в этом не то облаке, не то клубке ионовых сполохов, ползущем в термосферу, но судя по тому, что начиналась среда, с одной из площадок Северного корпуса стартовал лунный грузовой.

Словно компенсируя отсутствие на ночном небе своего пункта назначения, корабль сам поливал землю белесым мерцанием, высвечивая взгорки и солончаки, обозначая непроглядными тенями рытвины и низины. Слева блестела, змеясь, Сырдарья, а наискось от нас сверкала нитка ЛЭП, прямая, как джеб. Она устремлялась сначала на север — в подстанцию Оразбай, — а потом, сложно изламываясь, тянулась через пески и степи, через Бетпак-Далу и Сары-Арку до самой Курчатовской зоны, энергетического сердца континента.

И неся к нам по той топе вырабатываемый десятками реакторов ток: через Сары-Арку с Бетпак-Далой, через степи с песками, на подстанцию Оразбай, — к пяти корпусам космопорта, в силовые ангары. Начавшее свой путь в семипалатинских пустошах, электричество заполняло аккумуляторы антигравов и ускорителей здесь, на Байконуре, чтобы уже очень скоро, обретая свободу, поднять корабли на орбиту Земли и оттуда разогнать их до скорости, близкой к своей собственной.

И так же, как все эти килоджоули, стекались к нам дети. Сначала — по два-три в год, потом — по пять-шесть, теперь вот по десятку, а скоро счет пойдет на дюжины. Со всех окрестностей, где были космоцентры: из Ташкента, из

Шымкента, из Алматы, Караганды, Астрахани, Акмолинска, Омска...

Мы ведь очень длинно рассуждали о том, какими будут эти дети. Нам казалось, что самое главное — это накормить их и защитить, мы много об этом говорили, но тут вдруг получилось, что есть еще одна большая проблема. А именно: мы не предвидели дальнейших трудностей.

Жизнь моя началась с забот, диктуемых нехваткой пищи, а потом ее, жизнь мою, определяла злость. И ничего другого я не знал и знать не хотел. Но вот эти мелкие, вдруг подумал я, даже если и столкнутся с голодом — то не утратят своего человеческого достоинства. А если случится в их жизни ненавидеть — то они не позволят ненависти быть движущей силой... Что же направляет этих детей?

Детей?

Разве человек, осознающий свою нужность и взирающий на себя с точки зрения общей пользы, может быть ребенком? Вот ты, Владимир Федорович, можешь позволить себе такую роскошь — рассуждать о собственной пользе? Года через три, когда настигнет тебя пенсионный возраст, переведут тебя на должность Почетного Протирателя Штанов — в какой-нибудь Совет ветеранов МВД, и польза твоя будет метаться между конференциями и санаториями, между, видишь ли, общением с журналистами и катанием на байдарках.

В оконном стекле отражался уже начавший сутулиться пожилой человек. Несколько скособоченный от трех дырок в кишках, левее пупа,

лысоватый, в расстегнутом кителе, провисающем над нестандартным, по случаю протеза, плечом. И с навсегда застывшей на физиономии гримасой подозрительной набыченности.

«Я — старый мент на списание; будьте снисходительны!».

— Леша, а как, ты думаешь, сейчас в Швеции насчет байдарок? — спросил я. — Имеет смысл?

Нелыкин встал из-за стола и тоже приковылял к окну. Осмотрел меня скептически и остался недоволен.

— Это все нервы, Федорыч, — сказал Нелыкин. — Не берегут они наши с тобой нервы... Вообще не понимаю, чем там детские комнаты милиции занимаются. Два школьника перестают ходить на уроки — раз. Выбирают программу подготовки в космоцентре — два. Что непонятно? Трудно сообразить, что будет «три»?

— Наверное, трудно...

— Трудно было в сорок девятом году Юру Маркиза с его отморозками брать! — обозлился Нелыкин. — Вот это было — трудно!

С моей-то выслугой, подумал я, меня переводят не то что в Акмолинскую ДКМ, а хоть в Африку, только попросят координаты поточнее указать. Но рапорт лучше на свежую голову напишу, утром. А на сон грядущий не худо бы ознакомиться с творчеством публициста Курлыкова, что ли.

— Управы на них нет никакой, — буркнул Нелыкин и трижды рубанул воздух напряженной ладонью: — Ни-ка-кой!

ПРОБА ГЕНРИ

 лунной пыли особый запах — неживой. Не мертвый, нет — просто никогда живым и не бывший. Его ни с чем не спутать. В ангаре пахнет пылью. И холодно, очень холодно. Ладно, уже недолго: откроется шлюз, меня пристегнут к реактивной платформе, кто-то повернет рубильник... Разгон-торможение...

И начнется Шоу! Как всегда... и каждый раз по-своему. И отыграю я, как обычно, с полной выкладкой. На пределе. Мне иначе нельзя. Жаль, в этот раз все помощники остались на Земле, больно уж билеты дороги, но местные спецы тоже неплохи, справляются. Разве что шлифовальщикам работы больше, так ведь... им за то и платят.

Спутники увидят все, в деталях и подробностях, записи уйдут на Землю, осядут в компьютерах Студии... ненадолго. Там их разобьют на байты, проверят каждый пиксель — и, как мозаику, соберут заново. Добавят резкость, улучшат звук, цвет, поработают с запахом, выбросят лишнее. Добавят комментарии экспертов, перевод на основные языки (опционально — любое наречие планеты, лишь бы словарь существо-

вал), субтитры, рекламу. И появится очередная серия, вызовет привычно бурю — восторг и злоба, недоумение, попытки отыскать тайные мотивы, иски «за аморальность»... и, может быть, письма, благодарственные письма от людей, оставшихся в живых.

Шоу — всегда настоящее. Не игровой фильм, не компьютерная реконструкция. Я действительно рискую жизнью. Раз за разом... и выигрываю. Почти как те безбашенные парни, что прыгают с небоскребов, раскрывая парашют у самой земли. Почти... именно «почти». Они уникальны, я — нет. То, что делаю я, может каждый. Может лучше, чем я. Доказано.

Иван кивает. Хороший журналист, я помню его репортажи. Молчаливый, удивительно ненавязчивый человек — так и хочется рассказать ему все. Наверное, он шпион. Русские на этом помешаны, я читал. Слежка у них — что-то вроде спорта, и ладно бы за преступниками... Дикость какая-то — чем больше уважают человека, тем сильнее за ним надзор. Каждый шаг в Сеть транслируют, смотри кто хочет, разве что из ванной репортажи не ведутся. Так и называется — «народный контроль». Никакого уважения к человеческому достоинству. Иван объяснял, что это цена такая, за власть. Сперва выбирают, потом всей страной следят, чтоб не skurvilis'... ну и где тут логика?

Даже странно, вроде на одном языке говорим, все слова понятны, а ощущение — будто с инопланетянином беседа. Как эта страна вообще не развалилась? Ведь от них люди бегут каждый день, в год — десятки тысяч, са-

мые лучшие, предприимчивые, готовые конкурировать, любой ценой выгрызть свой кусок у жизни. Покупают билеты и едут в Свободный Мир, куда угодно, лишь бы вырваться от тирании. А эти... даже не пытаются их удержать. Не понимаю.

Сидим, проверяем снаряжение. Беседуем. «Почему не „Добрыня“, не „Зевс"?». Хороший вопрос, да. Ответ простой, но не грех и повторить: я никогда не использую уникальное оборудование. Если в Шоу требуется нож, то это будет не эксклюзивный клинок из легированного титана, а стандартная штамповка, взятая в ближайшем супермаркете. Если спасательный набор, то не «любезно предоставленный фирмой», а анонимно купленный в Сети. Только так и никак иначе. Я не ставлю рекорды, я просто объясняю людям, что могут они немножко больше, чем привыкли считать. Потому и «Пескарь» — он тут самый массовый скафандр...

В принципе ничего такого запредельно-сложного в замысле нет. Двести миль, пешком, в простом скафандре, с обычным аварийным набором... Точку высадки я не знаю, компьютер выберет случайным образом — хорошая модель несчастного случая. Всего-то — выжить и добраться до людей, самостоятельно. Испытатели такие маршруты ходили, другое дело, что то были испытатели. Тренированные парни, элита, лучшее, что есть у Человечества. У меня не так, я человек обычный. И спасти никто не станет, права не имеют: «Клуб самоубийц» — организация мощная, зря, что ли, много лет туда взносы плачу? Каждый человек на смерть право имеет,

кто посмеет вмешаться — исками разорят. Все должно быть по-настоящему, ведь если спросился я, больной и старый, то любой, кто окажется в беде... ему сдать просто стыдно будет. В этом весь смысл.

Иван кивает. Странно... кажется, он понимает меня лучше, чем я сам. Молчит, не предлагает познакомить с хорошим специалистом, как делают обычно те, кому рассказываю историю своего безумия. Да, безумия, себе-то врать зачем? Я ведь и впрямь ненормальный. Могу даже проследить, вспомнить, как сходил с ума, шаг за шагом. Начиная с приговора: «Ходить сможешь, бегать — нет» до холодного, безжалостного анализа профессионала-спасателя, разбиравшего наши ошибки... я читал в Сети. Три способа, простых, надежных... могли выбраться сами, не дожидаясь, пока улучшится погода и прилетит вертолет. Мы не знали!

Потом... потом была книга, истории про древних мореплавателей. О глупых, нелепых смертях, не от штормов, не в боях с туземцами. От жажды. Воды просто не было. Посреди океана, на деревянных кораблях, умирали страшно. Они не знали, что пресную воду можно делать самим.

И... я вдруг понял — ничего не изменилось. В наше время точно так же очень часто люди гибнут потому, что не знают о возможности спастись. Или — не веря в нее. Кинотрюки ведь совсем не «школа жизни», умения каскадера или электронного дублера не по силам обычному человеку, и не зря пишут мелким шриф-

том: «Не пытайтесь повторить». И не пытаются. И ничего тут не поделать...

Все просто — люди не хотят думать о плохом. И не думают. Пока не станет слишком поздно, уж я-то знаю, по себе. Это и стало «точкой срыва». Простой вопрос: что могу сделать я? И как я могу это сделать? Если нет ни таланта, ни денег, ни красоты. И власти тоже нет. Что может сделать калека? Одиночка — ведь не поможет никто...

Кто-то сравнивает озарение со вспышкой. Ко мне оно пришло холодным лязгом автоматного затвора — смерть интересна всегда! Поставь на карту жизнь, и тебя коснется равнодушно-любопытный взгляд. Сумеешь выжить... что ж, зритель запомнит, как ты это сделал. «Прикинет на себя» и поймет, что тоже может так. Ничего сложного, жизнь за жизнь. Остальное было просто...

Забавно: что мое Шоу, что этот русский Союз — они ровесники. Двадцать пятый год вообще был бурный, колесницу Истории в очередной раз занесло на повороте, казалось, еще чуть-чуть... как обычно в эпоху перемен. Будь чуть поспокойнее, и ничего бы не вышло, ни у меня, ни в России... нашлось бы кому помешать. Ха! Спокойно не было. Мир бурлил, кипел, балансировал на грани взрыва.

Китайцы развязали «Адвокатскую Войну», миллионами безумных, но абсолютно законных исков парализовав судебную систему США, «бриллиантовый предатель» Грей из лабораторий De Beers добавил хаоса, опубликовав в Сети простой и дешевый метод синтеза

алмазов, Канада вывела на орбиту группировку «зеркальных» спутников, наглядно показав всем желающим, что драться и переплачивать за нефть теперь совсем необязательно. Воспользовавшись тем, что никому они в данный момент не интересны, хитрые русские деловито перерезали своих вогов и начали в очередной раз строить Новый Мир, игнорируя крики в ООН, что «младенца надо придушить в колыбели, а то ведь в этот раз у них все получится».

А я... я впервые бултыхнулся в море, даже плавать толком не умея, в очках, трусах и спасательном жилете. Все прошло по плану — что опреснитель, что отпугиватель акул работали превосходно, есть хотелось несильно, и через одиннадцать дней я самостоятельно доплыл до Флориды. С тех пор так и продолжается: я пытаюсь сломать себе шею, зрители с интересом ждут, когда мне это, наконец, удастся, фирмы, производящие спасательное оборудование, так и пишут в рекламе — «проверено Генри». Ничего особого, каждый может повторить...

И повторяют. Пассажиры с «Белой Ленты», три дня дожидавшиеся помощи, пока не утих шторм (мы связали жилеты в один плот, и никто не потерялся), русские шахтеры, самостоятельно откопавшиеся из-под завала (некогда нам под землей сидеть, водки все равно нет и медведи дома не кормлены), аризонская старушка, что «добрым словом и револьвером» навела порядок среди туристов в горящем Хилтоне... они сутки просидели в противогазах, дожидаясь спасателей, семнадцать человек в ро-

скошном бассейне на двадцатом этаже (я смотрела «Большой Пожар», я знала, что делать).

Сотни жизней — все эти люди знали, что делать. Знали — да, реально. Был пример. Думаю, на весах, куда мы все когда-нибудь попадем, эти жизни... Надеюсь...

Теперь вот Луна. Слишком много тут людей, а закон больших чисел никто не отменял. Рано или поздно, но обязательно случится что-то. Людям нужен шаблон. Знание, уверенность: если смог Генри, смогу и я. А я смогу, еще не было случая, чтобы я не вернулся.

— Знакомая фраза, — смеется Иван.

— Это Колумб. Он так говорил кредиторам, когда снаряжал каравеллы.

— Нет, не Колумб. Другой человек, ты его не знаешь. Но ты вернешься. На Марсе тоже люди есть, как им без примера?

Смеемся. Да, на Марс мне тоже хочется. Может, и... А почему нет? Ну что я, двести миль не пройду? Мелочи какие!

Все, пора, время не ждет. Скафандр, оптимистичная улыбка в телекамеру, закрыть шлем, шлюз, платформа, обратный отсчет... Не могу сосредоточиться, больно уж задела последняя фраза:

«Знаешь, в этих твоих Шоу были моменты, когда ты не имел права выжить. Чудом выкарабкивался. И... никто не пытался помочь. Запрет, иски... это ведь так удобно — разрешение смотреть, как гибнет человек, и не спасать. Знаешь, „Проба Генри" — это ведь не техники проверка, она давно уже надежнее людей. Ты людей проверяешь. А люди ее не прошли ни разу».

Да, фраза задела больно. Но чего он ждал? Люди всегда такие были. Природу не обманешь. Станный он. Ну ладно я, так давно с ума сошел, все знают, кто бы спорил. А эти... Неужто они там все такие? Так не бывает!

А в ушах то набатом, то шепотом звенят прощальные слова:

«Не знаю, как там с Марсом будет, но с Луны ты вернешься. Гарантирую».

СИНИЕ ПТИЦЫ

орт догорал. То, что это именно конвертоплан, догадаться было трудно. От приземления конструкция изрядно смялась. А потом еще взрыв и пожар...

Первая ЗУРка ударила в хвост, снеся напроць балку, закружив тяжелую машину, такую надежную на бетоне взлетно-посадочной и такую хрупкую, когда в нее врезается четыре килограмма взрывчатой начинки... Вторая ракета со всей капиталистической ненавистью вспоролла десантный отсек беспорядочно кувыркающегося «конверта».

Смолин безуспешно пытался выровнять разваливающуюся машину под свист ветра в рваных ранах фюзеляжа и бессвязные крики оператора... Время ускорилося и замедлилося одновременно. А серо-красное каменное разноцветье ущелья становилось все ближе...

Засаду подготовили качественно, будто знали, на какой высоте пойдет дежурный «конверт». Стреляли не обычным «Стингером», которых в этих горах еще с тридцатых множество осталось. Нет, ударили чем-то куда более новым и хитрым. Ни тепловые ловушки, отстреливающиеся, чуть почуяв легкое касание вражеско-

го взгляда, ни «Береза-4 СМ», которая сводит с ума любую электронику, даже самую защищенную, не спасли. Майор успел увидеть две дымные спирали, свалиться в противоракетный маневр не хватило ни времени, ни высоты. Да и какой высший пилотаж на «конверте»?.. Хорошо, поисковая группа высажена. Ребята основную часть диверсантов взяли, с юга донеслись звуки короткой перестрелки, да на оперативной волне потоком лился «белый шум» — верный признак усиленных шифрованных переговоров...

Его выручил летный комбинезон-«хамелеон», смягчив удар мгновенно накачавшейся воздушной прослойкой. Майор осмотрелся. Слева виднелись оранжевые пятна, плохо различимые сквозь черноту копоти. Ну да, все верно. При таком падении комбез автоматически включает оранжевый цвет, различимый даже сквозь листву.

Вот только экипажу это помогло слабо. Со всем даже не помогло. Гудящая волна пламени после взрыва баков мало что оставила и от бортингенера, и от оператора. Не повезло ребятам.

Смолин попробовал подняться и понял, что и ему не особо повезло. Позвоночнику, похоже, хана — ноги не ощущаются и не шевелятся. Левая рука сломана — ткань угловато встопорщена костями. Встроенная в «хамелеон» аптечка, чуя умными датчиками состояние пилота, старательно пичкала противошоковыми и прочей химией. Даже голова была звонкой и ясной. Впрочем, майор предпочел бы свалиться в беспамятство. Когда ты без сознания, ожида-

ние куда проще. Догонять — плевое дело. А вот ждать действительно тяжело.

Особенно зная, что у «617-го» левый движок снят под замену, а «616-й» — у соседей. То ли показательные выступления, то ли еще какой «балет» планируется. В отряде особого назначения охраны СБЗ на сегодняшнее утро оставался единственный «летучий» борт. Тот самый, что чадит жирным вонючим дымом. Разве что китайские товарищи «крокодила» своего поднимут, на котором двадцать лет назад по Синьцзяну мятежных уйгуров гоняли...

Но ждать надо. Помощь придет в любом случае. SOS пошел по всем каналам связи. Но вот когда, хрен ту помощь знает. Пока свяжутся, пока согласуют, пока взлетят, пока выйдут по координатам. А у товарища Смолина, хоть он и не железный, ресурс кончается. И по личному «комму», что пригрелся в кармане разгрузки, в отряд дежурному не позвонить — «Спица» забивает нужный диапазон наглухо.

Почти беззвучно догорали обломки. Над жаром возникло марево, причудливо прозрачно-миражное. Казалось, погибшие ребята живы и пытаются встать. Но все никак не выходит...

Проект сети станций безракетного запуска, в просторечии — «Спица» (иначе и не назовешь тонкую серебристую иглу, возносящуюся за облака), был международным. Такой размах в одиночку не вытянуть. Десять станций в планах! От экватора до Заполярья. А первая здесь, на Памире. Оттого и столько желающих эту самую «Спицу» уронить. Ведь кто откажется навредить сотрудничеству столько стран? Понятно,

что в случае провала программы Союз с Китаем и Индией пожмут плечами и возьмутся за что-нибудь иное. Не менее масштабное и грандиозное. Но вот той же Швеции, к примеру, в следующей задумке места может и не достаться. А ничто так не сближает, как совместный труд. И о людях можно сказать, и о государствах. А Швеция нужна. Даже не союзником, а хотя бы дружественным нейтралом. О союзничестве потом разговор будет...

Вообще, по мнению майора Смолина, заместителя командира 3-го авиаотряда ОСНАЗ, за охрану подобного объекта отвечать должен кто-то один. Хрен с ними, пусть индусы даже! Посадят за каждый камешек туга-душителя с шелковым платком-румалом в руках, кинжалом в зубах и бесшумной «Кхандой» на коленях. И ни один враг не пройдет! Даже самый хитрый и матерый. Но это в мечтах. А на деле — разбивка на четыре сектора и коллективное принятие всех важных решений. Как говорил старый знакомый, капитан Национальной Народной Армии Рихард Швальбе: «Вельт Политик — это не шубу в трусы заправлять! Логика иная. Не менее дурацкая».

Диверсионной группе помогал кто-то в хороших чинах. Его, конечно, найдут, очень уж очевидно содействие изнутри. Но сегодня ночью АЭС, от которой на «Спицу» шло процентов сорок энергии, спасла случайность. Патруль, зашедший чуть дальше обычного маршрута, погиб всем составом. Но сигнал тревоги в эфир ушел. И завертелось. Вражины, сообразив, что дело не выгорит, стали уходить. Точно по сты-

ку советского и китайского секторов. Очевидно, рассчитывали, пока командующие будут выяснять, кому ловить, под шумок затеряться. Но снова нарвались. На этот раз на пограничников. От наряда диверсанты кое-как отбились, потеряв двоих убитыми и нескольких ранеными. Но их уже вели.

В десантный отсек МиК-14 помещается одиннадцать десантников. Если они советские. Китайцев набилось человек пятнадцать. Сергеич все хмурился — потянет ли «конверт» в разреженном воздухе с таким перегрузом. С хрипом-всхлипом, но потянул. Высадили отсекающую группу и потянули обратно... То ли поропол перестал действовать, то ли организм сам по себе начал сдавать, но голова потяжелела. Мысли стали медленными и тягучими...

* * *

Медленно-тягуче тянулась в стакан коричневая струйка. Стакан был правильный, граненый и старинный на вид. Видимо, завезенный на остров еще в Карибский кризис. И, судя по одухотворенному лицу бармена, — истинное сокровище, которое не достают из тайных мест для кого попало. Но они-то «кем попало» точно не были! Молодые лейтенанты были лучшими. Впрочем, это чувство естественно, когда тебе всего двадцать два года и ты еще не отучился коситься на новенькие звездочки на своих полевых погонах. На золотом шитье они смотрелись бы куда лучше! Но и на не успевшем выгореть

★ под жарким солнцем камуфляже выглядели убедительно и весомо!

— Мы с советскими товарищами всегда были братьями! Вы нас не оставили в беде и вернулись! — очень серьезно и на весьма неплохом русском сказал смуглый бармен, поставив рядом с полным стаканом три бокала и еще одну бутылку рома. Бутылка блестела черным пузатым боком и вообще выглядела крайне вызывающе. — И поэтому, компаньерос, нам надо выпить за дружбу! И за удачу в делах! — подмигнул кубинец, заметив, куда так внимательно смотрят молодые летчики. — Хотя такие блестящие офицеры просто обязаны ловить удачу за хвост! — и громко засмеялся, не забыв наполнить все емкости.

По местной жаре даже пятьдесят граммов алкоголя надежно кружили головы непривычных к выпивке лейтенантов. А уж взгляды кубинок, их шоколадно-белозубые улыбки... Нужна парням удача. Пусть солнце греет, а не обжигает, пусть только в баре и кружится голова. Это пройдет, удача с нами — без нее местных хлопцев-курсантов не научить летать. Горячие, так и норовят вколотиться стеклянным лбом учебного МиК-8 в белоснежный песок пляжей у полигона.

Начальство сидело далеко, да и не собиралось оно следить за подчиненными, искренне надеясь, что те — сознательные офицеры.

А ее звали Мария Мирабель Анчес Угальдиньо...

* * *

Майор, с трудом вырвавшись обратно в реальность, очумело потряс головой. Рядом что-то оглушительно взорвалось. Второй, третий раз... Боекомплект рвется. Странно, сразу не сдетонировал. Или это пули из гильз вышибает от жара?..

Гадать о причинах смысла нет. Вот тихонько порадоваться, что до сих пор не пришибло осколком, — это можно. Тело пронзило болью. Пилот заскрипел зубами, в бессильной злости царапая правой рукой камни. Это же надо, так подловили. Ни встать, ни сесть...

Наверное, ползучие от грохота расплозились. Собственно, змей и всякой паукообразной дряни в здешних горах немного. Не то что в памятном заливе Острова свободы. Поначалу жутковато было купаться у авиабазы, потом привык. Удачной та командировка вышла... Конечно, пришлось кабину долго отмывать — похмельному организму конвертера высший пилотаж плохо давался. Но выкрутил. И даже кого-то из новоявленных «червяков»-«гусанос» накрыл удачно... На учебный «конверт» блоки вооружения не подвешивались в принципе. Технари бомбы прямиком из грузового отсека спихивали — аж экзоскелеты парней гидравлической плескали! Кто же знал, что янкесам взбредет Залив Свиной творчески переосмысливать и воплощать в утроенном размере? Да еще и ранним утром июньского воскресенья... Не работает это против нас. Даже если высадка в темноте и под прикрытием атомных авианесущих под-

водных крейсеров. Вот и получили не захваченный остров, а пляж, забитый горелыми десантными ботами — «подушечниками».

Коротко прогрохотало в последний раз, и канонада прекратилась. Тишина. Даже пламя не трещит горелой пластмассой. Нажралось наконец. В сторону погибших Смолин старался не смотреть. Так-то смерть видеть доводилось часто — в авиации потери случаются и без участия противника. Да и штурмовать довелось не только над океаном. Но с этим экипажем майор летал четвертый год...

Окружающие вершины презрительно взирали на скорчившегося у обугленных обломков человека в ярко-оранжевом комбинезоне. Надо же, про океан вспомнил! Памир кругом. Белизна снегов, серость камней, радужность лишайников.

Майор больше всего любил зеленый. Скорее даже цвет молодой листвы. Апрельско-майской юной листвы, еще не потерявшей яркость от жары...

* * *

— Папа! Папа, вставай! Опоздаем ведь! Точно-точно опоздаем!

Обычно в отпуске майор валялся в постели до последнего — отсыпался впрок. На службе ведь то полеты, то тревоги, то матчасть, то молодежь обучать. Хорошо хоть боевых вылетов сейчас нет...

Но сегодня выспаться не получилось. Топочут, на постель лезут, сопят — Лешка за дво-

их старается. Ему и пяти еще нет, но парень сознательный. Получив с вечера задачу, исполняет с рвением.

— Пап, доброе утро! — Мигель остался у двери. Старший сын пошел характером в дед — на удивление неторопливый и обстоятельный. Уже и профессию выбрал — в снайперы примеряется. А что, усидчивости на троих хватит. Если бы еще уроки не прогуливал — скучно, мол.

— И вам всем привет, сыновья! — Смолин подхватил смеющегося Лешку, поставил у кровати. — Так, бойцы невидимого фронта, а вы сами готовы?

— Так точно, товарищ отец! — мгновенно посерьезнев, кивнул младший, только в глазах чертенята так и прыгают. — Даже товарищ мама почти готова! Только ты все спишь и спишь!

С улицы донеслись нестройные звуки. Дворик коттеджа выходил в тылы центрального проспекта, и перед большинством праздников оркестры проводили предполетное слаживание и прочие шлифовки сыгранности именно здесь. Захочешь — не проспишь!

— Двадцать первый век скоро кончится, а они будто при феодализме выдывают — никакого прогресса!

А вот и мама пришла. Стоит, улыбается.

— Все бы тебе бурчать и возмущаться!

— Привет, Маша-Мирабель...

А за распахнутыми окнами зелень листвы и багрянец флагов. «Пограничные цвета!» — гордо говорил дед, сорок лет отдавший службе.

В «пограничные» вплетался золотой — буквы на полотнищах.

На молодого майора, что шел в общей колонне, оглядывались часто. И не только из-за ослепительно красивой смуглой женщины рядом. Награды на летнем кителе, нового образца, с воротником-стойкой, тоже взгляд приковывали. «Плайя-Хирон» и Боевое Красное Знамя за Кубу. Орден Мужества — за испытания «ноль двенадцатого». До «Козы» — Космознака — всего двух подъяемов в космос не хватило...

— «Мир! Труд! Май!» — лихо прочел Лешка, что с комфортом передвигался на плечах у папы, — «По-бе..»

— «Победа!» — подсказал Мигель, зная, что написано на сияющем уличном экране...

* * *

Что на этот раз вырвало из полудремы, майор понял, лишь полностью отключив акустическую защиту шлема. Кто-то летал рядом. Маленький, но шумный. Напротив Смолина, метрах в десяти, на камни сели две пестрые птицы. С голубя примерно, синие, с рыжинкой на крыльях. Еще тактический номер на бок — и полная копия «конверта». Только пернатая и шумная. Улары, что ли? Майор с трудом вспомнил единственное название, которое зацепилось в памяти. Нет, вряд ли. Улары — они толстенькие, упитанные. Ладно, пусть будут сойками. Памирскими. Синие, надо же. Прямо удача воплощенная...

Птицы стрекотали, косились блестящими угольками. Вдруг разом, как по команде, удари-

ли крыльями и вспорхнули. Смолин проводил их завидующим взглядом. Вот у кого всегда будет небо...

И беззвучно выматерился, поняв, из-за чего всполошились сойки. К месту падения кто-то шел. Несколько человек. Точнее, не видя, не считать. Идут быстро. Речь...

С «обучалкой» пилот занимался полгода назад, и знания, не применяемые на практике, потихоньку выветрились. Но и остатка хватало, чтобы разобрать главное. Это не спасатели. Спасатели удачному выстрелу не радуются.

Паршиво! Майор вырубил сигнальную окраску комбинезона, включил максимальную адаптацию к местности. И стал ждать.

К дымящим останкам конвертоплана вышло семь человек. Все в индийской горной форме. На поясах зализанные коробочки «стелс-адаптаторов», маскирующих не хуже майорского «хамелеона». Пара советских автоматов — древняя, но надежная «сотая» серия, новенькие «китайцы». Индийская снайперка... Ребята на все случаи жизни подготовились — любые трофейные патроны сгодятся. Ну, наши точно сгорели, вместе с автоматами из НАЗа...

Ух ты, вот кто основной шум создавал! Двухметровая фигура, сгорбленная, но не от тяжести, а потому что такой уродилась. С десятков тубусов от ЗУРок, какие-то ящики и мешки навьючены без счета. Крохотная голова прячется меж плеч, глазки — как бы не меньше, чем у соек...

Не простая группа. «Мулы», то есть генномодифицированные люди, которых и людьми-

то назвать можно только в темноте и издалека, официально числятся в линейке вооружений всего нескольких спецслужб. Неофициально — еще у двух-трех. Это не турецкая и не пакистанская группа. Это или Европа, или США. Так, у четверых неприятно знакомые приборы на легких касках. Даже не паршиво! Еще хуже. «Хамелеон» не виден в оптическом диапазоне, а тепло излучает — только в путь. Отсканируют по секторам и добьют. Или взвалят на «мула» и утащат. Неизвестно, что хуже.

Раздался легкий шум, на грани слышимости. Слишком монотонный, чтобы списать на птиц. На секунду стало легче дышать. Майор даже боялся поверить, что его нашли свои.

Диверсанты закрутили головами, один надвинул тепловизор, уставился на восток — в сторону «Спицы», махнул рукой. В ту сторону вскинули стволы остальные. «Мул» заворчал, заозирался, переминаясь с ноги на ногу. Смолин скривился. Просто счастье, что мы такими уродами не пользуемся.

Полупрозрачная капля с короткими узкими крылышками вывернулась из-за арчи, сломанной падавшим 618-м, на долю секунды окуталась дымом. Жахнуло. Два диверса упали как подкошенные. Еще один начал заваливаться, зажимая ладонями остатки лица. Тут же с крохотного пилона сорвалась вторая смертоносная черточка. Пыхнул разрыв, уронив взывшего от боли и ужаса «мула». Безоружный беспилотник, развернувшись чуть ли не на месте, попытался сбежать. Не успел. Дистанция стрельбы — в упор. Не промазать, даже если тебя крепко

приложило ударной волной и посеколо броню осколками. Очереди скрестились на капельке. Показалось — искры летят от обшивки. Взрыв. Пронеслась очередная волна горячего воздуха. Выжившие враги не паниковали. Разбежались по прогалине.

Один подскочил к раненому, склонился на миг, выпрямился. Взялся за автомат. Вторая очередь досталась «мулу». Еще один, тот, с тепловизором, подошел к конвертоплану, вскинул руку к шлему. Фотофиксация для отчета. И не торопятся, будто не догадываются, что за одним беспилотником придет еще несколько. А то и свалится на голову тревожная группа. Или, наоборот, знают то, во что верить не хочется?..

Нужно просто переждать, отлежаться. Может, не заметят, пропустят.

Нога «фотографа» коснулась того, что когда-то было веселым и добродушным капитаном Васильевым...

Боль, что до этого накатывала редкими волнами, начала захлестывать сознание. Не вовремя аптечка исчерпалась. Пальцы не слушались, но пистолет встал на боевой взвод. Выстрелов майор не слышал, только легкие толчки в кисть. «Фотограф» упал, беспомощно вскинув руки — словно сдаться решил. Рядом с командиром неуклюже свалился второй, тот, что добивал своих подельников. Пуля вошла точно под срез шлема. Щелкнул вхолостую боек. Вот и все. Выжившие подходили осторожно. Скалились. Ну да, такие же индусы, как майор Смолин — ханьский мандарин. Опустевший пистолет упал на камни, погас датчик предохранителя, неуверен-

но мигнув напоследок. Запасной магазин есть, но не успеть...

Майор выцарапал из набедренного кармана рельефный цилиндрик гранаты. Не будет здесь ничего, кроме пятна копоти на камнях. Землю жалко — спечется до стекла. И птиц. Которые памирские сойки. Нет, не сойки! Синих соек не бывает. Это сизоворонки.

Точно, сизоворонки!

Майор попытался улыбнуться. Ничего, синих птиц удачи пламя не коснется. Они уже улетели.

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

лучалось вам гулять с любимой девушкой по родному городу?

Я вот гуляю. Прямо сейчас. Здорово, правда?

На самом деле не так уж здорово. Во-первых, девушка не знает, что она — любимая. А во-вторых, я не был в родном городе целых три года. Это ведь срок...

Инка мне всегда нравилась. Еще со школы. Но я, чего греха таить, был тогда трусоват. Мы с Инкой с детства дружили. И когда стали постарше, тоже — только дружили. Знаете, как говорят: не можешь любить — сиди и дружи. Не решался я ей признаться. Это красавчикам в любви признаваться хорошо. Хоть пять раз на дню, всем подряд. А я ушастый. Нам, некрасивым, признаваться трудно.

В общем, подружились я так до того, что окончил школу, высшее получил и распределился в... научно-исследовательский институт на другом конце страны. Обычно мальчишки на север едут. Чтoб, так сказать, овеяться суровыми северными ветрами. Добрать мужества. А у меня наоборот вышло. Уехал взрoслеть с севера на юга. Субтропики, пальмы, девушки симпатич-

ные. Они на юге гораздо виднее из-под одежды. Но я все равно постоянно Инку вспоминал.

Ну перезванивались мы с ней. Друзья же. Она меня «верным подругом» называла, когда хотела позлить. Вот, рассказала, как появился у нее нереально-ангельский. Имя его она с придыханием произносила. И глаза у нее были... Короче, втрескалась Инка по уши. Поздравил я ее уныло. Вот ведь, говорю, радость какая... Пожал в полной мере плоды собственной трусости.

В тот вечер пошел топить тоску в спиртном. Водку попробовал — тьфу, гадость! Жжет, противная, пить невозможно. Ударил по вину. Южное вино хорошее, вкусное. Но с него же не напьешься. Никакого забытья. Только голова кружится. Вот я после бара и докружился до встречного полицейского патруля. Приняли они меня в нежны руки, отвезли в отделение бережно, уложили заботливо — в отдельную каморку, под чистым одеялом. Я полицейским по пути успел поплакаться о жизненных обидах.

А с утра пожилой майор по-отечески аккуратно вставил мне моральный пистон. На предмет, что печаль во спирту топят только слабаки, а настоящий мужчина либо сам ситуацию принимает, либо меняет. Выставили меня из отделения. Я, пристыженный, на работу помчал. А там мне после работы тоже на общем сознании вставили — из полиции ж сообщили. Проработали меня так, что аж сгоряча чуть не женить собрались. Было у наших суровых деву-

шек из бухгалтерского отдела такое предложение. Насилу отбился и обещал больше с горя не пить. Только с радости.

На том и порешили.

На следующий день — принял я. Не спиртного, ситуацию. Если любишь, так надо радоваться за человека. Главное, пусть тот, нереально-ангельский, Инку счастливой сделает. Ударился я с головой в работу. Тема у нас, правда, была интересная. Наш институт вообще зеркала делает. Хорошие, кстати, зеркала. Так что я хоть и молодой специалист — а зеркальных дел мастер. Впахивал ударно. А в родном городе не бывал. Родители-то мои на стройку нового космодрома переехали. Отец — инженер-строитель. Так что мне на историческую родину было и не с руки. Насчет Инки подуспокоился. Так, иногда ныло к дождю, как старая рана.

Ну с Инкой, да, все равно перезванивались. И стал я вдруг замечать, что у Инки глаз-то не блестит. Улыбка померкла. Почуял я путем дуктивного метода и тонкого чутья: что-то не так с нереально-ангельским. Уточнил все у своей агентуры (как-никак одноклассников в родном городе полно). Да и с матерью Инкиной у меня отношения замечательные. Она и была мой главный агент, у нее свой интерес.

Короче, оказался нереально-ангельский — козлицем. И это еще эвфемизм. Шлялся он по друзьям, пахнущим женскими духами. Женился обещал. Детей не хотел. Ему и так все замечательно было. А потом и вовсе появилась у него другая, главная женщина в жизни. Рассказал он Инке, что любовь была, но сердцу не

прикажешь — и катапультировался в прекрасное далеко.

Фините-ля.

Я как узнал, мне стыдно стало. Хоть в петлю лезь. Это ведь из-за меня все случилось. Из-за моей юношеской трусости. Если бы я в свое время Инке в любви признался... Ну... всякое могло быть. А вдруг бы стала она моей? Не было бы у нее тогда в жизни нереально-козлогорого. А я ей на это даже шанса не дал. Если кого любишь, должен быть готов защитить. А я, выходит, осечку дал, пока свои страхи лелеял.

Я про это всю ночь думал. Наутро пришел к руководству и говорю: нужен отпуск, еду в родной Энск. Неодолимые личные обстоятельства. А мне руководство в ответ: никакого тебе отпуска, хлопчик, мы тебя в важную командировку посылаем. Я вспыхнул, сразу обострять полез. Но не успел, потому как руководство говорит: вот в родной Энск в командировку и поедешь. Потому что решение принято — испытывать систему в городских условиях будем там.

Я аж чуть мимо стула не сел.

Совпадение. Судьба.

Такси. Самолет. Снова такси... Вот и город родной. С этим теперь просто. Это раньше, до второго Союза, билет, говорят, ползарплаты мог стоить. Прибыл я, поселился в гостинице, связался со своим «главным агентом». А потом набрался духа — Инке позвонил. Зашел к ним домой. Инка мне так обрадовалась, что я и не ожидал. Главный агент меня пирогом нагружает и подмигивает усиленно: мол, штурм унд дранг, все такое... Ну я Инку гулять пригласил. Пока-

жи, говорю, что в городе изменилось. Три года не был, столько здесь настроили, что родного города теперь не знаю. Айда?

Инка и согласилась.

Айда.

Случалось вам гулять с любимой девушкой по родному городу?..

На улице было свежо. А скоро мне, теперь уже южному человеку, стало даже холодно. Шел ленивый снежок, который тут же начал оседать на пушистой Инкиной шапке, как серебряная оторочка. Мы протопали по нашему старому двору и отправились навстречу новым достопримечательностям.

— Сперва покажу тебе новые улицы нашего района, — предложила Инка, цокая каблучками сапог по заснеженному асфальту.

Как они, девушки, на каблуках равновесия держат?..

— И много их у вас? — поинтересовался я.

— Три, — улыбнулась Инка. — По одной на каждый год твоего отсутствия.

— Добро, — согласился я.

— Тогда следуй за мной.

— Тогда позвольте вашу руку, сударыня, — я изобразил правой рукой «кренделек».

— Извольте, сударь, — благоволила Инка.

И мы пошли.

— Ты хоть Расскажи, чем сейчас занимаешься? — спросила Инка. — А то все обо мне да обо мне.

— Да все тем же. — Я улыбнулся. — Зеркалами.

— Ну-у... — Инка не закончила.

— Чего?

— Не знаю. Мне всегда казалось, что ты в жизни займешься... чем-то более важным. Ты же всегда отличником был.

— А зеркала, по-твоему, не важно? — удивился я. — Стыдно слышать такое от женщины. Вот ты перед выходом во что гляделась, когда губы красила?

— В зеркало.

— То-то! — наставительно утвердил я. — А если бы не зеркала, то как бы я в тебя в школе солнечные зайчики пускал?

— Точно, было, — улыбнулась Инка. — А помнишь, как вы с мальчишками маленькие зеркальца в классе подвесили и лазерной указкой с задних парт в лицо нам засветили?

— Еще бы. Это мы с Вадькой Бастрыкиным всю перемену возились.

— А Марья Сергеевна вас потом к директору. И всему классу лекцию, что лазером в глаза светить нельзя.

— Это мощным нельзя, — отмахнулся я. — У нас все было рассчитано. Хотя дураки, конечно. Щас уже помню, как зеркальца на жвачку лепили, как ход луча рассчитывали. А вот чего в этом смешного было, не помню. Повзрослел, видать.

— Да куда уж, повзрослел, — отмахнула Инка. — В детстве с зеркалами возился. И сейчас то же самое.

— Я тебе больше скажу, — признался я. — Я на работе до сих пор солнечные зайчики пускаю.

— Да ладно!

— Точно. Надо же проверять отражательную способность. А вообще, зеркала... — Я волевым решением оборвал сам себя, — нет, а то как начну, так пять часов тебе по ушам ездить буду. Давай лучше ты мне про свою работу расскажи. Ты все там же?

— Да, учу детей. Двадцать восьмая средняя, имени Иосифа Сталина.

— Чего у тебя на работе новенького? Хотя извини, — оборвал я сам себя, — глупо спросил, у тебя в исторической науке «новенькое» не часто бывает.

— Не скажи, — обиделась за профессию Инка, — это твои зеркала небось с пятнадцатого века не менялись. А у нас сейчас как раз загвоздка: английская компартия все-таки продавала открытие документов по перелету Гесса. И о предвоенных договорах с гитлеровской Германией.

— А, слышал в новостях, — кивнул я головой. — Подлые договоры. Не зря их столько лет британское правительство стыдилось показывать.

— Ну и вот. А как учить детей? Это ведь совсем другой расклад по предвоенному периоду получается. Вот и приходится самим описывать, в меру сил. Пока ждем скорректированную программу. Хорошо, что теперь с этим быстро. Кстати, в новом варианте общего учебника, в главе по предвоенному периоду 40-х, будут учтены и мои предложения. Я их полгода назад в Минобр посылала. Теперь даже буду в списке авторов.

★ — Молодец ты! — обрадовался за Инку я. — Так я, оказывается, под руку со знаменитостью иду.

— Да ну ладно тебе, — смутилась Инка. — Нас там человек триста, чьи предложения в учебнике учили. Я ближе к концу списка.

— Все равно молодец.

Шагов двадцать мы прошли молча.

— Знаешь, — хлопнула меня по предплечью Инка, — я прямо иду сейчас с тобой, и так мне хорошо.

— Правда? — От неожиданной приятности я разомлел.

— Конечно. Я почти по такому же маршруту наших шестиклашек водила. Тридцать человек! Это как муравьев в авоське тащить. Не уследишь. А ты один. Иду вот, отдыхаю.

— Гм-м... — Честно говоря, не на такое объяснение я рассчитывал и слегка подувял. — А чего такое «авоська»?

— Ты чего, не знаешь? — округлила глаза Инка. — Совсем одичал там, на своем юге. Это же сейчас самый писк моды! Ретрофутуризм. Дико удобная вещь. Вернемся домой, я тебе покажу.

— Лады, напомню.

Мы вышли с боковой улицы и оказались на широком светлом проспекте. Перспектива была потрясающая. Прямой, как стрела, широкий, как полноводная река, с редко стоящими разноцветными домами, особенно яркими на фоне снега, он вызывал ощущение простора, праздника, движения куда-то туда, к горизонту, в лучшее завтра.

— Что-то коммунальщиков на улицах много, — заметила Инка, оглядываясь, — и полиции. Прямо столпотворение какое-то. Крупный снегопад, что ли, обещают?

— Может быть, — согласился я. Обманул ее, выходит. Я ведь точно знаю, что снегопад не ждут. Бросил короткий взгляд на часы: двадцать пять минут до лимита.

— Здравствуйте, Инна Ивановна! — затормозив, пискнуло Инке какое-то утепленное розовым комбинезоном дите со смешными косичками.

— Здравствуй, Леночка, — ласково сказала Инка.

— А это жених ваш? — поинтересовалась нахальная кнопка, развернув на меня голову так, что косички взбрыкнули.

Инка как-то странно крикнула, но не покраснела ни на тон. Потому что и так красная. Мороз.

— Нет, это мой друг и одноклассник. То есть бывший, конечно.

— Бывший друг? — уточнила девочка.

— Одноклассник. А друг настоящий.

— Поня-ятно, — важно протянула Леночка. Хотя чего ей там могло быть понятно, когда даже мне непонятно... — Я побегу тогда. До свиданья, Инна Ванна!

Девчонка вихрем рванула мимо нас, только косички взбрыкнули.

— Вишь ты теперь какая почетная стала, — ухмыльнулся я. — Инна Ванна!

— Ты еще подшпиль, — тыкнула меня локтем Инка. — Хорошо еще, младшеклашку встре-

тила. А то завтра бы вся школа нам с тобой кости перемывала.

— Ну и что? Пусть бы себе пошушукались всласть. Тебе жалко, что ли?

— Нет, — ответила Инка, — не жалко. Нам направо сейчас.

Мы свернули направо, на боковую улочку. И буквально через пять минут оказались на...

— Крас-со-та! — в три приема выдохнул я.

Бульвар правда был красивый. Раскидистые деревья выстроились в две линии. А рядом с ними, ближе к пешеходной дороге, вытянулись кусты. Наверно летом, когда бульвар одевался зеленью, отсюда было почти не видно окружающий город и люди могли представить себя идущими по лесной аллее. Но и сейчас, зимой, вид был хорош. Снег одел деревья и кусты густыми белыми кронами. Оттого бульвар был похож на какое-то сказочное ущелье. По «ущелью» шли прохожие. Спешащих здесь почти не было, видимо, бульвар лежал в стороне от суетных путей. Неторопливо двигались молодые мамы с колясками. Часто — парами. Пока малыши дышали короткой зимней прогулкой, подружки обсуждали семейный быт. «А он мне такой... А Милка-то, ну ты ее знаешь...» Контрастом к расслабленным мамам навстречу прошел ведущий коляску парень. Совсем молодой, он вез передвижную люльку с таким осторожно-ответственным лицом, что напоминал сапера из старого фильма; так возят взведенную бомбу. Тронь — и бабах. Не иначе, жена доверила чадо в первый раз.

— Бульвар Санкары, — объявила Инка.

— Того самого? — переспросил я.

— Ага. Да вон он и сам стоит.

— Где?

Я повернулся, следуя Инкиной указующей руке. И правда, у меня за спиной, в конце бульвара, стоял Томас Санкара. Деревья выстроились, оберегая памятник полукрутом почетного караула. Небольшой бронзовый монумент: чернокожий человек в парадной форме армейского капитана далекой африканской страны. Он стоял, сложив руки на груди, и любовался перспективой. Бронзовое лицо его было задумчивым и удовлетворенным, легкая улыбка оттеняла губы. Похоже, ему тоже нравился бульвар.

Я знал фотографию, с которой скульптор исполнил памятник. Самый бедный президент. Чернокожий со светлой душой. Он не мог дожить до наших дней, чтоб увидеть новый СССР. Даже если бы его не убили... Время. Томас Санкара родился больше века назад. Впрочем, не дожили многие, кто был гораздо моложе. Новому Союзу пришлось отстаивать право на существование. Многие отдали жизнь, чтобы мы с Инкой могли сейчас пройти по бульвару. Наши города украшали памятники и соотечественникам. И даты рождения на них были — не старше моего отца.

— А это что? — Я показал на саблю на поясе у Санкары. Выделялась она изрядно. Если весь памятник, как и положено, успел благородно потемнеть, то рукоять сабли блестела как молодое золото.

— А это... — Инка засмеялась — наше городское поверье. Я даже не знаю, откуда... В общем, детишки верят, что если поддержишься за саблю Санкары, то станешь таким же честным и храбрым. Мой класс, когда мы сюда ходили, все потеряли. Даже девчонки. Вот.

— Чего только народ не придумает, — качнул головой я. — Наука такие успехи делает, а тут у вас заповедник. Махровые суеверия.

— Да ладно тебе, — сморщила носик Инка. — Когда-нибудь любому человеку, мужчине или женщине, придется делать в жизни сложный выбор. И если он поступит правильно... Какое значение будет иметь, что его большой путь начался с маленького суеверия?

— Ну так-то да, — согласился я. — Пойдем? — Пойдем.

Я снова взял Инку под руку, а сам, ловко извернувшись, быстро тиснул пальцами левой руки по сабле Санкары. Так, на всякий случай. Для храбрости.

Мы двинулись по бульвару.

Мимо на кавалерийских рысях проскакала мощная команда пенсионеров. Шли на скандинавских палках, давая друг другу ценные советы и беззлобно подтрунивая. «Семен, ты палку то назад тяни, отпускай в кисти... Михална, не отставай!.. Ты ж сама отстала!.. Так я от всех отстала, а ты еще и от меня...».

Я оглянулся. Санкара все так же провожал нас своей задумчивой улыбкой. Они нужны, эти памятники ушедшим людям. Они напоминают, как трудно, тяжело, опасно шли люди к новому Советскому Союзу. Ростки будущего, ко-

торое стало нашим, возрастали по всему миру, в душах лучших. И эти ростки топтали. Вытаптывали усердно, основательно. Сперва били по душам. Если не помогало, убивали людей. А люди все тянулись к свету. «Революционеров можно убить; идеи — никогда!» Это когда-то сказал Санкара. О себе. И о многих советских людях, с которыми никогда не был знаком. О тех, кто шел курсом на светлое завтра. Это надо помнить. Не просто так к нам в руки упало наше хорошее настоящее. Его создали. В борьбе. И борьба не окончена.

— О чем задумался? — тронула меня за руку Инка.

— А? — Я очнулся и понял, что уже довольно долго иду погруженный в свои мысли. — Да так, о людях... О памятниках.

— М-мм. — Инка кивнула. — А хорошо, что памятники теперь делают вот такими.

— Какими? — уточнил я.

— Небольшими, в человеческий рост, — пояснила Инка. — Старые-то памятники, помнишь? Даже времен первого Союза. Человек — десять метров! Сабля в руке — сорок метров! И все это на постаменте высотой с девятиэтажку. Подойдешь к нему — и видишь только ноздри снизу.

— Ну, — я почесал затылок, — это так предки пытались масштаб личности передать.

— Да это понятно, что масштаб. И памятники были хорошим людям. Только вот масштаб личности — он же не в размере тела. А теперь хорошо. Подходишь к памятнику и глядишь человеку в лицо. А он, может, даже ростом мень-

ше тебя. Смотришь — такой же, как ты и я. А вспоминаешь, что он сделал, — и не такой же. И хочется до его высот стремиться. Так думаю.

Я посмотрел на Инку уважительно. Я всегда знал, что она умница. Она, оказывается, о том же, что и я сейчас, думала. Только своим путем. Вот она у меня какая. То есть еще не у меня... да... Я опомнился и посмотрел на часы. Десять минут до лимита.

Бульвар вывел нас на красивую площадь. Здесь тоже были деревья, вымощенные плиткой тротуары и круговое движение. Автобусы, редкие машины и оживленная велосипедная дорожка.

— А это площадь «Первого Красного Знамени», — объяснила Инка. — Название длинное, потому часто «первознаменкой» зовут.

Видно было, почему эту площадь так называли. В центре площади тоже был памятник. Этот был групповой. Суровые стальные мужики с мечами и щитами. В древних кольчугах. Доспехи побиты, щиты порублены. А смотрят гордо. Центральный мужик, косая сажень в плечах, щита не имел. В одной руке держал меч, а в другой — знамя. Древко у знамени было из металла, но сам стяг — живой. Треугольное алое полотнище билось и трепетало под порывами ветра, иногда разворачивая свое крыло в полную силу. Красная изменчивая вспышка на фоне белого снега.

— Когда случился Большой Кризис и республики снова стали собираться в Союз, — заговорила Инка, — началась настоящая чехарда с символикой. Предлагали разные союзные флаги. Старый трехполосный, императорский. С двухголовым орлом. Бело-зеленый, сибирский. Даже какой-то из четырнадцати полос был. Всякие старые княжеские, вроде рязанского жеребца на желтом поле. И красный. С красным-то не все согласны были. Упирали на то, что нужно возвращаться к корням... уважать традиции... Пригласили историков. А они сказали, что красный флаг и есть самый старый из известных. Во всех старых русских летописях флаги у дружин «червленые», то есть красные. Ну и все, критики и припухли. Сказать нечего. Выходит, красный флаг — и русский, и советский. А у нас, видишь, теперь памятник предкам поставили.

— Хороший памятник, — кивнул я. — Это тоже наша история.

Я поглядел на часы. Время подходило к черте. Да и место было подходящее. Пора.

— Инка, — я повернулся к ней, и поглядел в ее луговые, бездонные глазища, — ты это... ты встань вот так, пожалуйста.

Инка непонимающе остановилась.

Сердце билось молотом. Время будто замедлилось, полилось тягучей патокой.

Ну, пан или пропал! Теперь нужно действовать быстро.

Раз! — Ловко встаю на колено.

★ Два! — лихо снимаю шапку. (Мелькает мысль, что, может, не стоило; эх, уши вы мои, уши...).

Три! — дергаю молнию на куртке и лезу правой рукой под мышку. Таким отточенным движением достает пистолет специальный агент Борис Стальнов, про которого уже третий фильм сняли. Только у меня там не пистолет, а хрупкая красная роза...

Вот на «три» у меня заминка и вышла. Чьи-то крепкие руки взяли меня сзади под локти и вздернули обратно с колен на ноги.

— Дяденька, вам помочь? Поскользнулся? — послышались с двух сторон заботливые голоса.

Я завертел головой, разгоняя воздух ушами. Подхватили меня две симпатичные девчонки-старшеклассницы. Крепкие, красные от мороза, глаза озорные. Обычно мне нравится, когда младшие по возрасту ко мне «дяденька» обращаются. Я так себя сразу взрослее чувствую. Но в этот момент мне такое обращение показалось некстати.

— Какой я вам дяденька, — буркнул я. — Я только три года назад институт закончил... И не поскользнулся я. Вот, предложение девушке делаю...

— Ой, извините-извините! — хором зазвенели девчонки. — Нам сзади-то не видно. Думали, вы упали.

— Спасибо, ничего. — Я наконец освободился, сунул руку под куртку, извлек розу, заговорил пылко: — Инка, ты!.. Выходи за меня замуж! Пожалуйста.

«Пожалуйста» — это я зря сказал. Это меня девчонки сбили. Мне опытные товарищи старшего возраста говорили, что женщины любят уверенных. А я тут — «пожалуйста»... И роза помята. Эх, все не по плану...

А Инка стоит, смотрит на меня. И не знает, что сказать.

— Девушка, вы соглашайтесь, — подала голос школьница со стороны моего левого плеча, обращаясь к Инке. — Смотрите, симпатичный какой, ушастенький.

— Нет, Люда, — дала голос вторая школьница, серьезным голосом пионерской вожатой. — Что ты влияешь?! Такие серьезные решения каждый должен принимать сам.

— Вы не бойтесь. На нее не повлияешь, — пробормотал я. — Щас, погодите, я сам, на второй заход...

Я снова упал на колено в снег, на утоптанное место. Народ вокруг начал озира́ться и останавливаться. Заулыбались. Цирк им бесплатный.

— Инка, ты не отказывайся. То есть ты соглашайся, — сбивчиво зачастил я. — Я тебя люблю.

— Давно? — как-то растерянно уточнила Инка.

— Всегда! — решительно махнув розой, признался я. Но как ученый тут же сообразил, что формулировка не точна, и поправился: — С пятого класса. Я для тебя что угодно сделаю. Хочешь — снега растоплю! Хочешь — весну принесу! Хочешь — зажгу для тебя на небе второе солнце!

Инка наконец пришла в себя, посмотрела насмешливо и вместе сердито.

— Встань, Вась. Коленку застудишь. Солнце зажжешь... Не люблю я такой треп. Видала уж трепачей...

— Инка, да ты чего! — От возмущения я даже забыл стесняться и опять вспрыгнул на ноги. — Разве я когда трепался? Да ты разве сама не чувствуешь? Инка! Ведь теплеет!

Инка машинально провела рукой, разуживая шарф. На улице действительно тепло. Люди вокруг заголосили. Людская волна качнулась. Отец рядом с нами забросил мальчишку себе на плечи. На нас уже никто не смотрел. Все смотрели в одну сторону.

— Смотри, — сказал я, протягивая руку.

Инка посмотрела туда, куда глядели теперь все. В небе сияло второе солнце! Первое, как и положено зимнему, ютилось по-над горизонтом. Второе — гордо шло выше. Воздух вокруг стремительно терял зимнюю бледность и наливался золотистым теплым, радостным светом.

— Это... Это что? — растерянно спросила Инка.

— Орбитальная спутниковая группировка для изменения погоды, — улыбнулся я. — Оснащена зеркалами для перенаправления солнечных лучей на нужные участки поверхности Земли. Тот спутник, что мы сейчас видим, — «Алозей». За ним идет «Аэт». Потом «Пасифая». И так далее.

— Дети Гелиоса, — повернулась ко мне Инка.

— Да, дети солнца из греческих мифов. Так их называли. Теперь они несут нам свет своего

отца. Вместо того, чтоб бесполезно уходить в космос, лучи идут к людям. Понимаешь, Инка? Пока это только эксперимент. Пока мы можем согревать лишь небольшие участки. Но когда мы нарастим орбитальную группировку!.. Это тепло. Это свет. Урожай.

— Я слышала, конечно... — задрав голову, говорила Инка. — Только не думала, что сегодня. И у нас... Неожиданно как будущее наступило... — Она посмотрела на меня и констатировала: — Ты заранее знал?

— Все уже знают, пока мы гуляем. — Я окинул взглядом толпу. — Поэтому все коммунальщики на улицах. И другие службы. И любопытные, кто не на работе. Но да, я знал раньше. Я же тебе говорил, что занимаюсь зеркалами...

— Так это... твои зеркала?

— Нашей конструкторской группы, — заулыбался я. — Знала б ты, сколько там было работы... Чтоб гибкие, компактные и с нужной отражающей способностью. А уж баллистики как маялись. Зеркало ведь как солнечный парус работает. Солнце давит, и спутник уносит с траектории... Лучшие люди страны над проектом работали. Ну, и я в их числе, — я шмыгнул носом. — Ты розу-то возьми, а?

Инка улыбнулась и взяла протянутую розу. И посмотрела на меня какими-то другими глазами.

— Так ты, выходит, сегодня герой?

— Да ну, какой я герой... — пожал я плечами. — Я подвижник. Вон взял и солнце поближе к тебе подвинул. Я люблю тебя, Инка. Я правда для тебя это сделал.

— Подвижник... — Инка сказала это ласково. — А тебе там, в твоём городе, учителя истории нужны?

— Ха! — Я аж задохнулся. — Ещё как нужны! Очень нужны! — и полез целоваться.

Случалось вам целовать любимую девушку?..

В голове у меня шумело. Люди вокруг шумели. Всем вокруг было радостно и тепло, хотя спутник ещё не успел сильно нагреть воздух. Это был общий праздник. Для всех. И для двоих.

В нашей стране в этом нет противоречия.

УЧИТЕЛЬ РУССКОГО

от те и гуфанитафный лагефь, — едва переводя дух, выдавил Вадим Завалов и схаркнул красную слюну.

В плевке виднелись два осколка. Завалов ощупал языком зубы, потом полез в рот руками. На вставные перейти он рассчитывал поближе к восьмидесяти. А тут, стоя на четвереньках и привалившись боком к выщербленной стене, неожиданно сообразил, что до старости нужно еще дожить. Футболка прилипла к спине. Голова казалась чугуновой.

— Ай да Пал Сергеиф, ай да молодеф! — бубнил Вадим Завалов, роня кровь из разорванной щеки. — Недельху, гофорите? Сволотщ... — Попытался встать, поморщился на чьи-то рыдания и бросил, не оборачиваясь: — Сказы им, чтоп заткхнулись, а?

— Ч-что г-говоришь? Н-не понимаю! — откликнулся трясущийся голос.

Завалов прикрыл глаза. Сплюнул скрипящий на зубах песок и прижал щеку ладонью. Заговорил, чеканя каждый слог:

— Сделай так, чтобы стало ти...

Но тут заткнулись все: на полуслове, на полувсхлипе. За выбитыми окнами слышались быстрые шаги.

* * *

«Может, не поздно свалить?» — подумал Завалов три часа назад.

Выжженные просторы под брюхом «вертушки» сменились квадратами развалин. На засыпанных мусором улицах копошились тощие, покрытые коростой собаки.

Отсек тряся, будто вертолет собирался развалиться в воздухе, и гремел так, что от звукоизолирующих наушников было мало толку.

— Я слышал, там сразу заявление писать надо, чтобы пневматику выдали! — раздался в ушах веселый голос соседа.

— Зачем? — удивился Завалов.

— Ну как? Собаки голодные! И обезьяны! Тоже!

«Какие обезьяны? Тут что, леса где-то повыврастали?» — успел подумать Завалов. Все понял и с изумлением уставился на шутника.

Даже самые храбрые студенты, активисты и массовики-затейники, кто на перевалочной базе трепался про важную миссию и взрослые, сознательные поступки, теперь притихли. Восемь мальчиков, три девочки, не старше двадцати пяти, в куртках с красными нашивками. На пыльных физиономиях одно и то же: «Что я тут делаю?»

С высоты лагерь напоминал шмат мыльной пены. Граненые полусферы на фоне городских

руин, покрытых оспинами от осколков и пуль. У шлюзов — очереди и горы хлама. Вперемежку белые и темнокожие, пропитанная пылью униформа и грязные обноски. Ревущие дети, взрослые с пустыми глазами.

Начальник лагеря Кузнецов напоминал здешние руины. Немолодой, с высохшим и почерневшим от ветра лицом. Глубокие морщины походили на трещины в глиняной маске. Потертая форма с выгоревшими крестами медицинской службы. Неприязненный взгляд.

— Завалов, Вадим Иванович. Проектирование систем невербальной передачи информации, — читал Кузнецов, щурясь на экран планшетника. — Аспирантура, второе высшее, почти закончил, четыре всесоюзные выставки, международный проект. Ну надо же! Военная кафедра, курсы, допуск... Указано, что на должность преподавателя. Ты что здесь преподавать собрался?

Завалов достал из рюкзака картонную папку.

— Понимаю, кем вы меня считаете, Павел Сергеевич, но я изучил все, прежде чем подать заявление. Я работаю над инновационным проектом...

Кузнецов нетерпеливо вырвал из рук пачку распечаток. Пролистнул, задержавшись на таблицах. Усмехнулся.

— Ты что, дурак?..

Вадим Завалов сделал вдох и даже успел открыть рот; Кузнецов вскинул руку.

— Есть такие, кто от сытого житья-бытья дуреет и отправляется на поиски смысла жизни. Кажется им, что только в говне по горло, героич-

чески превозмогая ради высоких целей, можно прожить стоящую жизнь. Юношеский максимализм, понять можно. А есть другие. Этим отметку о гражданском участии в личное дело подавай, строчку в биографии и значок на лацкан...

Завалов постарался не отвести взгляд.

— Но с такой чушью, — Кузнецов ткнул в растрепанную стопку бумаг, — ты первый и, надеюсь, последний. Как тебя на базе не завернули! Что им сказал?

— Что собираюсь преподавать русский язык. И это правда! Направление только начинает развиваться! И без длительных полевых испытаний...

— Спасибо, что предупредил. Значит, скоро толпами сюда повалят? Ты не понимаешь, где очутился, студент Завалов. Посмотри вокруг, да повнимательней.

Предложение не было риторическим. Кабинет Кузнецова находился на верхотуре тонированного купола. Внизу, под прозрачным полом, в три яруса кишел людской муравейник. На уровне глаз раскинулся белый прожженный солнцем простор. Завалов обернулся: за спиной ощерилась выбитыми окнами развалюха-пятиэтажка, первая в ряду своих сестриц по несчастью. Полоскались на ветру рваные занавески, сочилась из пробитых стен легкая пыль.

— У нас тут гуманитарная программа, а не полигон для научных экспериментов. Там живут люди. — Кузнецов ткнул пальцем в сторону пустоши, абсолютно безжизненной на вид. — Очень похожие на нас, но есть существенное различие: они родились в другой эпохе. Пока

ты, студент Завалов, выбираешь пиво и закуску в супермаркете, местные аборигены добывают еду другим способом — отбирают у соседа при дележе гуманитарного пайка. Ты, наверное, слышал такую притчу? «Дай ему удочку, научи ловить рыбу, и он будет сыт постоянно»? Эти люди получили автомат Калашникова и менять оружие на какие-то рыболовные принадлежности уже не хотят. Здесь царит век готтентотской морали. Пока на этом клочке земли тихо — но все, что ты видишь под ногами, Завалов, сворачивается и грузится на машины за два часа. Аборигенам наплевать, где нейтральная полоса. И что ты можешь им предложить? Вот эту папку? Они ведь даже туалетной бумагой не пользуются — ты в пролете по всем фронтам.

«Аллес капут», — подумал Завалов. Если отметка о гражданском участии уже испарилась из списка бонусов, то стоило побороться за отчет о полевых испытаниях.

— Но раз я здесь — почему нельзя попробовать? Мешать никому не собираюсь, сделаю все, что поручите. А в свободное время вы дадите мне группу, десять человек...

Кузнецов собрал распечатки в папку, ткнул ее Завалову в руки.

— Вот что. Портить тебе биографию немедленной высылкой я не буду. Ресурсов нет, чтобы всяких недоумков доставлять на базу немедленно, не растеряв по запчастям в дороге. Поработаешь чуток. В соцчасти не хватает учителей. Это то, что на самом деле нужно, вместо твоих бумажек. Потом пойдешь к медикам и пожалуешься на здоровье. Здесь у каждого второ-

го проблемы с акклиматизацией, разбираться с такими некогда. Неделя, и ты поедешь домой на продовольственном челноке. Тем и закончим.

Кузнецов приподнял рукав, обнажив допотопный браслетник, ткнул какую-то кнопку:

— Хала, поднимись! — потом взглянул на Завалова и неискренне улыбнулся: — Тебе — отметка о практике, мне — никаких проблем. Понятно выражаюсь? Этой чуши здесь не место.

«Что за...?» — мысленно удивился Вадим Завалов, увидав Халу.

В Хале оказалось метра полтора роста и две тонны жизнерадостности. Это была темнокожая полукровка с всклокоченными волосами, одетая в форму со споротыми шеvronами. Как новогодняя елка, Хала была обвешана девайсами. За ухом виднелась коробочка-переводчик, левый глаз накрывал прозрачный визор. Штуки явно недешевые. На шее болталось две пары наушников-пуговиц, старых, проводных. Запястья под закатанными рукавами куртки искрились от обилия браслетов всех сортов.

— Здравствуйте, доктор Кузнецов! — затараторила Хала, улыбаясь во все тридцать два желтых зуба, и над лохматой головой зажглась россыпь значков-эмоджи. Завалов с ужасом опознал сенсорную игрушку, которой его задолбала младшая сестра еще лет пять назад.

— Привет, друг За-ва-лов Ва-дим, — Хала запнулась, справляясь с именной конструкцией, прочитанной со стеклышка или нашептанной на ухо чужеземной чудо-машинкой. — Как дела, Вадим? Как настроение?

— Это новый человек в учебный блок, Хала. Отведи его к Антону Константиновичу, — указал Кузнецов и отвлекся, вчитываясь в сообщение на экране планшета.

Хала схватила Завалова под руку, будто старого приятеля, и поволокла к дверям.

Это не походило на экскурсию, но в пути Завалов рассмотрел лагерь от верхнего уровня, потолком которому служило застекленное небо, через два этажа прозрачных клетушек, загроможденных коробками и оборудованием, ряды коек, отгороженных друг от друга простынями, до самого низа, где пахло кухонным чадом, дезинфекцией и хозяйственным мылом.

Завалова интересовала лишь коробочка с проводами и диодом за ухом у Халы. Модель не удавалось определить на глаз, а ведь в этом крошечном устройстве мог таиться выход из его дурацкого положения. Бюджетный вариант этого выхода. Разговору с Кузнецовым Завалов не то чтобы удивился. И не то чтобы он оскорбил его до глубины души. За последние пару лет препоны от местечкового начальства не в меру активный студент встречал десятки раз, а работа все равно двигалась, изредка петляя по обходным путям.

Эх, если бы можно было этот переводчик потрогать руками...

— Постой секундочку, — не выдержал Завалов.

Хала уставилась на него, часто моргая.

— Что случилось, Вадим? — спросила она напряженно, и значки над головой окрасились розовым.

— Ничего-ничего. Скажи, что это за штука у тебя за ухом? Переводчик?

Улыбка полукровки мгновенно погасла, эмодзи сделались ярко-красными. Вадим поспешил исправить ситуацию:

— Я специалист по таким штукам. Хотел бы посмотреть ближе. Ты одна или есть еще ребята с такими же устройствами?

На голограмме расплылся в хитрой улыбке желтый смайлик.

— А что ты мне за это дашь? — сказала Хала и, не оставляя возможности подумать, потянула Завалова за руку. — Дай браслет! Вот этот, он красивый!

Завалов хотел возразить, что браслет не красивый, он — многофункциональный. Доступ к почте, рабочему хранилищу и личному гражданскому аккаунту, трехступенчатая система защиты. Сними его — и останется лишь кусок пластика и пара микросхем.

«Ничего, купишь новый», — одернул себя Завалов, обнуляя настройки.

Он поймал жадно потянувшуюся руку.

— Мне нужно изучить эту твою коробочку. И еще нужно человек пять, таких как ты, не старше. На полдня, поговорить и провести один небольшой тест.

— Антон Константинович не спешит, он может подождать, — довольно оскалилась Хала, примеряя обновку.

Мартышка и очки...

На выходе, в скопище аборигенов, женщин и детей, Завалова и Халу обдало горячим паром

и вонью застарелого пота из узких дверей тонированного модуля.

— Помывочная, обязательные водные процедуры после регистрации, — с гордостью пояснила проводница. — Пройдем через главный. Это быстрее. В обход еще четыре модуля.

Они вывалились на улицу, прямо в дурно пахнущую толпу. Хала прокладывала себе дорогу с упорством ледокола, крича и орудуя локтями. За ней тащился Завалов, вздрагивая от пинков и отпихивая руки, хватающие за одежду и рюкзак.

— Лагерь переполнен, эвакуация на базу происходит медленно, — орала Хала, считавшая своим долгом пояснять все, что происходит вокруг. — Люди сидят четыре дня, злятся.

Столпотворение поредело, спекшаяся земляная корка под ногами сменилась занесенным пылью асфальтом. Завалов с опаской рассмотрел нависшие над самой головой останки домов.

— Куда мы? Здесь безопасно?

— Бомбили неделю назад, фронт ушел. Ты хотел таких, как я? Они обследуют дома, ищут спрятавшихся.

Хала тряхнула головой, будто хотела прогнать навязчивое видение. Вздогнула, и, погасшие было, над головой запылали ярко-алые значки. Завалов отвернулся.

— Слушай, может, хоть попытаешься объяснить, кто тут кого бомбит? Я просматривал новости на базе, но не понял ровным счетом ни фиги. Сколько вообще сторон в этом конфликте и когда они...

Хала дернула Завалова за плечо.

— Что случи... — начал он, но конец слова утонул в громовом реве.

Над лагерем включилась сирена. Раскатистый вой пронесся по мертвым кварталам, взмыл в белое небо. И оттуда, с высоты, ему откликнулась яркая вспышка. Завалов прикрыл глаза, глядя на огненную дорожку, но Хала схватила его за шиворот и поволокла куда-то.

— Беги! — орала она.

Завалов хотел спросить, что происходит, но неожиданно понял все сам. Вырвался из рук Халы, с ужасом уставился на главный купол лагеря, переливающийся начищенными стеклами под огнями приближающегося светила.

А в следующее мгновение купол брызнул в стороны тысячами ослепительных осколков. Они разлетались мучительно медленно, переворачиваясь и сияя рыжим. Завалов, словно парализованный, смотрел, как блестящий вихрь растет, подобно раскрывающейся в небе вспышке салюта. Расширяющаяся траектория, плавное скольжение, ритмичный блеск. Все это напоминало ему нечто виденное недавно, простое и невинное, ощущение, знакомое с детства...

Что-то с силой ударило его в лицо. Хала закричала.

* * *

Расширяющаяся траектория, плавное скольжение, ритмичный блеск. Радужные стеклышки, подвешенные на невидимую леску, кружились в танце, бросая на стены комнаты яркие блики.

— Ничего себе! Это что, та самая, наша?

Вадим улыбнулся застывшей в дверях Алисе.
— На даче была, среди старого хлама.

Модульная игрушка завершила цикл, стекляшки застыли в ожидании команды. Алиса прошла в центр комнаты. Хлопнула в ладоши, и над головой вновь поднялся пестрый ветер. Вадим заметил, что двигается сестра все медленнее, да и стоит с трудом. Прикрытый светлым платьем живот казался огромным. Врачи говорили — будет тройня. Счастливый папаша от таких новостей чуть в обморок не упал.

— Красиво как! Но ты рано с этим. Неужели забыл? Еще два месяца. Мы и мебель покупать будем позже.

Вадим пожал плечами. Но Алиса знала его всю жизнь, и тон ее голоса не предвещал ничего хорошего:

— Что это значит? Тебя не будет, да? Опять удумал что-нибудь? — На щеках Алисы проступили красные пятна. — Неужели поедешь?!

— Тут такое дело, мне придется, — принялся объяснять Вадим. — Хотел бы, но срок подачи заявок на КиберЭкспо уже подходит. Без отчета о полевом применении нам нечего показывать. Если сейчас протянуть время, то релиз придется отложить на следующий год.

— Ну и отложите!

— Ты что, не понимаешь? Думаешь, мы одни работаем над подобным проектом? Через год я могу оказаться двадцатым в очереди и никому на фиг не нужным. Нужно ехать сейчас. Всего восемь недель, и я дома.

Алиса пошатнулась и со злой гримасой оттолкнула кинувшегося на помощь брата.

— Ты что, больной?! Там война! Почему здесь нельзя найти людей? Почему нужно ехать под бомбы? А родителям сказал уже? Мама знает?!

Объяснять было бесполезно, но Вадим попробовал:

— Здесь уже по-другому. Мы приглашали добровольцев, но только время зря потеряли. Эти люди, кто вырвался из среды, приехал на обучение, уже прошли определенный курс. Подстроились задолго до подключения к программе. Это напрасная трата огромных ресурсов. Программу нужно попытаться наложить на чистое сознание...

Алиса не слушала. Всклипывала, стирая слезы рукавом.

— Тебе плевать на нас, — сказала она. — Работа важнее, это я давно поняла. Но ты только сделай одолжение. Мне, маме с папой. Вернись оттуда, слышишь, Вадим?

* * *

Удушливый запах пыли и гари, крики, треск. Перед глазами вертится лихорадочный хоровод. Небо, земля, люди. Белое, черное, ярко-красные брызги.

Они бежали куда-то в орущей толпе. Завалов слабо помнил, как чуть не упал, наткнувшись на затоптанное тело. Он видел десятки таких. Некоторые были еще живы. Хала неслась впереди, отпихивая с дороги визжащих от ужаса людей. Рюкзак колотил по спине. Завалов хо-

тел его бросить, но не мог. Краем сознания он еще держался за мысль: внутри что-то важное.

В подъезде пятиэтажки, затаившись с десятком растерянных беглецов, Завалов перевел дух и обнаружил, что лицо вымазано в крови. Болели зубы, расколовшиеся от удара. Потрогал щеку. Кровь сочилась из рваной раны, но он упорно ощупывал лицо. Пальцы наткнулись на что-то твердое. Завалов потянул и вытащил мелкий осколок оплавленного пластика. Кровь щекотно заструилась по подбородку, закапала на футболку. К горлу подступила тошнота, звуки окружающего мира сделались невыносимо громкими. А потом на улице слышались шаги, и терзающий больную голову плач смолк.

Хала зажала рот, и Завалов увидел, что она дрожит.

— Что такое?

— М-молч-чи. Тихо. Н-ни звука.

Хала заикалась механически, как вышедший из строя автомат, и нервно ощупывала коробочку за ухом.

Не сговариваясь, они поползли к провалу в стене, ведущему в пустую квартиру. Завалов двигался на четвереньках, тихо матерясь, когда осколки стекла впивались в ладони. Позади слышались шорохи — люди расползались по углам. В дыру юркнул тощий мальчишка в лохмотьях. Завалов провалился следом. Хала плюхнулась последней, откатилась в тень. Хрустнул сломанный ободок голоигрушки. Обстановка в квартире была старая. Мебель застала, наверное, еще первый Союз. Слой мусора на полу,

в котором отчетливо выделялись обертки от гуманитарных пайков с русскими и английскими этикетками.

С улицы грубо окрикнули, из подъезда ответили плачем и причитаниями. Грохнула автоматная очередь, за ней — еще одна. Крики, эхом заскакавшие по лестничным пролетам, оборвались. В хлипкой двери осталось два ряда отверстий, один над другим. Завалов лежал, зажмурившись и уткнувшись лбом в бетонное крошево.

«Что происходит? Откуда они повылазили, с оружием?»

В подъезде кто-то скулил.

Хала поднялась, коротко выглянула в провал.

— Ушли. Поднимайся. Нужно выбраться через окно.

Она прокралась к дверям комнаты. За стеной не утихали стоны.

— Стой, — тихо позвал Завалов. — Там же кто-то ранен...

— Пошли!

Хала скрылась за перекосившимися дверями комнаты. Завалов выглянул в провал и оторопел. Горло пережало, волна тошноты и головокружения накрыла его, заставила попятиться.

В спину, как раз под рюкзаком, уперлось что-то острое. Завалов вздрогнул и обернулся. Мальчишка в лохмотьях махнул самодельным ножом из металлического осколка перед лицом. Со злостью дернул за рюкзак:

— Дай!

Он не видел двери в комнату и не успел заметить, как в коридоре появилась Хала. Металли-

ческая рама складного стула врезалась в голову с глухим стуком. Мальчик упал. Хала размахнулась и ударила еще раз.

— Идем, Вадим. Нельзя стоять.

Завалов ринулся к мальчишке, попытался нащупать пульс.

— Ты его убила!

— Убила, — подтвердила Хала. — Ему нужны твои вещи, но ты лучше отдашь что-нибудь мне, если живым выведу. Идет?

— У меня нет ничего для тебя, — пробормотал Завалов, растирая лицо грязными ладонями.

— Не важно. Продам, обменяю.

Завалов сел на пол и крепко зажмурился. Ворот футболки стал мокрым от крови. Хотелось зарыться под землю. За стеной стонали, и этот звук скреб по нервам, как гвоздь по стеклу. На соседней улице слышался десяток одиночных выстрелов. В небе с ревом пронесся беспилотник.

«Почему именно я? Пусть они заткнутся! Я не хочу это слушать. Это не мое дело. Я домой хочу!»

— Стой! Куда!

Вадим подскочил и сквозь провал выбрался в подъезд. Осмотрелся, прикрывая нос рукавом. Горький запах порохового дыма, соленый — свежей крови. Кто-то схватил за ногу. Завалов обернулся и отвел взгляд. Там уже нельзя помочь. Потряс за плечо парня, сжавшегося в углу. Тот упал. Вместо одного глаза — рыхлое мясо. На стене остался грязно-бурый росчерк. Завалов отпрянул и наступил на чью-то руку. Шарахнулся, едва сдержав вопль.

На курсах было иначе. На столе манекен, имитирующий пострадавшего с проникающим в брюшную полость. Вокруг десятков студентов. Кто-то пошутил насчет слишком подробной имитации первичных половых признаков у резинового пациента. Главное, не смеяться и руки держать ровно — игла настоящего шприца может согнуться при попытке проткнуть искусственную кожу. Препад ругается, кричит: «Вы что, на вечер юмора собрались? Вот посмеетесь потом...» За окном солнце, и декоративные яблони в университетском скверике цветут. Весна.

Завалов смотрел на женщину, сидящую у стены и держащую прижатыми к животу руками что-то темное и влажное. Глаза открыты и запорошены пылью. Ее соседка, боком лежащая в кровавой луже, медленно пошевелилась. Вскрикнула, когда Завалов тронул ее за руку.

— Нам чуть посидеть где-нибудь. Нас найдут, — прошипела Хала.

— Кто найдет? — со злостью спросил Завалов, расстегивая ремень на брюках.

— Ваши! Они всегда приходят и всех увозят. Брось ее, пойдем.

Завалов, несмотря на слабое сопротивление, задрал многослойную юбку и перетянул ремнем разорванное бедро. Женщина пыталась визжать и кусаться, потом затихла.

— Хватит, пойдем!

— В задницу пойдя, обезьяна, — пропыхтел Вадим, пытаясь взгромоздить на руки обмякшее тело.

Вспомнил о походной аптечке, которая болталась на ремне. Там должен быть шприц-тюбик

с обезболивающим. Проклятая аптечка куда-то исчезла. Но мысль эта не задержалась, провалившись в вязкое равнодушие, медленно заволакивающее голову.

— Ну, куда идти?

Хала смотрела на него с удивлением, будто он взвалил на себя мешок мусора и вознамерился его спасти. Разработанная на бумаге теория затрещала по швам при первом же столкновении с предполагаемой подопытной.

— Объясни мне, какого черта? Ты ведь говорила, что такие, как ты, ищут людей. Получается, вы что-то вроде спасателей, так? Тогда почему тебе вообще по фигу, что происходит сейчас?

— Лагеря нет. Люди — ваша забота. Вы нам платите, мы находим и тащим заботу к вам. Куда их теперь девать?

Шли по улице медленно, прижимаясь к стенам домов и прислушиваясь. В городе стреляли. Кое-где на тротуарах валялись тела. Однажды раздался хлопок и грохот отдаленного взрыва. Женщина на руках Завалова вновь пришла в себя и начала скулить.

Хала свернула в двери неприметной лавки под выгоревшей вывеской. Завалов шагнул следом и остановился, увидев ряды разломанных стеллажей.

— Проходи. Здесь не будут шарить. Я жила тут, напротив.

От дома напротив ничего не осталось.

Хала нырнула за кассовую стойку, уселась на пол, вытянув ноги. Завалов уложил рядом женщину. Сел, прислушиваясь к свинцовой тяжести в ногах и ноющим плечам. На воротах и

★ плече футболки запеклось багровое пятно, лицо горело огнем. Трогать чуть подсохшую рану было страшно. Рваный след тянулся от верхней губы, через щеку, почти до виска. Если б чуть выше... Он сглотнул. Горло пересохло. Он достал из рюкзака бутылку минералки, отпил, предложил остатки Хале. Та улыбнулась, показав припрятанную под курткой флягу.

Раненая глотала воду с большим трудом и, кажется, не вполне понимала, что происходит. Завалов еще раз осмотрел рану. Здесь мог помочь только хирург. Кажется, проще было не мучить женщину и оставить в подьезде...

— Теперь чего?

— Ждать.

Над головой кружились назойливые мухи, привлеченные запахом подсыхающей крови. Горячий, как из духовки, воздух сочился в выбитые окна и распахнутую дверь. Что-то громко щелкнуло, и Завалов дернулся, прижался к стойке. Хала не пошевелилась.

— Солнце, — пояснила она. — Пластик распадается, дерево сохнет.

В разгромленном торговом зале снова глухо треснуло. Завалов опять вздрогнул. И сколько нужно ждать? А главное — чего? Если их сумеют найти гипотетические «свои», то что мешает «чужим» наткнуться на этот проклятый магазинчик? Так и умом двинуться недолго, в ожидании. Нужно было занять себя хоть чем-нибудь.

Завалов попытался отереть платком вымазанные кровью руки.

— Давай свою шайтан-коробку.

— Что?!

— У нас ведь товарно-денежные отношения? Браслет ты забрала. Или верни, или...

— Стой! Очень осторожно.

Хала подвинулась и наклонила голову. Завалов достал из рюкзака лэптоп в противоударном корпусе. Запустилась система, окно настроек. Выбор параметров объекта. Завалов отцепил коробку-переводчик, повертел, разыскивая нужный разъем для переходника. В очередной раз поразился тому, что говорит Хала быстро и почти без запинок. И откуда взялась такая качественная аппаратура в этом захолустье?

— Осторожно! — взвизгнула Хала, хватая его за руки.

От коробочки тянулись провода. Два, самых толстых, уходили в ушное отверстие, остальные скрывались под волосами. Боясь дернуть, Завалов заставил Халу наклонить голову ниже. Поднял волосы и тут же отпустил. Едва не выронил переводчик.

— Что это? — глухо спросил он.

— Она не снимается, да? Доктор Кузнецов пришил ее насовсем, после того, как мне выстрелили в голову.

Завалов трясущимися руками ощупал провода визора. Крошечный диод мигал, обозначая запись изображения с фронтальной камеры. Индивидуальная сборка по старой технологии. Конечно, ведь есть еще объекты, для которых не годятся беспроводные девайсы. Визор был подключен к тому же разъему, что и переводчик. Напрямую.

— Глаз слепой?

— Да. Ударили сильно, и он перестал видеть.

Покопавшись в рюкзаке, Завалов нашел в смотке проводов нужный переходник.

— Знаешь, куда воткнуть?

Хала кивнула и полезла рукой под волосы.

Завалов защелкал клавишами, и аппаратура на голове ожила. Визор засветился, коробка-переводчик заискрилась диодами. Глядя на ползущую по экрану полосу загрузки, Завалов подумал, каким дураком был еще с утра. Да что там! Весь массив работы казался ему теперь безотчетным движением в тупик.

Он разрабатывал системы структурирования, писал обучающие программы. Одна учила детей рисовать, другая накрепко вбивала основы первой медицинской помощи. Третья, ставшая международным проектом и принесящая ему первые серьезные заработки, в 74 процентах случаев ухитрялась заложить в голову взрослого человека вторую языковую матрицу. А если взять для примера подростка, то вероятность успеха увеличивалась до 92 процентов.

В те поры Завалов был счастлив и уже воображал свою фамилию среди лауреатов престижных премий. Если родной язык — определенная структура, навсегда привязывающая нас к образу мышления и картине мира, то он ухитрился найти читерский код, позволяющий перестроить разум и расширить внутреннее зрение. А значит, стоило лишь чуть модернизировать программу...

Хала вскрикнула и попыталась вскочить, но Завалов поймал ее за плечо. Она дернулась, чуть не упала.

— Тихо-тихо. Что такое?

— Что это? — пробормотала Хала, цепляясь за его руку, будто слепая. — Почему оно так... давит? Тяжело.

Далее последовали несколько слов на странном, тягучем языке, и Завалов поспешил усадить Халу обратно, на пол. На экране лэптопа сменился этап цикла, и Хала ойкнула. Села прямо, обняв колени и уставившись в одну точку.

Завалов печально подумал, что это был бы отличный повод для гордости. Только представить: одна большая кнопка, которая бескровно исправит все. Нажмешь, и давние враги забудут, зачем взяли оружие. Люди резко захотят жить по-человечески. Кинутся налаживать быт и отстраивать заново разрушенные города. Простой советский студент, переписавший мир. И державе хорошо, и ему приятно...

— Зачем ты это делаешь? — спросила Хала.

Завалову показалось, что в полумраке торгового зала ее глаза как-то странно блестят. Тяжело вздохнул, растер лицо ладонями. Не глядя, захлопнул лэптоп. Диоды мерцали — запись продолжалась.

— Хотел бы я сказать, что из любви к человечеству, но ты — персона еще менее романтическая, чем доктор Кузнецов. Поэтому ответ прост: я чесал свое ЧСв. Знаешь, что это такое?

— Гордость? — сдвинув брови, переспросила Хала и шмыгнула носом. — Конечно, знаю. Но ты не понял. Зачем ты это делаешь? Что тебе за это дадут?

— Какой у тебя автоподбор слов красивый. Жаль только, не на все слова перевод найдется.

А я про это и не подумал. Мне за это не дадут ровным счетом ничего материального. Тут дело в другом. Чтобы, к примеру, твои дети жили в мире, который стал чуточку лучше.

— У меня уже нет детей. Доктор Кузнецов сказал, что больше не будет.

— Да нет же, это такая фигура речи... — Завалову показалось, что он ослышался: — У тебя были дети?

— Да. Двое.

На некоторое время за стойкой воцарилась тишина.

— Тебе сколько лет? — уточнил Завалов.

— Шестнадцать.

Лучше не стало.

В шестнадцать Алиса заняла первое место на всесоюзной олимпиаде и получила путевку в «Артек». Грамота до сих пор висит дома у родителей. А Вадим готовился к поступлению, ему было не до радостей жизни. Все кажется, вот этот рубеж перетерпеть, и — вот заживу, вот действительно классно станет! Но за горизонтом всегда оказывалось непаханое поле новой большой работы. И из радостей — покушать да поспать.

— А какие такие слова, которых нет у меня в переводчике? — не выдержала Хала. — Ты скажи вслух, а я скажу, как переводится. Такого быть не может! Доктор Кузнецов сказал, что это хорошая модель. Она стоит много денег!

Завалов подумал, что не сможет объяснить ей то, до чего только что дошел собственным умом. Просто потому, что нельзя взять и вло-

жить в чужую голову свои красивые и правильные мысли. Все равно что кидать семечки на асфальт и ждать, когда же вырастет подсолнуховое поле. Он и сам только сейчас понял, как эти ожидания далеки от реальной жизни.

— Ну давай попробуем. К примеру, сострадание — это что?

Хала нахмурилась.

Время тянулось медленно. В горячем воздухе кружились мухи, привлеченные подсыхающей кровавой лужицей. Раненая женщина сидела, привалившись к стойке и закрыв глаза. Беззвучно шевелила губами. Завалов отломал ножку кассирского стула и дважды выходил на улицу, пытаясь понять, что творится в городе. Против АК нет приема, но хоть от очередного вооруженного мусором ребенка можно отбиться. Хотя, конечно, смотря какой ребенок.

Вдалеке еще щелкали выстрелы, но на этой улице царили удушливая жара и тишина. Вернувшись в магазин, Завалов обнаружил, что Хала выворачивает карманы раненой. Хотел сделать замечание, да передумал. Решил, что просто слишком устал. Когда на улице слышались шорохи и приглушенные голоса, Завалов подумал, что от жары и жажды начались галлюцинации. Он медленно поднялся, поудобнее перехватил ножку стула.

— Не ходи, Вадим! — отчаянным шепотом позвала Хала.

Пружинисто вскочив, повисла у него на руке.

— А если это наши?

— Если нет — тебя убьют! Сиди. Если ваши — сделают зачистку. Потом просканируют и сами нас найдут.

Завалов дернулся, но Хала держала слишком крепко. Показалось, что сейчас еще и зубами вцепится. Он рассерженно шикнул, кивнул на раненую.

— Ей сейчас врач нужен. Я рюкзак не беру. Если что — забирай и вали.

— А ты?!

Кружилась голова. Наверное, от удара случилось легкое сотрясение. А может, виновата какая-нибудь инфекция, попавшая в рану. И мысли о том, что в случае его смерти исходники программы могут попасть куда угодно. Да пошла она! Завалов не сразу сообразил, что кажется ему неправильным во всей этой сцене. Прикрыл глаза, пытаясь сосредоточиться.

— А почему тебя это волнует?

Хала открыла рот, собираясь что-то сказать, да так и застыла. Неожиданно оттолкнула его, шипя сквозь зубы ругательства. Уткнулась лбом в колени и замерла, тяжело дыша.

Завалов поднял ножку стула, медленно двинулся вдоль стеллажа к дверям. Выглянул, как ему казалось, осторожно. Увидел людей в форме и в ужасе спрятался обратно.

— Эй, кто там?

Сердце ушло в пятки.

— Кто там? Выходи с поднятыми руками!

«Они говорят по-русски, да?»

Требование повторили на английском и каком-то местном трескучем наречии. Завалов

уронил бесполезную ножку стула, поднял руки и шагнул за порог.

— Не стреляйте! Я из лагеря. Из «Пылевого-4», база 16.

— Тю! — откликнулись ему с непередаваемым акцентом. — Нет больше твоего Пылевого, товарищ.

* * *

Копию электронной студгазеты с его фото на первой полосе мама загрузила в фоторамку. И долго выпрашивала у «Вади», почему он не хочет повесить рядом блестящую медаль в коробочке. Вадим Завалов пытался шутить в ответ. Но правда была в том, что он так и не понял, почему ему вручили награду. Женщина, которую он тащил на себе по мертвому городу, умерла месяца через два, как раз тогда, когда счастливая Алиса демонстрировала новоиспеченному дяде бойко агукающих тройняшек. Вернее, ногу та женщина потеряла сразу, ее отняли в полевом госпитале. А умерла уже потом, когда в очередном гуманитарном лагере разгорелась эпидемия чумы. Первобытная болезнь, которая, к счастью, не могла проскользнуть сквозь границу Союза. Завалов наводил справки, но ни семье, ни друзьям рассказать так и не смог. Им было не до того. Заголовки новостей рапортовали об успехах марсианской экспедиции, и разговоров в те поры только и было, что о космосе.

На фоне чужого энтузиазма Завалов ощущал себя поездом, слетевшим с рельсов на полном ходу. Когда он вернулся с больничного, на ка-

★ — федре кипела работа. Заведующий лабораторией Савельев отправил в архив все заваловские материалы, и на освободившихся от «лишнего» серверах уже считался чей-то чужой, сулящий огромные перспективы, проект. Ждать помощи было не от кого.

— Статистика группы в этом семестре, конечно, оставляет желать лучшего, — пояснил Савельев. — Но в минус не ушли. А вот у тебя лично, Завалов...

В сухом остатке у него выходило шесть часов работы в полевых условиях и четыре недели приключений в госпиталях и больницах. Какая-то песчаная зараза, попавшая в рану и начисто проигнорировавшая советские прививки, свалила его с ног тем же вечером, когда Завалов уже обрадовался, что выбрался из переделки живым и здоровым, отделавшись всего тремя швами. Радость оказалась преждевременной.

— И подготовительная работа была проведена халатным образом, — говорил Савельев, хоть Завалов и помнил отлично, кто подгонял его и ставил жесткие сроки.

Вадим со всем согласился, написал пару объяснительных о нерациональном использовании казенного оборудования и попытался вникнуть в новый групповой проект. Работать не хотелось. Но работать было нужно.

Полгода спустя исчезла Хала. Батарейки ее имплантатов могли держать заряд всего парутройку дней, а потому Завалов не строил никаких предположений по поводу ее судьбы. В лэптопе от Халы остались лишь строчки загруженных данных, но Завалов перебирал их мед-

ленно, скорее, уже по привычке. Не бросать же анализ незавершенным. Ночами он спал крепко, без снов, чему способствовали сильнодействующие таблетки, выписанные врачами еще на базе. А днем какое-то навязчивое ощущение неправильности не давало ему спокойно жить.

В доме стало шумно и суетно. Тройняшки надолго завладели всеобщим вниманием. Алиса обижалась и считала, что на брата малыши не произвели ни малейшего впечатления. Тот все слонялся, как сомнамбула, или сидел, заливнувшись в планшетник, и что-то напряженно читал.

Однажды, приткнувшись на диване перед телевизором, Завалов понял, что окончательно запутался. На экране планшетника творилась ерунда. В длинных отчетных таблицах что-то не желало сходиться. Вот — график поступления пакетов информации, вот — отчет о получении входящих данных, вот временная характеристика эмоционального отклика. В тайминге двух лент просматривался серьезный рассинхрон. Середина тестового времени, плотность информации достигает пикового значения. В это же время Хала откровенно скучает, сводя на нет любые попытки достучаться до ее разума. Но вот конец сеанса, передача данных завершена, и в это время...

— Кто это у нас тут? А, это дядя Вадя!

Завалов чуть не уронил планшетник, когда на колени ему опустили весело курлыкающего младенца.

— Подержи, а? Сил больше нет! — сказала Алиса.

Завалов натянул на лицо улыбку:

— Здравствуй, Дашенька! — сказал он, подхватывая размахивающего ручками карапуза и чувствуя себя при этом полным дураком.

— Это Машенька, — с такой же натянутой улыбкой поправила Алиса.

Из тройняшек Завалов мог уверенно узнать только Пашеньку — у того на распашонках были нарисованы всякие роботы и машинки. Машинки. Всюду машинки. Человек окружил себя машинками в надежде, что уж они-то сведут количество ошибок к минимуму. А техника все равно подводит. Что же не так с таймингом? Что там было, в конце сеанса? Только белое пространство. Никаких данных.

Сестра плюхнулась рядом, на диван. Вздохла с облегчением, но тут же снова напряглась:

— Ну как ты держишь, Вадь! Ровнее, вот так... Не надо ее пытаться сажать. Рано еще.

— Как так — рано? — удивился Завалов, перекладывая планшетник на подлокотник дивана, подальше от цепких маленьких ручек. Не удержался, снова взглянул на тайминг. Что же там такого невероятно интересного для Халы произошло в конце сеанса?

— Ей же полгода всего, — усмехнулась Алиса. — Ее сейчас на руках таскать нужно. Болтать побольше. Знаешь, как ей нравится, когда с ней разговаривают? Так серьезно слушает!

Завалов посмотрел на счастливо улыбающуюся Машеньку и, не выдержав, улыбнулся в ответ. Нравится ей, видите ли, когда разговаривают.

— А ты как хотел? Это же не программы твои дурацкие!.. Это ведь маленький человечек,

и ей нужно человеческое внимание. А родной дядя все в экран пялится...

От неожиданно пришедшей в голову мысли Завалов едва не подпрыгнул. Что делала Хала, когда ей было интересно, когда восприимчивость к внешней информации была максимальной? Ведь она с ним просто трепалась! Что-то спрашивала, пыталась понять. Завалов еще раз посмотрел на данные. Подумал, что тогда, в брошенном магазинчике, в момент наивысшего отчаяния он потерял все, к чему стремился, но взамен получил отличную подсказку о верном направлении пути.

Пару следующих дней Завалов провел в дебрях электронных библиотек. Статьи об этапах развития ребенка сменились теориями воспитания. Завалов читал, делал заметки и все больше мрачнел. Что-то безнадежно устарело, что-то просто не подходило по параметрам объектов-воспитуемых. Как много времени нужно, чтобы ребенок усвоил что-то серьезное! Про взрослых и подумать страшно. И система. Ни одна не ложится на задачу, что он безуспешно пытался решить. Завалов подумал, что это совсем не дело — его посрамили учебники столетней давности, о существовании которых он в жизни не слышал.

Нужно было разобраться с алгоритмом собственной программы. А для этого — поднять рабочие архивы. Он уже имел в распоряжении разработанную систему, и оставалось лишь дать ей проработанные данные.

А время? Когда с переработанным алгоритмом было покончено, Завалов чуть отвлекся и

с изумлением обнаружил, что племянница Машенька уже вполне самостоятельно бегают по дому, крича что-то на своем птичьем языке. Дашенька и Пашенька ненадолго отставали от сестры. Целый год прошел, а он и не заметил.

Савельев мрачнел день ото дня, Завалов ощущал приближение грозы. И она грянула как-то раз, вечером, когда в лаборатории уже не осталось студентов.

— Чем ты занят постоянно? Мы ведь закрыли этот проект. Я тебе три дня назад черновики высылал на проверку — ты их обработал?

— Обработал, Денис Анатольевич. Я хочу разобраться в причинах провала. Понять, что делать.

— Делать нужно, Завалов, то, что я тебе говорю. А я сразу предполагал, что эти твои изыскания на фундаменте чистого энтузиазма ничего не дадут. И, что характерно, чуда не случилось. Все бывает, понимаю. Заработался, первые успехи на голову свалились... Успехи временны, а финансирование нам нужно постоянно. Ты и сам без стипендии остаешься, и всю группу подведешь.

— Но вы же сами говорили о том, что нельзя отказываться от цели, если в первый раз что-то пошло не так. Историю Союза в пример ставили...

Еще не закончив, понял, что сказал лишнее, но отступить было уже некуда.

— Вполне возможно, — ответил Савельев. — Но лишь в том случае, когда цель выбрана верно. И когда каждая часть системы эту цель понимает одинаково, чтобы конфликта задач не

случилось. Программа — это отлаженная структура, где компоненты работают в четкой связке. И если один из компонентов...

— Да. Я уже понял, где ошибся, — в сердцах сказал Завалов. — Не подумал, какого черта мне вообще нужны эти программы. С целью, знаете ли, не определился.

На улице опять была весна, и Завалов ходил на консультации мимо цветущих декоративных яблонь. Подолгу сидел в неоцифрованном отделе библиотеки, категория «педагогика».

— Жениться тебе пора, Вадя, — по привычке ворчала мама.

— Семья — это сложное экономическое предприятие, — отвечал Завалов. — Нужно сначала на ноги встать, а уж потом принимать такие серьезные решения.

Мама не понимала, но печально кивала в ответ.

В рабочем компьютере Вадима Завалова уже хранилось составленное заявление на адрес департамента гуманитарной политики. Совсем скоро Завалов должен был снова оказаться под чужим белым небом, в должности учителя русского языка...

* * *

В тени ангара было ветрено, но все равно жарко. Пот катил ручьями, пыль липла к коже. Студенты сидели на собственных рюкзаках, с пугливым интересом глядя, как техники копаются в потрохах старенькой «вертушки». Четыре девочки, семь мальчиков, не старше двадцати

★ — пяти, в куртках с советским флагом на нашивках. На покрасневших от солнца физиономиях одно и то же: «Что я тут делаю?»

— Вот фокус будет, если в воздухе развалится, — хихикнул один.

— Вряд ли, — сказал Завалов. — В первый раз тоже так думал.

Парень оживился.

— Так ты что, из персонала базы?

Будто по густому загару нельзя было догадаться.

— А кто по распределению?

— Соцчасть, учитель, — ответил Завалов, задумчиво потирая новый браслет.

Доступ к гражданскому аккаунту, трехступенчатая система защиты. И лично пополняемая база материалов проекта. Все подсоединено к коробочке-переводчику за ухом и простенькому визору. Страховка на случай непредвиденных затруднений.

Парень заерзал и неожиданно полез в рюкзак. Протянул Завалову толстую папку в пластиковой обложке.

— Это круто, что мы прямо здесь встретились! Все равно мне к вам. Я работаю над инновационным проектом в области обучения...

Завалов вчитался в документы и с трудом сохранил серьезное выражение лица.

— Дай-ка я сэкономлю тебе время и, возможно, еще что-то очень ценное, — сказал он. — Единственный компьютер, на который ты можешь положиться — это собственная голова.

— Чего-чего?

— Мы сейчас в средневековье. Тебя за содержимое рюкзака собственные ученики грохнут, не моргнув и глазом. И ты им предложишь эту папку? Они и туалетной бумагой не все пользуются! Ты в пролете, по всем фронтам.

— Но я же не собираюсь кидаться на всех, без разбора! — возмутился парень. — Для начала соберу небольшую группу.

— Да. Проходили.

— Получу данные для анализа, проработаю ошибки.

— Ага. И это проходили.

Парень смерил Завалова долгим взглядом. Поинтересовался тихо:

— И сколько?

— Да три года уже. Ничего, движемся потихонечку.

Техники на взлетной площадке ругались, вертушка медленно крутила лопастями. До отправления в лагерь «Пылевой-10» оставалось еще пять минут.

ЛЕЙТЕНАНТ НЕМО

 Амстердам встретил его резким, порывистым ветром — в третий раз это уже стоило считать традицией. Было ли дело во времени года или сказывалось расположение в устье двух рек — неизвестно. Город находился чуть ниже уровня моря, и в эту низину постоянно забирался холодный морской воздух, который с разбойничьим свистом и хохотом несясь потом по Амстелу и Эй, раскидывая вертялые отростки по улицам и площадям, районам и каналам.

Олегу Амстердам нравился. Нравился своей добродушной расслабленностью, сочетающей узкие старинные здания с похожими на удочки лебедками на крышах, диковатую, развязную, пахнущую чем-то жженым публику — и вместе с тем четкую, почти машинную аккуратность и собранность. Один и тот же человек мог продать тебе недельный чип-имплантат, дающий право бесплатного посещения всех музеев города, и тут же, сорвав надоевший пиджак, затащить на бесшабашный рэйв по соседству. В Амстердаме непонятным образом переплетались безалаберный галльский дух и дисциплинированный германский демон. Где-то они ша-

гали нога в ногу, где-то безуспешно делали вид, будто незнакомы, а порой сливались в настоящие химеры.

Выйдя из здания вокзала, напоминавшего дворец какого-то немецкого князя из самых зажиточных, Олег с любопытством огляделся. Да, за те годы, что он здесь не был — сколько, десять? — город заметно сменил облик. Площадь Дам, откуда начинались когда-то туристические экскурсии, оказалась закрыта. Каналы, когда-то заполненные лодками, яхтами и стоящими на приколе баржами, были теперь холодны и пустынные.

И самое главное — свет! Там, где Амстердам переливался раньше красными мельницами, желтыми ведьмиными хвостами и синими окнами голо-реклам, царила утрюмая, непроглядная темнота. Уличные фонари, забранные частыми антивандальными решетками, правда, горели, и мертвой зеленью мерцала фосфоресцирующая краска, обозначающая край набережной, но в целом все это пустынное безмолвие имело довольно гнетущий вид.

«Слушай, — сказал он себе. — Слушай».

Ветер шипел и завывал в черных арках каналов будто тысяча озлобленных призраков, облизывая шершавым языком каменные стены и мостовые. Шпили пустых соборов, словно осколки гнилых зубов, протыкали холодную высь. В темнеющем небе парили воздушные шары полицейского наблюдения, на их гладких боках догорали и превращались в пепел последние краски заката.

Олег направился налево, где у близкого горизонта, ограниченного неровными рядами зданий из стеклофибробетона с полимерными крышами, располагалась его цель.

«Немо-центр», великолепный комплекс, построенный для детей, желающих освоить азы биологии, физики, химии, истории... Впервые он побывал здесь еще ребенком, лет двадцать назад, и был поражен. Огромные залы, хитроумные механизмы, лаборатории, толпы радостной детворы, впервые в жизни знакомящейся с чем-то полезным, прикладным, настоящим. И Надин, еще совсем юная Надин тоже была там...

Он запомнил тот день навсегда. И теперь они снова договорились встретиться у «Немо-центра».

Темнело, вечер полностью вступал в свои права, и на безлюдной набережной становилось неуютно. Пусто, сказал он себе. Конечно, пусто. Те, кто не работал сейчас в Бизнес-Сити, уже ложились спать под тусклый свет умных лампочек, в течение дня прилежно впитывавших энергию скуповатого солнца. Экономия и рациональный подход во всем. Олег мысленно обругал свою дурацкую непредусмотрительность — за один евроцент у вокзала можно было взять напрокат велосипед. Какие варианты?

По счастью, на ближайшем мосту работал стилизованный под крепостной контрфорс информационный терминал, и миловидная девушка на отличном английском проконсультировала его насчет возможных видов транспорта. Новомодный вайр-роллинг, когда с крыши одного здания по длинному тросу переезжаешь на дру-

гое, Олег забраковал: долго подниматься. Такси показалось незаконным. В результате остановились на термал-скутере — самокате с питанием от работающих на атмосферном тепле батареек: рядом как раз маячила стойка с ними, а чувство равновесия у Олега всегда было отличным. Справочная девушка поощряюще улыбнулась ему и растаяла во взрыве маленьких белых снежинок на патриотическом черно-красном фоне, сменившись рекламой ближайших кофешопов и дешевых ночлежек.

Скутер катил ходко, и уже минут через десять, проехав длинный подвесной мост, Олег притормозил у построенного в форме корабля здания. В нем не горело ни огонька, а может, просто использовали стекла с односторонней прозрачностью, и это сбивало с толку. Если центр работает, то можно будет подняться на самый верх, рассмотреть оттуда панораму ночного города, поглазеть на квадратный приземистый Музей судоходства и стоящие на приколе древние яхты. Наверху сейчас, наверное, негромко играет музыка, растут в аккуратных кадках забавные деревца с непроизносимыми названиями, стоят амфитеатром удобные эргономичные лавочки, работает крохотное кафе — миниатюрный рай для усталого, но кредитоспособного человека.

Вот только холодно...

С почти неслышным шорохом в нескольких метрах позади затормозил велосипед, и Олег обернулся. Надин, милая Надин, взрослая, настоящая, но со всегдашней своей детской улыбкой — не бежала, нет, но быстро шагала к нему,

распахнув в приветствии объятия. За ее спиной велосипед с едва слышным шипением въезжал в мигающие красным скобы магнитного захвата.

— Хельги-друг! — Это прозвучало напыщенно, почти церемониально, как в какой-нибудь скандинавской саге, и Олег против воли улыбнулся.

— Привет, Надин, привет, моя лю... — Он шагнул было вперед, но девушка — нет, уже молодая женщина, они были ровесниками — вдруг остановилась. Зона комфорта, сообразил он. Личное пространство.

Так они и застыли, словно приглашая друг друга на странный танец: ему не приблизиться, ей — не отойти.

Олег пришел в себя первым:

— Сегодня ты на удивление точно, минута в минуту. Растешь, взрослеешь, скоро сможешь покупать пиво: оно у вас здесь очень недурное. Хорошо выглядишь, кстати! — Он улыбнулся: румянец на лице женщины был слишком заметен.

Надин шевельнула пальцами, затянутыми в толстый пластик вирт-перчаток, и браслет на его руке отозвался мелодичным курлыканьем:

«Спасибо тебе, Хельги, очень приятно! (радостный смайлик) Я тоже соскучилась, мы не виделись дьявол знает сколько времени — лет семь-восемь, наверное? (задумчивый смайлик) Нет, пожалуй, даже больше! Рада, что ты выбрался из своего медвежьего закутка — это надо отпраздновать! (прыгающий смайлик с бу-

тылкой в руке) Как там у вас идет жизнь, что нового?»

Фразы, темно-серые на бежевом фоне, появлялись и гасли быстро, одна за другой, и было понятно, что она писала их — точнее, выбирала из представленного списка шаблонов — в реальном времени, прямо сейчас. Вот только зачем?

Он откашлялся.

— Хм... Я... Надин, почему ты мне пишешь? Мы же рядом, мы можем разговаривать напрямую! По-настоящему!

«Точно... ты прав... (печальный смайлик) Но я уже привыкла, мне так гораздо комфортнее...»

Олег сообразил и чертыхнулся про себя. Дурацкая забывчивость. Почему в мире, где люди проводят большую часть жизни в виртуальной реальности, общаются друг с другом при помощи простеньких сообщений и цветных рожиц, для несостоявшихся любимых должно делаться исключение?

С другой стороны, если не для них, то зачем все вообще?

— Мне было бы приятнее, если бы ты говорила со мной, — мягко сказал Олег и, видя непонимание на ее лице, уточнил: — Голосом.

«Плачущий смайлик».

— Что ж, ладно, я постараюсь — ради старого друга, — вздохнула Надин и, сверкнув очками допреальности, продолжила с некоторым напряжением — сказывалось отсутствие практики: — Но я и правда очень-очень рада, что ты выкроил наконец время из своего напряженного графика и соизволил провести землячку,

прозябающую в чужих унылых краях... Шучу, конечно, я отлично тут устроилась! Но нам не следует стоять здесь и мерзнуть — плохая идея! Предлагаю сделать бэт-джамп... не знаю, как это по-русски... словом, взлететь на крышу «Немо-центра»!

— Надин, лифт...

— Для седых дедушек и ограниченных физических личностей, — отмахнулась она. — Этот трос должен выдерживать до двухсот килограмм, так что волноваться не о чем.

— Должен?

— Ну, так написано в инструкции... но ты не переживай, у нас хорошая медицина, в случае чего разживешься бесплатными биопротезами — они классные, ни за что не угадаешь, какие я себе уже установила!

И, не успел Олег понять, было ли это не очень удачной шуткой, Надин выстрелила из руки вверх какой-то длинной штукой вроде стрелы с веревкой, а потом шагнула к нему, обхватила за шею — куда пропала личная дистанция? — и с силой оттолкнулась от земли.

Они летели — не слишком быстро и без ускорения, но поднимались, держась на тонком прочном тросе и, вероятно, мощном пьезодвигателе. Пожалуй, на лифте было бы быстрее и уж точно куда безопаснее. Но это... уходящий вниз темный город, перечеркнутый блестящими тусклым ртутным сиянием каналами, и падающее сверху глубокое перевернутое небо, и смеющиеся глаза Надин совсем рядом...

Это было как в старых трехмерных фильмах, словно старт ракеты, уходящей в далекий кос-

мос, вот только космонавт не носил скафандра и был абсолютно беззащитен перед жестоким светом далеких острых звезд и бесчисленными роями чужих, незнакомых миров. Правда, не похоже было, чтобы его это хоть немного волновало.

Наверху все было, как он помнил: амфитеатр, кафе, музыка и прочее, только от ветра теперь оберегали прозрачные полимерные щиты, а место бармена-мигранта заняли, похоже, пищевые автоматы, но это были мелочи, не заслуживающие внимания. Они были здесь, и они были одни, и все чертово напряжение последних безумных недель немного оставило его.

Надин уже вызвала электронное меню и задумчиво его изучала, когда Олег наконец очнулся от своих мыслей.

— Послушай... совсем забыл... родители настояли и очень просили передать, — он зашуршал карманами рюкзака. — Сказали, ты любила его в детстве, и хотя я ничего такого не помню, но... вот.

Надин широко распахнула серые глаза, узкое лицо осветилось мягкой улыбкой, и она снова стала той девчонкой, что была грозой яблоневых садов на далеком юге много-много лет назад.

— Спасибо за подарок! — Она буквально вцепилась в яркую обертку шоколадной плитки. — Какой интересный дизайн! «Генеральский»! Поразительно! И огромная советская звезда сверху — любите вы это дело!

«Смайлик в ушанке, в руках бутылка и балалайка».

— Надин, звезда — обычный элемент оформления... В Штатах точно такая же, хоть и белая...

— Да-да, конечно... — Она прижала плитку к лицу и с силой втянула воздух. Смешно наморщила нос. — Ну, я же говорила — от него буквально пахнет коммунизмом!

— Это какао-бобы, — пояснил Олег, невольно снова растягиваясь в глупой беспричинной улыбке. Беспричинной? Он был снова рядом с Надин, и она была рада, и она говорила с ним. Боже, как давно это было... — Климатически адаптированные, из Белоруссии. У вас таких нет.

— Ха! Вот еще, — скорчила гримаску девушка, быстро-быстро нажимая какие-то кнопки в виртуальном меню. — Одну секунду... готово. Тебе я заказала какао со взбитыми сливками, двойную большую порцию, и шоколадный торт — потому что вечером на него скидка, и чтобы ты увидел, что у нас шоколад тоже бывает вкусным, и еще потому, что ты его любишь, я помню.

— Я люблю... — начал было Олег, но тут Надин отпрыгнула к стойке, чтобы забрать поднос, и потом обратно, так что закончить фразу не получилось. Все равно она оказалась бы, наверное, не к месту.

Некоторое время они просто сидели, наслаждаясь вечером и обществом друг друга, перебрасываясь малозначащими замечаниями, поглядывали вокруг. На город уже почти полностью опустилась темнота, и мощные ртутные прожектора подсвечивали только несколько пу-

стых соборов да огромный массив Бизнес-Сити в центре города, где работа не прекращалась даже ночью. От близкой воды ощутимо тянуло холодом, но никакого запаха — мощные насосы гнали в каналы морскую воду, и застоя не происходило.

— Как тебе Большой Амстердам? — Надин повела рукой вокруг, на мерцающие неживым голубоватым светом гигантские стальные и стеклянные шпили, полностью закрывающие теперь устье Амстела. Олег пожал плечами.

— Я прилетел вчера поздно вечером, остановился в Схипхолье, древний «Ибис» еще работает, оказывается, так что, в общем, осмотреться пока не успел...

— Вечером! — понимающе подмигнула Надин. — Зато наверняка в красный район уже наведалься?

«Анимированный смайлик, совершающий непристойные движения».

— Грешен, — согласился Олег. — Встреча с вашими инженерами, ради которой я семь часов трялся в самолете, все равно назначена только на завтра.

— Только ради нее, выходит, трялся? — Надин хитро вскинула узкую бровь.

«Только не сорвись, — сказал он себе. — Сохрани трезвую голову. Ты знал, что будет трудно. Ты, черт возьми, все это отлично знал. И все равно согласился. Возьми себя в руки, идиот».

— Долгожданная встреча с тобой, конечно, с лихвой компенсировала все эти мелкие неудобства, — он беззаботно улыбнулся.

★ — Девушка погрозила ему пальцем.

— Будь это кто-нибудь из местных, я бы тут же сбросила запись разговора на рассмотрение Этической службы... Неумышленный харассмент как он есть. Но это же ты... — Она мечтательно зажмурилась. — А что, небось уже посмотрел себе кого-нибудь в красном районе?

— Забудь. Он теперь сильно отличается от того, что я помню.

— Как это?

— Ну... женщины, мужчины и существа непонятного пола здесь были и в прошлый раз... но киборги и животные-гибриды... это как-то не мое. Выглядит отталкивающе.

— Олег! — шутливо покачала головой девушка. — Астарот с ней, с твоей очаровательно некорректной попыткой флирта, я понимаю, что нелегко так быстро перестроиться на наши правила. Но сейчас ты — прямо воплощение расизма, сексизма и ксенофобии. За это штрафуют!

«Смайлик в полицейской фуражке, сурово грозящий пальцем».

— Но я же просто высказываю мнение...

— И за упорство — тоже.

— Молчу, — Олег вздохнул. — О чем же можно говорить в этой дивной цитадели свободного мира?

— В рамках социально принятых норм — о чем угодно, — рассмеялась Надин. — Это же не Союз, в лагери не отправят.

— Тогда у меня еще один вопрос, — задумчиво сказал он, оглядываясь по сторонам. — Так сказать, к приемной дочери свободного мира

от порождения гулагов и ксенофобии. Почему у вас здесь за последние лет десять стало как-то... темновато?

— В каком смысле? — Надин покрутила головой, потом что-то вспомнила и стащила очки. — Да, верно, я забываю... Это национальная программа экономии энергии. В мире, знаешь ли, кризис. «Зеленые» не позволяют строить новые АЭС, а вы, ребята, ломите за свое электричество какие-то несусветные цены.

Она поглядела на Олега так, словно это он определял политику министерства энергетики СССР.

— Если подумать, это разумное решение. Какой смысл сжигать миллионы киловатт на рекламу, если все равно у всех очки допреальности? Они и информацию выдадут, и подскажут дорогу, и дадут сигнал полиции в случае чего.

«Смайлик в очках».

— И еще велят всем считать, что город — изумрудный... — пробормотал Олег. — Нет-нет, это я о своем, не обращай внимания. А отвечая на твой вопрос насчет города... знаешь, я все-таки, наверное, люблю Амстердам. Несмотря на эту его развязность, на темноту эту, на сырость и даже на то, что он когда-то отобрал у меня...

Неподалеку зашел на посадку маленький частный конвертоплан, и мерный, сильный шепот его винтов на секунду заглушил окончание.

Надин нервно улыбнулась, резким движением снова надела очки и уставилась в пустоту, где в ее виртуальном мире, наверное, всю мигали резким светом рекламы и баннеры, указывая наиболее короткую дорогу домой, и ма-

газины с актуальными скидками. Олег помолчал. С его точки зрения, снаружи было тихо и пусто, редко пролетал мимо какой-нибудь модуль, да еще время от времени хлопали словно бы крылья гигантских нетопырей — трудолюбивые голландцы возвращались домой с работы.

— В детстве у нас, ты помнишь, была такая игра, — сказал он. — Нужно было придумать облик города, где ты пробыл хотя бы несколько дней. Если бы город был человеком, то как бы он выглядел? Что любил бы? Как себя вел? Помнишь?

Надин медленно кивнула.

— Так вот, Амстердам у меня до сих пор ассоциируется с тощим, нездоровым юнцом. Рыжим таким, некрасивым, бледным. Этот парень всегда курит траву и одевается кое-как, бродит под мостами в поисках халявного бухла и приторговывает краденым. Еще он каждый день протирает медные ручки на дверях своего особняка, который достался ему от впахивавшего как вол прадеда. Он сам уже точно не помнит, зачем нужно протирать эти чертовы ручки, но делает это все равно, то ли из уважения к предкам, то ли просто по привычке.

Надин не перебивала, просто слушала, грея в руках чашку с витаминизированным чаем-латте.

— Дома у этого парня просторно, всегда шумно, но порядок тем не менее казарменный. То есть в гостиной могут расслабляться гиперметом и «рапидом» два десятка человек, а на кухне будет по щиколотку пива и чая, но спроси у него, где хранится сахар или стиральный

порошок, — и он ответит. И будь уверена, все окажется на месте. Противоречивый тип, конечно, но и привлекательный тоже. Понимаешь, о чем я?

Надин задумчиво улыбнулась.

— Так и есть, — тихо сказала она, — так и есть, в общем-то... у тебя меткий глаз. Цепкий, внимательный. Я помню, когда мы еще жили там, мне всегда это в тебе нравилось. Да, нравилось, как же давно это было...

Защемило на секунду сердце — резко, требовательно. Сволочь. Какая он все-таки сволочь. И ничего еще не закончилось. Ветер утих, тишина надавила на уши внезапным и безжалостным прессом.

— А как у тебя? — вполголоса спросила девушка. — Здесь это ритуальная фраза, и никто не ждет на нее ответа, но я помню, что у вас там все по-другому, все совсем, совсем иначе, и вопросы задают для того, чтобы узнать что-то по-настоящему. И я говорю это потому, что хочу знать.

«Вот оно, — подумал он. — Вот оно — настоящее».

— Если сложить в кучку события, что случились после того, как я пришел из армии лейтенантом и узнал, что ты... ну, не дождалась... то получится не так уж и много, — слова срывались с губ неживыми, ничего не значащими камешками. — Пошел в науку, я еще со школы участвовал в конференциях, помнишь, мы тогда вместе...

Его на миг снова бросило в жар, но усилием воли он подавил дурацкую слабость.

— После аспирантуры немного помаялся дурью, сейчас работаю в институте — должность не из высоких, но работа захватывает: энергетика, термояд, дейтериевые реакторы, безнейтронные реакции, на каждом шагу допуски и бюрократия... Ну, тут все как обычно — пока одна половина совершает прорывы, другая строчит отчеты. Спасибо, что хоть не доносы. Впрочем, тебе это, наверное, неинтересно...

— Наоборот, — покачала головой Надин, о чем-то размышляя. — Но мне писали, что у тебя после армии были какие-то медицинские проблемы, депрессия, даже в больнице лечился. Или меня информировали неправильно?

По крыше проползла зыбкая тень — наверное, совсем низко прошел полицейский цепелин.

— После армии... — сказал Олег без выражения. — Писали, значит. Да-да-да...

— После меня, — отрезала Надин. — Да, писали и умоляли вернуться. И мы не будем сейчас снова поднимать эту тему — что сделано, то сделано. Но я рада, что ты сумел все это пережить, переступить через глупые детские воспоминания и начал жить дальше. Именно это умение и привело тебя туда, где ты сейчас. В самом сердце Амстердама, центра Нидерландов. И именно оно сделало тебя тем, кто ты есть.

— Младшим научным сотрудником? Невротиком без особых перспектив в карьере?

— Может быть, и невротиком. Может быть. Но ты здорово увлечен и мотивирован, умеешь придумывать красивые образы и как сотрудник важен настолько, что тебя одного отправляют в

недешевую командировку за тысячи километров. Ценит тебя начальство, разве не так?

«Эх, девочка моя, раз уж в ход пошла грубая лесть, то, похоже, я и вправду зачем-то тебе нужен... Впрочем, ты не сильно ошибаешься».

— У меня есть предложение. То есть я думала над той идеей уже давно, — быстро поправилась Надин, — отчасти поэтому и решила сегодня с тобой встретиться, но окончательно она оформилась буквально только что. Рассказать?

Олег сидел с вежливым каменным лицом. Крайний индивидуализм, напомнил он себе. До предела атомизированное общество, крайний индивидуализм и скука. Ностальгия. И жажда новых впечатлений. Гремучая смесь, все, как ему и говорили.

— Я немного пишу сейчас, — официальным голосом сказала Надин. — Ты мои жалкие пробы наверняка не читал, но тренды таковы, что мода на художественную литературу возвращается. Конечно, не на классику, она безнадежно устарела, художественно и идеологически... Речь о современной прозе — искренней и настоящей. От простых людей, для простых людей. Понимаешь?

— Думаю, что понимаю.

— И я задумала написать... не блог, конечно, но что-то вроде этого. Заметки от лица человека, живущего в Советском Союзе. В самом сердце возродившейся красной империи! Это свежо, и это необычно, и это наверняка будут читать. И даже платить за чтение со временем. Если дело пойдет, то на одной только рекламе я

смогу делать верные пару тысяч в месяц. А это совсем немало по нынешним временам.

— Я вижу, в чем здесь трудность, — признал Олег.

— Конечно, видишь, Хельги-бой! — От волнения Надин забыла, как правильно строить предложения, в речи снова прорезался акцент. — Я не была в Союзе уже Астарот знает сколько лет и забыла почти все из того, что помнила. Мне нужен источник изнутри!

— Неужели в сети мало информации?

— Сети? А, в интернете... Нет, конечно, скорее, наоборот, информации так много, что отделить факты от вымысла почти нереально. Плюс пропаганда — ваша, я имею в виду, у нас, конечно, ничего подобного нет... Разобраться сложно. Нужен трезвый взгляд.

— И им стану я, — кивнул Олег. — Живой источник информации о жизни в страшном тоталитарном Советском Союзе. Голос правды из темной мглы застоя и холодного термоядерного синтеза. Для тебя — сколько угодно, за разумный процент, конечно.

— Отлично, у тебя уже получается! — Она даже в ладоши захлопала, тонкий пластик виртперчаток издал странный сухой шелест, словно затрепетали слюдяные крылышки стрекозы. — Тогда мы начнем прямо сейчас! Я планирую написать историю о молодом вегане по имени Святослав, живущем в Сибири.

Олег поперхнулся остывающим какао. От сливок, щедрой рукой навороченных туда, уже, конечно, ничего не осталось. Обман, кругом обман.

— Что такое? — обеспокоилась Надин. — Что-то не так? В Сибири не живут веганы?

— Да нет, — ответил он, восстанавливая дыхание. — Все хорошо, и самоотверженный сибиряк Святослав, на дух не переносящий молоко и мясо, тоже в принципе возможен.

— Думаю, его предков могли сослать туда во время сталинских чисток, — увлеченно продолжала Надин. Зрачки ее удивительных глаз под очками допреальности сейчас трепетали, дрожали, дергались скользя по своей сети. Она впитывала информацию. Точнее, то, что здесь выдавали за таковую. — Дед его мог быть диссидентом, прятать Солженицына под снегом вечной зимы. Ну, то есть книги — бумажные такие. Правильно, они же были?

— Именно, — кивнул он. — Были и есть.

Надин с усмешкой помотала головой, словно не была уверена, шутит ли он.

— А его отец... ну, там тоже что-то можно придумать, интересное же время было — демократия, падение тирании, передел собственности, свобода слова, подъем национализма. Золотой век, должно быть...

— Вполне возможно, что отец твоего Святослава считал именно так, — согласился Олег.

— Наш парень будет жить на последнем этаже старой аварийной двадцатизатжки, стоящей на окраине затерянного в тундре городка Нинск, который когда-то был крупным научным центром, но в настоящее время все его институты и лаборатории закрыты или перевезены в Москву. Эта ваша советская тяга к социализа-

ции... Научные городки по всей стране переживают не лучшие времена.

— Это не совсем так, — мягко поправил он. — В саму Москву сейчас ничего не перевозят, наоборот — разгружают ее от нагромождения учреждений и корпораций. И еще массово строят новые научные городки, старые переполнены. И знаешь... пускай город будет Новосибирском, что ли. Я там бывал, даже работал с полгода, могу давать предметные замечания, с привязкой к местности, что называется.

— Здорово! — Надин шевельнула пальцами, внося поправки в черновик виртуального текста, и отослала ему целую россыпь радостных аплодирующих смайликов. — Видишь, как бодро уже пошло! Я даже укажу в шапке текста, что сюжет основан на реальных событиях... нет, лучше — что он вдохновлен реальными событиями, тогда не смогут придрататься. И еще укажу, что у меня был реальный консультант, проживающий в Союзе. Обязательно укажу. Это еще увеличит монетизацию.

— Рад, что все так хорошо складывается, Надин, — эти слова дались ему легко, он и правда был рад. И уже близко, так близко...

— С тобой все в порядке? — Надин снова сфокусировалась на нем. — Выглядишь слегка взбудораженным.

— Нет-нет, все в норме, — сказал он. — Просто... поздно ведь уже совсем. Заведение должно закрываться, наверное. Нас не прогонят отсюда?

Надин рассмеялась. Звонко, весело.

— Я все забываю, какой ты бываешь иногда смешной. Такой... всегда озабоченный тем, чтобы не причинить неудобств другим. Личное — ничто, общественное — все. Настоящий коммунист. Нет, конечно, точку будут обслуживать до последнего клиента.

— Жестко у вас тут все, — он тщательно подбирает слова. — Без души.

— Зачем нужна душа, когда есть правила? — удивилась Надин. — Душу придумали русские, чтобы законы не соблюдать. Итак, давай продолжим, наш Святослав живет в этом вашем Новосибирске, в стареньком многоэтажном доме... а может, лучше сделать его обитателем ваших новых купольных конструкций? Я немного читала о них.

— Довольно недавно появились, да, — подтвердил Олег. — Собираются на месте, стоят долго, весят мало. Но в рассказ их вставить не выйдет, такие строят либо в малозаселенных районах, либо там, где нужно срочно расселить много людей. Беженцев с Балкан и Средней Азии, например — их в первую очередь для того и выпускают, собственно говоря.

— Жаль, было бы экзотично. Особенно на счет размещения беженцев.

Она помотала головой — наверное, это и вправду было сложно понять.

— Словом, наш парень занимается наукой, я думала, может, английским языком и литературой, я в этом хоть что-то понимаю, но теперь, как мне кажется...

— Энергетика, конечно, — согласился Олег. — Использование МОХ-топлива с нео-

★ — граниченным количеством циклов, реакторы на быстрых нейтронах и все такое прочее, у нас по этой теме есть интересные наработки, так что можно будет писать предметно, с реальными данными реальных исследований.

— Прошу внимания, мальчики и девочки, именно так и рождается гениальный сюжет! — с каким-то боязливым восхищением сказала Надин. — Я даже не думала, что так круто пойдет. Этак на меня за такие тексты начнут подозрительно смотреть ребята из NSO и AIVD... Впрочем, плевать, у нас свободная страна.

Олег кивнул с самым серьезным видом.

— Так вот, как-то раз нашему Святославу повезло и не повезло одновременно...

— Ему предложили сотрудничество американские спецслужбы? — догадался Олег.

— И сделала глубокий минет лично Ясмин де Конинк, Мисс Европа-2055, — фыркнула Надин. — Нет, конечно. Он познакомился через интернет и влюбился в замечательную умную девушку, без хронических болезней и генетических отклонений, нечастый случай. Но прекрасная принцесса, как выясняется, живет в капиталистической стране, и потому они никогда не смогут быть вместе. Разумеется, если он не найдет способа просочиться через границу мимо недремлющего ока вашего КГБ.

— Последний пункт меня немного смущает, — сказал Олег. — В частности, я не вижу проблемы с выездом за рубеж славного влюбчивого Святослава, границы открыты, лети в любую страну... Но в принципе, если придумать здесь какой-нибудь сюжетный финт, исто-

рия вполне имеет право на жизнь. Правда, мне кажется, я где-то уже слышал нечто подобное...

— Первыми всегда приходят в голову те истории, что случались с тобой, — Надин механически усмехнулась. — А ты бы — смог?

— Что смог?

— Бежать из Союза. Ради меня?

Сплошная тьма вокруг, черная ночь. Сердце бухало, разрывая грудную клетку. «Я не смогу, — сказал он себе. — Черт, я не смогу, я слишком давно ее не видел, и я не смогу, не выдержу, и сейчас я скажу что-нибудь глупое и сентиментальное, и она растает и улыбнется, и все снова полетит к чертям... Нет. Нет. Поймай, — сказал он себе уже почти спокойно. — Не так быстро...»

— Надин, — поднял он пустые ладони. — Не нужно этого. Просто переступить через все, что было, помнишь, ты же сама говорила? Шаг, второй, все получается само собой, это называется ходьба, и вот уже оказывается, что ничего не было... Не было этих наших ночей под деревом у бабушки на даче, и наблюдения за звездами на крыше старого сарая — туда еще постоянно падали созревшие абрикосы и запекались в сушку прямо на горячем шифере... Не было катаний на лодке в плавнях, не было пеших походов, не было того утра в смешном, сплетенном из трав и маскировочной сетки шалаше, когда я признался, и ты пообещала... Детство, я знаю, и слова ничего не значат. Но мы-то уже не дети. Мы взрослые люди, Надин.

Она смотрела на него глазами, которые вдруг стали огромными и полными жидкого

★ — стекла. И он тоже смотрел на нее, и слова не шли, и они оба были как два застывших изваяния, как две пылинки, бессмысленно парящих под стеклянным колпаком, из которого вдруг откачали воздух.

Подул ветер, пробрался сквозь щиты, обманул стражников, разметал волосы, побеспокоил двоих за столиком.

— Господи, как же тут тяжело... — выдохнула она вдруг изменившимся голосом. — Олежаек, заведи меня отсюда, куда уютно, хоть обратно в Союз, только заведи...

— Надин...

— Ты не понимаешь, но я задыхаюсь здесь, все вроде бы спокойно, предсказуемо, разумно, и кажется, что притерпелась, привыкла, но как же все это бесит временами, меня будто заперли в жесткий корсет и отпустили гулять в прекрасном саду, да только какой в этом толк, если не продохнуть, и нет времени быть собой, а нужно только казаться и делать вид, и я не хочу так...

— О, Надин...

— И я помню, что раньше было иначе... раньше, в детстве, там, дома, и я хочу все обратно, боже ты мой, как я этого хочу, а здесь даже «боже мой» нельзя сказать, а все говорят «Астарот», и это тоже бесит, и как же здесь жить с этим, как здесь теперь жить...

— Надин!

Она уставилась на него, и в этом взгляде было столько яростной, отчаянной надежды, что в очередной забег с места прыгнуло вдруг

сердце и голова на секунду потеряла способность соображать.

«Сейчас ты скажешь это. Ты скажешь это и навсегда закроешь тему. Станешь холодной, расчетливой мразью. Потому что это именно то, что от тебя требуется».

— Это был твой выбор, — сказал Олег. Слова падали медленно, тяжелыми густыми каплями. — Одна из особенностей выбора — тебе приходится сталкиваться с последствиями. И ты можешь ненавидеть эти последствия, но только тогда придется ненавидеть и себя тоже, потому что именно ты дала им когда-то зеленый свет... Я не горжусь многим из того, что сделал, и еще сделаю, в том числе и своими словами, — но решать эту проблему тебе придется самой. Без моей помощи.

Пощелкивая и булькая, варился напиток в кофе-машине, до них долетал горячий запах красителей и ароматизаторов. Телевизор передавал ночной хит-парад, из динамиков лезла и дергалась мертвая механическая музыка.

— Что ж, — сказала она наконец. Глаза ее были красными, но совершенно сухими. — Честный ответ, это стоит уважать. Да и возвращаться, по большому счету, нет никакого смысла — единственный человек, который, как я думала, меня там ждет... словом, его нет. И, наверное, уже давно. Принято, Хельги.

Олег не ответил. Ничего не имело значения, только ее следующие слова.

— Но я думаю, это никак не мешает нашему дальнейшему сотрудничеству, — решила Надин. — Наоборот, сугубо деловые отно-

шения — залог длительной совместной работы. Чувства были, к чему отрицать, но мы оба очень успешно перешагнули через них, правда?

Глаза говорили иное, но Олег не стал в них смотреть.

— Конечно, — сказал он. — Обращайся за консультацией в любое время, помогу, чем смогу. У тебя очень интересный проект, с удовольствием буду участвовать.

Простые вежливые слова. Тяжелое, словно чугунное, сердце медленно сокращалось в груди. Ночь шла своим чередом.

— Так и решим, — она легко поднялась. — Кажется, сегодня мы положили начало работе, которой можно будет гордиться. Приятно было провести с тобой вечер... лейтенант Немо. Подвезти, извини, не смогу — велосипед держит только одного, но по ночам тут довольно безопасно. Думаю, скоро увидимся.

Она быстро, спокойно прикоснулась губами к уголку его рта и отступила. Губы были горячими и, кажется, самую чуточку солеными. Впрочем, ему это, скорее всего, показалось.

Олег всунул в автоматического бармена три упругие пластиковые купюры. Вызвал лифт, используя ценный муниципальный ресурс, спустился к набережной. Слева, он помнил, должен был стоять у причала никогда не ходивший по морям бриг «Амстердам», но во тьме его было не разобрать. Что ж, обойдемся.

Он медленно шел по краю набережной, вдыхая прохладный ночной воздух.

Расчеты показывали, что Надин все-таки возьмется за свой будущий онлайн-роман всерьез. А психотесты, пройденные еще в детстве, подтверждали — девушка упорна и напориста, а теперь еще и отвергнута. Текст пойдет, и пойдет быстро, и Олег будет добавлять в него реальные факты, в том числе и секретные сведения, которые может знать только сотрудник научного института с высоким допуском. И талантливый текст будет расти и постепенно выкладываться в свободный доступ, обрастать читателями... И рано или поздно его заметят сотрудники того самого AIVD — Общей службы разведки и безопасности Нидерландов. Заметят и поинтересуются — что за знающий парень консультирует увлеченную писательницу? Может, он и им тоже пригодится, с таким-то допуском?

А дальше будет совсем просто. Контакт, прощупывание. Предложение о сотрудничестве. Ни в коем случае не шпионаж, о чем вы? Просто редактура художественных книг. Мирное, ни к чему не обязывающее занятие — править работы молодых, начинающих авторов, мало знающих о жизни в России. То же самое, что вы уже делали, исключительно в целях научной объективности. Вы же не любите глупых ошибок, правда?

Он не любит. Поэтому согласится. И будет послушно редактировать художественные тексты, изобилующие техническими подробностями разработок СССР в области ядерной энергетики. Или ядерного оружия — они ведь очень

похожи, эти разработки. Продукция двойного назначения.

А еще чуть позже с ним выйдет на связь приятный парень в военной форме и скажет: «Дружище, слишком поздно отступать, теперь ты работаешь на нас». И он снова согласится, и станет работать, передавать за границу интересующие его работодателей сведения о направлениях работ советских ученых в области термоядерной энергии — деньги ведь не лишние, да и парень в военной форме совершенно прав — отступать уже поздно.

Особенно поздно будет, когда через много лет выяснится, что предоставленные данные были полной, беспросветной и очень качественной фальшивкой. Дезой. Иначе зачем бы его вообще привлекали к этой комбинации? Отслеживали сообщения в соцсетях, подавали нужные реплики мятущимся блогерам, подталкивали их к правильным мыслям и выводам... Введение потенциального противника в заблуждение в ключевой сфере интересов, многолетнее внедрение и контролируемые вбросы. А как следует поданная дезинформация может со временем превратиться...

«Да во что угодно может превратиться, — сказал он себе. — Решительно во что угодно».

В мире стояла ночь — тяжело, непоколебимо. Но в мире будет и день. И когда этот день придет и победа окончательно утвердится на нужной стороне, Олег, наверное, не сможет смотреть на себя в зеркало. Не сможет видеть в нем лицо человека, равнодушно отстранившегося от потерянной, испуганной, отчаявшейся де-

вушки, которая в последний раз нашла в себе силы довериться ему. Ему будет стыдно и больно, и, возможно, он так и не простит себя. Но пока вокруг было темно, и значит, его знания и опыт спящего агента военной контрразведки еще могли пригодиться.

Он шел со злой улыбкой по безлюдным улицам города Амстердама, и в глазах было самую чуточку солоно, а в ушах все так же свистал холодный ветер...

СОДЕРЖАНИЕ

Цокто Жигмытов, Чингиз Цыбиков. В ШТАТНОМ РЕЖИМЕ	5
Алиса Климова. ВАМПИР	24
Сергей Спящий. ГОРОДСКИЕ СОТЫ	33
Евгения Празднова. ЗАПАХ ЯБЛОНЬ	69
Александр Горбов. ЗАРЯНКА	108
Иван Роу. КУРЬЕР	138
Ава Рламова. О ГВОЗДЯХ И ОШИБКАХ ВТОРОГО РОДА	153
Михаил Савеличев. ПОД СЧАСТЛИВОЙ ЗВЕЗДОЙ ...	179
Владислав Шпаков. ПРЕДЪЯВИТЕ ВАШИ ДОКУМЕНТЫ!	227
Александр Погодаев. ПРОБА ГЕНРИ	247
Михаил Рагимов. СИННИЕ ПТИЦЫ	255
Лев Соколов. СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК	269
Шура Тверских. УЧИТЕЛЬ РУССКОГО	289
Александр Руджа. ЛЕЙТЕНАНТ НЕМО	322

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

СССР-2061

Ответственный редактор *И. Минаков*

Редактор *Е. Кондратьева*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *В. Фирстов*

Корректор *М. Колесникова*

ООО «Издательство «Э»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86.

Өндіруші: «Э» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86.

Тауар белгісі: «Э»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107.

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта Өндіруші «Э»

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 17.02.2017.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Baltica».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 2 000 экз. Заказ № 1925.

Отпечатано с готовых файлов заказчика

в АО «Первая Образцовая типография»,

филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-93208-5

9 785699 932085 >

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
ОДИН КЛИК ДО КНИГ

Оптовая торговля книгами Издательства «Э»:

142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74

**По вопросам приобретения книг Издательства «Э» зарубежными
оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж**

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department for their orders.*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел.:**

+7 (495) 411-68-59, доб. 2261

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса:

142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный)

Полный ассортимент книг издательства для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел.: (812) 365-46-03/04

В Нижнем Новгороде: 603094, г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29,
бизнес-парк «Грин Плаза» Тел. (831) 216-15-91 (92/93/94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», 344023, г. Ростов-на-Дону,
ул. Страны Советов, 44 А. Тел. (863) 303-62-10.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е»
Тел. (846) 269-66-70

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел.: +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел.: +7 (383) 289-91-42

В Киеве: ООО «Форс Украина», г. Киев, пр. Московский, 9 БЦ «Форум»
Тел.: +38-044-2909944.

Полный ассортимент продукции Издательства «Э»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД»,
Невский пр-т, д. 46. Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14.

BOOK24 RU

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН

BOOK24 RU

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

СССР— 2061

Будущее, до которого хочется дожить...

Кто бросил клич «Марс — дело общее»? Этот вопрос долго интересовал часть работников Звездного городка. Вторая Марсианская экспедиция с самого начала подготовки ажиотажа не вызывала. Один раз были? Ну и хорошо! Да вот только отмахнуться от желания энтузиастов вплотную заняться освоением Красной планеты официальной советской космонавтике не удалось...

Сборник фантастических произведений о светлом будущем, составленный совместно с проектом «СССР-2061»!

ISBN 978-5-699-93208-5

9 785699 932085 >

СССР — 2016

